

О П И С А Н І Е
в с ѣ х ѣ
О Б И Т А Ю Щ И Х ѣ
ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ
Н А Р О Д О В Ѣ

Ихъ жипейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ,
жилищъ, упражненій, забавъ, вѣроисповѣданіи и
другихъ достопамятностей.

Твореніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Нѣмецкомъ языкѣ
Юганна Готтлиба *Георги*, въ переводѣ на Россійскій языкѣ весьма
во многомъ изправленное и въ новъ сочиненное;

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

со 100 гравированными изображеніями Народовъ и 8 виньешами.

Изданіемъ книгопродавца Ивана Глазцова.

съ позволенія С. Петербургской цензуры.

ВЪ С А Н К Т П Е Т Е Р Ь У Р Г Ѣ,
при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

О П И С А Н І Е
в с ѣ х ѣ,
О Б И Т А Ю Щ И Х ѣ
ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ,
Н А Р О Д О В Ѣ

и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ,
жилицъ, Вѣроисповѣданій и прочихъ
достопамятностей.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т І Я
О Н А Р О Д А Х Ѣ
С Е М О Я Д С К И Х Ѣ, М А Н Д Ж У Р С К И Х Ѣ
и в о с т о ч н ы х Ѣ с и б и р с к и х Ѣ
какъ и о Шаманскомъ Законѣ.

Изданіе мѣ Книгопродавца Ивана Глазунова.

сѣ позволенія С. Пешербургской Цензуры.

В Ѣ С А Н К Т Ъ - П Е Т Е Р Б У Р Г Ѣ,
при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, описанныхъ въ ТРЕТНЕЙ
ЧАСТИ, съ показаніемъ, на которой страницѣ о которомъ
изъ нихъ писано.

	страниц.
I. О Семоядскихъ Народовъ во обще	- 1
II. О Семояди	- 4
III. О Коибалахъ	- 12
IV. О Саятахъ	- 15
V. О Машорахъ	- 16
VI. О Тубинцахъ	- 17
VII. О Камачиндахъ	- 18
VIII. О Каракассахъ	- 19
IX. О Народовъ не извѣстной или смѣшанной породы	- 21
X. О Енисейскихъ Ошякахъ	- 22
XI. Объ Ариидахъ	- 24
XII. Объ Азанахъ	- 26
XIII. О Котовцахъ	- 27
XIV. О Манѣжурскихъ Народовъ во обще	- 29
XV. О Тунгузахъ	- 33
XVI. О Восточныхъ Сибирскихъ Народовъ во обще	- 52
XVII. О Юкагирахъ	- 54
XVIII. О Камчадалахъ	- 56
XIX. О Корякахъ	- 69
XX. О Чукчахъ	- 74
XXI. О Курильцахъ	- 78
XXII. О Восточныхъ Островскихъ жителей	- 81
XXIII. О Шамацкомъ Языческомъ Законѣ	- 98

СЕМОЯДСКІЕ НАРОДЫ.

Кочующіе въ западной сторонѣ Уральскихъ горъ или прямыя Россійскіе *Семояди* сдѣлались правда подданными уже Царю *Теодору Ивановичу* въ 1525 году, и слѣдовательно за долго еще до покоренія въ седьмомъ надешать столѣтіи Сибирскихъ народовъ: но касающіяся до нихъ и до принадлежащихъ къ нимъ колѣнъ происшествія такъ, какъ и бытія всѣхъ Сѣверовосточныхъ народовъ Россійскихъ, погружены въ неисповѣдимости. Семояди, кочуя въ самыхъ суровыхъ пустыняхъ, и при томъ не умѣя ни грамоши, ни счисленію времени, знаютъ обстоятельства своего происхожденія, единоплеменства, странствованій и прочаго не больше, какъ сколько могутъ почерпнуть о томъ свѣденія изъ изустныхъ преданій, древнихъ пѣсенъ и сказокъ о своихъ богашыряхъ и предкахъ, также о странахъ, горахъ, рѣкахъ и шакъ далѣе, по близости которыхъ жили они въ старыя времена: но таковое знаніе малымъ чѣмъ превозходитъ и совершенное невѣденіе.

Сами они наблюдаютъ правда между собою по поколѣніямъ своимъ строгой союзъ, и рѣдко вступають съ чужими въ бракъ; да и шо одни только женщины переходятъ въ другія поколѣнья. Не меньше пристрастны они къ своему языку и къ прародительскимъ

Часть III.

А

обычаямъ. Но Россійскіе побѣдители обрѣли разныхъ сего племени народовъ отъ часши не въ сшаринныхъ уже ближе къ Югу лежащихъ мѣстахъ, которыхъ лишили ихъ Ташара въ четвертомъ десяшъ столѣтіи, отъ часши же ошщетившихся на побѣгъ отъ единоплеменныхъ своихъ колѣнъ; и при томъ нѣкоторые шокмо народы пребывали тогда въ настоящемъ своемъ состояніи. А какъ и сшарались народовъ сихъ и ихъ племенъ послѣ побѣдъ надлежащимъ порядкомъ различашъ; по названія многихъ отъ часши переломаны, отъ часши же своевольно выдуманы и даны. Ташара называли всѣхъ Сибирскихъ покоренныхъ народовъ *Уштякали*. У Россіянъ почти столь же обще употребляются названія *Семояль* и *Отяки*. Извѣстные подъ симъ наименованіемъ народы сходствуютъ между собою отъ часши Сѣверными только жилищами и великимъ единообразіемъ житейскихъ обрядовъ: напрошивъ шого ни въ языкахъ ихъ, ни въ видѣ, ниже въ душевныхъ качествахъ и нравахъ нѣтъ ни какого сходства. А особливо многія Ошякскія колѣна называющіяся *Семоялю*, а Семоядскія *Отякали*, какъ отъ простыхъ людей, такъ и въ приказныхъ мѣстахъ. Жители *Тарханской волости* на рѣкѣ *Обѣ*, по собственному ихъ преданію, Ташарской породы, и обшшали прежде на Иршышъ неподалеку отъ усшья Тѣбала: но по елику ихъ обрѣли между Семоялю, то и причислили ихъ къ оной. Въ большой половинѣ холодныхъ и непроходимыхъ пушынъ сихъ народовъ никто еще изъ ученыхъ и опышачелей не бывалъ; и есть не мало шакихъ колѣнъ, и въ коихъ видны вѣтъ ихъ предѣла въ одинакіе только выходы. Пушешествующіе въ шамошнихъ мѣстахъ собиратели подашей и надзиратели, думаютъ сверхъ обязанности своей о шоргахъ и прибыли больше, нежели о приобрѣшеніи нужныхъ свѣдѣній, и по привычкѣ едва и самыя шранные предметы кажутся имъ досшопамяшными.

По моему намѣренію, которое клонштся къ шому, чшобы описывать больше нынѣшнее состояніе обшшающихъ въ Россіи народовъ, нежели древнія ихъ бытія, служатъ мнѣ вѣрнымъ руководствомъ шруды сл вныхъ нашихъ Историковъ, а именно г. Сшашскаго Совѣшника *Миллера* Собранія Россійской исторіи, и г. Профессора *Флишера* Сибирская исторія, а особливо сообщенные мнѣ первымъ рукописные словари, собранные самимъ имъ у разныхъ народовъ. Судя по согласію различныхъ общаго языка нарѣчій, и по сходству вида и житія, должно почиташъ, кромѣ настоящшхъ Семоядскихъ колѣнъ, нѣкоторые къ Ошякамъ причисленныя поколѣнья ш

разные небольшіе Красноярскіе остатки народовъ, о коихъ упомянуто въ описаніи Ташарскихъ народовъ, какъ то, *Кисалъ*, *Маторовъ*, *Тубинцовъ*, *Калатинцовъ*, *Каракассовъ* и *Саятовъ*, единоплемненными *Селояди* по ихъ произхожденію. Вѣроятно кажется, что они во время побѣга своей брашнѣ въ склонившіяся больше на Сѣверъ пустыни, остались у побѣдоносныхъ Ташаръ въ ихъ жилищахъ, или скопились изъ спасавшихся бѣгствомъ отъ жестокошн Ташаръ.

С Е М О Я Д И.

Семояди называются сами *Лингелми* (людьми) и *Хозовами* (мужами). Если слово *Семояди* произведено отъ Финскаго языка, то производитъ оно, можеть бытъ, отъ *Салмаанды*, названія Лопарской страны, или и отъ слова *Соома*, болото, по тому, что въ пустыняхъ ихъ есть обширныя болота. Въ старинныхъ Россійскихъ приказныхъ вѣдомостяхъ назывались они и *Сыроѣдцами*. У *Отяковъ* называются они *Ерчхо*, у *Тунгузъ* *Джандаты*, и такъ далѣе.

Они живутъ около, да и на самыхъ берегахъ Ледовитаго моря, въ Европѣ отъ Бѣлаго моря или прямо отъ рѣки *Мезени* до Уральскихъ горъ, а въ Азїи отъ сихъ горъ за рѣку *Енисею*, почти до самой Лены, въ Европейской Россїи особенно, а въ Сибири отъ части по близости, а отъ части и обще съ Отяками. Жилища ихъ начинающя почти отъ 65 степеня Сѣверной широты. Мѣста ихъ болотны и гористы. Съ 67 степеня широты какъ по сему состоянію земли, такъ по причинѣ великой стужи, деревья уже не растутъ, но видны одни только кустарники, да и тѣ чѣмъ далѣе къ Сѣверу, тѣмъ низменнѣе и рѣже становящяся. На *Новой Землѣ*, спустивъ усшя *Оби*, они правда не живутъ: но за Енисеемъ на Воспокъ простирающя обитаемыя ими берега отъ части и до 75 степеня Сѣверной широты: по чему обширная ихъ область можеть почестъя самую непроходимую, холодную, пусую и суровую часть земнаго шара.

Они раздѣляются на поколѣнья, а сіи на роды. Поколѣнья наблюдаютъ строго между собою союзъ, и съ другими колѣнами мало имѣютъ сообщенія, а отъ части между собою и не знакомы: по чему и нарѣчія общаго ихъ языка весьма несходны. Въ Россїи кочуютъ *Лаггское* и *Ванойтское* поколѣнья, кошорыя обще называются *Обвендырями*, и состоятъ между Мезенью и Печорою, слѣдовательно наиболѣе къ Западу; а около Печоры *Тихондыри*; также *Тусса-Илоган* и *Хуминги*, Рос. (*Карангаги*); въ Сибири живутъ *Турарыги* вдоль береговъ иорскаго Вайгашскаго пролива; около вѣршины *Оби*, между Обью и Енисеемъ, начиная отъ Мангазеи, еще многочисленнѣе *Юряки*; а между Енисеемъ и нижнею Леною не меньше людныя *Тавы*. По послѣдней переписи въ Архангелогородскомъ намѣстничествѣ находилось около 936 семей, кои ссоставляли 1349

душъ мужскаго и 1415 женскаго пола. Семоядь вообще многолюднѣе Ошяковъ, но шакъ же, какъ и шѣ, разсѣяна по чрезвычайно обширнымъ своимъ землямъ.

Семояди росшу самага небольшого, и рѣдко бывають ниже четырехъ, а выше пяти футовъ. Въ прочемъ они коренасы; ноги и шея у нихъ короткія, голова большая, лицо и носъ нарочито плоскія, нижняя часшь лица немало выдалась въ передъ; рошъ и уши большіе, глаза маленькіе черные, вѣки продолговатыя, губы шонкія, ногти маленькія, кожа смуглая; волосу кромѣ головы нигдѣ нѣшъ, какъ по шому, что худо росшешъ, шакъ и для шого, что оба пола съ молоду рачительно его вышеревливають; въ прочемъ онъ у всѣхъ черной и жесткой. У мужчинъ виденъ на бородѣ олинъ только пухъ. *Женщины* ихъ посшашнѣе, росшомъ ниже, и червы лица ихъ понѣжнѣе, но шакъ же, какъ и мужчины, не красивы. Груды у нихъ маленькія и плоскія. Вопреки утвержденіямъ вѣкошорыхъ писателей носяшъ они плашаное, однакожъ очищене бываешъ очень малое. Дѣшей рожашъ начинають очень ране; инья бывають у нихъ машерями на двенадцатомъ и на шринадцатомъ голу; но они не очень плодородны и съ шридцатаго голу пересшашють уже рожашъ. Сіе самое состояніе женскаго пола и суровый поясъ ихъ шраны конечно причиною и шому, что они малерослы и худо размножаются; ибо ни что другое приращенію ихъ не препяшшувешъ. Обыкновеннѣйшія у нихъ болѣзни бывають горячка и лихорадка, кошорыя хотя и много между ими свирѣшшувють, однакожъ мало опъ нихъ умирають. Цынга имъ совсѣмъ не извѣсна. Они доживають до 60 и до 70 лѣшъ, но далѣ шого весьма рѣдко.

Семояди ошважнѣе, дичае, и не шолько благонравны и послушны, какъ привыкше больше къ Россіянамъ Ошяки; при шомъ они суевѣрны, не чужды природныхъ дарованій, ни къ варовшву, ни къ убійшвамъ, ни къ мщенію не склонны, и ни къ чему не присшрасшны ни мало. Многие, а особливо изъ женщинъ, чрезвычайно *лусливы*. Когда шакіе люди испугаються, или нечаянно увидяшъ нѣчто шстранное, и шакъ далѣе, шо бывають шакъ, какъ и Лопарскія женщины, внѣ себя, и приходяшъ пакы въ чувштво нескоро и при великой слабосши. Иные не могутъ перпѣшь свиспу, нечаяннаго къ нимъ прикосновенія, да и самага малаго шуму или стуку: и опъ шого штановяшся бѣшены Сіе свойшвенно имъ обще съ Ошяками, Тунгузами, Якушями и всѣми въ ближайшихъ къ Сѣверу вѣсшахъ живущими народами: по чему и надобно искашь шому при-

чины въ мѣстоположеніи и суевѣрныхъ спрашилищахъ, копорыми нугаюшъ ихъ съ самаго младенчества.

Междоусобное ихъ устройство было и есть нарочито еще старинное. У нихъ не бывало никогда Князьковъ, владѣльцовъ или иныхъ какихъ судей, кромѣ старшинъ надъ поколѣньями. Памяшь нѣкоторыхъ богатырей, оказавшихъ мужество свое почпи на одномъ только звѣриномъ промыслѣ, также семьянисшихъ родоначальниковъ и славныхъ волшебниковъ, соблюдаюшъ они въ сказкахъ своихъ и пѣняхъ. По покореніи ихъ Россійской державѣ, построены въ округахъ ихъ ошъ часни для усмиренія, а ошъ часни и для собиранія подаши, нѣсколько остроговъ; на что они сперва и негодовали. Но они давно уже успокоились, и *лодатъ*, кошорой раздѣленіе предосшавлено имъ на волю ошъ ПЕТРА Великаго, плашяшъ по привычкѣ, хошя и безъ всякихъ другихъ доказательствъ своего подданства, однакожъ безъ ропшанія и супротивленія, добровольно въ опредѣленныхъ ошдашочныхъ мѣсшгахъ. Подашъ же сія сосшоитъ на каждую мужескаго пола душу въ разной мягкой рухляди, соболяхъ, лисицахъ и проч. и оченъ мало приноштъ казнъ прибыли, по тому что Россійское правительство ошнюдь подданныхъ своихъ не ошягощашъ великими взысканіями.

Кочуя безнечю въ своихъ пустыняхъ, *не думаютъ* они ни о *счисленіи времени*, ни о *глатоти*, ниже объ *цгени*. Лунныя пещенія называютъ они, по примѣру Ошяковъ, по ешественнымъ явленіямъ и ошносящимся къ ошнымъ ихъ ураженіямъ. У нѣкошорыхъ Семоядскихъ поколѣній ешъ шакъ, какъ и у иныхъ Ошякскихъ, шакое обыкновеніе, что условясь между собою о чемъ ни будь, выжигаютъ у себя на рукахъ въ знакъ вѣрнаго исполненія ошщанія, нѣкошорыя изображенія или клейма. При кляшвѣ или присягѣ становяшя они на свѣгъ, и клянущя, что бы имъ рощашъ подобно свѣгу, ешъли они говорашъ не правду.

Зилкія свои *хижины*, копорыя по двѣ и по три, а больше рѣдко, стояшъ вмѣстѣ, вырываютъ многія какъ и Ошяки, до половины въ землѣ; поверхъ же ямины сосшавляютъ нанскось жерди и покрываюшъ ихъ оленьими кожами или берестою. *Лштомъ* кочуюшъ они шо у шой, шо у другой рѣки или озера, и спавяшъ въ шакovýchъ мѣсшгахъ шилованыя жердчаныя юршы, подобныя Тунгузскимъ, и покрываюшъ ихъ шакъ же, какъ и зимнія жилища. При перекочовкѣ не шрогатшъ они съ мѣсшвъ юршныхъ подпоръ, какъ и Тунгузы, а берушъ съ собою ошн шолько крышки. Многіе изъ нихъ живушъ

въ юртахъ, подобныхъ шалашамъ или полашкамъ. Они любятъ жить въ чисшыхъ равнинахъ, которыя по большой части у нихъ шундришты, и не часто перебираются съ одного мѣста на другое.

Домашній скарбъ у нихъ шаковъ же, какъ и у Ошяковъ, и состоитъ больше ни въ чемъ, какъ въ щепяной посудѣ, кошлахъ, ножахъ, шопорахъ и саняхъ, которыя у нихъ называются таршами; такъ же корзинахъ, и кожаныхъ мѣшкахъ. При перекочовкѣ употребляютъ они узкія санки, въ которыя впрягаютъ оленей, или, какъ то дѣлаютъ особливо ближе къ Воспоку живущіе, собакъ, либо и сами ихъ везутъ

Промыслы ихъ состоятъ въ звѣриной и рыбной ловлѣ, да въ содержаніи оленей. Звѣриная и рыбная ловля могутъ почестись общими упражненіями и главнѣйшими отраслями пропитанія. Ради *звѣринаго промысла* кочуютъ они и зимою. *Туарыги* перебираются по льду небольшими артелями черезъ морской Вайгашской проливъ, для звѣринаго промысла на необитаемомъ и самую Семоядью оспровѣ *Новой земли*. Въ странахъ ихъ водятся наибольше и къ наивышшей ихъ пользѣ *дикіе олени*, которыми они наипаче питаются, кожами ихъ одѣваются, покрываютъ свои юрты, спятъ на оныхъ, и такъ далѣе. Изъ прочихъ же звѣрей Сибирскихъ и Россійскихъ водятся у нихъ наибольше бѣлая и черная лисицы, бѣлые медвѣди и нѣкоторыя другіе. Когда они, будучи на звѣриномъ промыслѣ, далеко отъ мѣстъ своихъ отходятъ; то дѣлаютъ на снѣгу или на пескѣ въ разныхъ мѣстахъ помѣтки; и всякъ употребляетъ непременно свою особливую, какъ будто заручительное клеймо: по чему семейство его удобно можеть за нимъ слѣдовать и его отыскивать. На звѣриномъ промыслѣ употребляютъ они силки, ловушки, лукъ, стрѣлы, рогатины и гончихъ собакъ, кои хотя и не велики, но весьма сильны. Звѣроловныя хитрости производятъ весьма проворно и рачительно.

Сколь прилжно упражняются они всѣ вообще зимою въ звѣриномъ промыслѣ, столь рачительно производятъ и лѣтомъ *рыбную ловлю*. Они не меньше Ошяковъ въ томъ искусны и заимствуютъ отъ сего промысла для нуждъ своихъ всякія выгоды.

Семояды вообще скудны: однакожь почти у всякаго есть по 20, или 50, а у иныхъ по 100, и по 500 смирныхъ оленей; а у нѣкоторыхъ и до 2000; сіи олени полагаются Россіанами цѣною отъ 5 до 10 рублей. Они вьдять на нихъ верьхомъ и впрягаютъ ихъ въ свои санки; вьдять же шолько издохшихъ или изувѣченныхъ

однакожъ убиваютъ иногда для жершвоприношенія и здоровыхъ. Молока ни въ пищу, ни на сыръ не употребляютъ: по чему и скотъ у нихъ приращается.

Женщины удражняются по примѣру Опячекъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ въ шитьѣ одѣянія, въ выдѣлкѣ кожъ, въ сушеніи рыбы и во всемъ прочемъ до хозяйства ихъ касающемся. Гдѣ роснетъ кропива, тамъ прядутъ они ее такъ, какъ Башкирки и другія, но не для шканья, а употребляютъ пряжу свою единственно на нитки, сѣти и веревки.

Всякихъ звѣрей, птицъ и рыбъ, кромѣ собакъ, кошекъ, горностаевъ, бѣлокъ и змѣй, ѣдятъ, не разбирая, дома ли или на звѣриной ловлѣ убиты, либо околѣли отъ какой ни есть болѣзни или порчи. Когда найдутъ на берегу своемъ мертвого кита, то почитаютъ сіе благодатью и благодарятъ за оную своихъ боговъ, по тому, что многіе люди питаются онымъ нѣсколько дней во изобиліи. *Пищу готовятъ* споль же просто и неопряпно, какъ и Опяки. Четыре, пять и больше семей варятъ нерѣдко въ одномъ котлѣ, и при томъ ни когда его не чистятъ. Хлѣбъ вовсе имъ незнакомъ; да и дикихъ кореньевъ и плодовъ ѣдятъ мало: по чему мясо и рыба служатъ имъ всеневною и непремѣнною пищею. Соли не употребляютъ, и варятъ все просто въ водѣ. Не только на звѣриномъ промыслѣ, но часно и дома, ядятъ мясо какъ оленьѣ, такъ и другихъ звѣрей, да и рыбы, сырые; а особливо парная кровь звѣрей почитается у нихъ лакомствомъ. Сушеной на солнцѣ рыбы ни когда не варятъ; но въ запасъ заготовляютъ себѣ или мерзлую или сушеную. Они любятъ веселость отъ *улоенія* производящую, и по тому курятъ чрезвычайно много табаку, ѣдятъ по примѣру Опяковъ и другихъ народовъ мухоморы, а шѣ, которые могутъ посѣщать Россійскія селенія, вымѣниваютъ на мягкую рухлядь и вино. Обыкновенное ихъ питье вода. Вообще живутъ они ни мало не опряпнѣе и не лучше Опяковъ; токмо сіе у Семояди не сполько; имѣнно по тому, что они повеселѣе и чаще переселяются на другія мѣста.

Семоядское *одѣянiе* въ разныхъ ихъ поколѣньяхъ не очень отмѣнно, и весьма походитъ на Опякское, а отъ части и на Якутское. *Зимнее одѣянiе* дѣлается обыкновенно изъ оленьихъ, лисьихъ и другихъ кожъ, спускается по большей части волосатымъ собачьимъ или волчьимъ брющатымъ мѣхомъ, отъ части и изъ подбрюшинъ гатаръ и другихъ водяныхъ птицъ; всегда одно на другое

Самоедт.
Ein Samojede
Vn Sambiede

Самоядка спереди.
Eine Samojedin vorwärts
Femme Samojede par devant.

надѣвается, волосомъ или перьями у исподняго плащя внутри, а у верхняго на ружу, и подпоясывается около шѣла поясомъ. Перьяныя одежи такъ, какъ у нѣкоторыхъ и кожаныя, окладываются часшо по Якушскому обыкновению въ мѣсто бахромки крашенымъ долгимъ волосомъ, которыми украшаются такъ же и швы. Полы простираются до самыхъ икръ, а у нѣкоторыхъ только по колѣна. Ременной поясъ съ мѣднымъ наборомъ почитается у нихъ щегольствомъ. Штаны носятъ весьма короткія и узкія. Къ нимъ прикрѣпляютъ подвязками долги сапоги, которые дѣлаются на зиму изъ оленьихъ кожъ. Многіе дѣлаютъ штаны и сапоги изъ одного покрою, разпещряютъ шъ и другіе полосами изъ лисьяго или инаго какого мѣху, и укрѣпляютъ ихъ подъ колѣнками подвязочными ремешками, которые Западныя или Архангелогородскіе Семояди заспегиваютъ мѣдными изъ города Архангельскаго получаемыми пряжками. Бѣлья у нихъ вовсе нѣтъ, но носятъ одѣяніе на голомъ шѣлѣ. *Лѣтняя одежда* шьется изъ рыбьихъ шкуркъ, которыя такъ, какъ и мягкую рухлядь, искусно женщины у нихъ выдѣлываютъ; въпереди не сходятся, и по большой части на Якушской образецъ, то есть короткополая; по краямъ и швамъ нерѣдко разпещряется узорчатымъ шитьемъ и опушается. Лѣшомъ ничего на голову не надѣваютъ; зимою же носятъ шапки изъ звѣриныхъ кожъ, которыя иногда такъ, какъ у Опяковъ, прикрѣплены бываютъ и къ одеждѣ.

Женское одѣяніе столь мало разнится отъ мужскаго, что не всегда можно ихъ и разпознавать, а особливо по тому, что много есть у нихъ и голобородыхъ мужчинъ. Однакожъ оно вообще чище, красивѣе и виднѣе. Обыкновенно украшается оно спроченьемъ и недурными вичурами, которые нашиваются звѣринными жилами; также кунными, собольими и изъ бѣлыхъ лисьихъ мѣховъ опушками, такъ какъ и бахрамою изъ долгихъ волосъ. Часшо выкладываютъ они одежду свою по краямъ и на рукавахъ суконными полосками, высокыхъ или яркихъ цвѣтовъ, въ большой персь шириною, также бисеромъ и брякушками. Штаны носятъ обыкновенно кожаныя; прикрѣпляемые къ нимъ чулки дѣлаются изъ рыбьихъ, а на зиму изъ звѣриныхъ кожъ. *Бабы* заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя черезъ плечи простираются вдоль груди; *дѣвки* же носятъ по три косы, висящія по спинѣ. По елику они носятъ одѣяніе не покупное, но собственнаго своего рукодѣля, то дѣвки ходятъ не только не хуже, но по большой части еще и лучше бабъ. Лѣшомъ ничего на голову не надѣваютъ; зимою же покрываютъ оную черны-

Часть III.

Б

ми или иными какими теплыми шапками, кошорыя подвязываютъ подъ подбородкомъ.

Они берутъ за себя столько женъ, сколько купишь можешь, и даютъ за каждую ошъ пяпи до двадцати оленей. Больше такихъ, кошорые имѣютъ по одной женѣ; но у нѣкоторыхъ есть и двѣ, а у иныхъ и три: по чему многіе бѣдняки остаются холосшы или принуждены бывають брашь тѣхъ, на кошорыхъ никшо и не глядишь. Не хоша женишься на роднѣ, ищущъ всѣ себя невѣстѣ въ другихъ поколѣньяхъ. По уплатѣ выкупу, привязывается крайнѣ спроши-вляющаяся невѣста къ санямъ и ошвозишь къ жениху въ юрпу. Произходящіе шумъ свадебные обряды сходны съ Опякскими; да и самую сохранность и нецѣломудріе такимъ же порядкомъ награждаютъ они и наказываютъ. Мужъ называетъ жену *Ау*, (хозяйка!) а жена мужа *Хозова*, (хозяйинъ!). Жены родяшь чрезвычайно легко, и безъ всякихъ почти мученій и припадковъ. А какъ скоро роды станушь хоша нѣсколько тяжелы, шо начинаютъ подозрѣвать на нихъ въ побочномъ соишїи съ другими мужчинами: по чему и спараютъ принудить ихъ при шаковыхъ обстоятельсвахъ къ признанію, дабы соблазнитель, кошорыхъ оправданія совсемъ не принимаются, принудить послѣ къ удовлетворенію, хоша въ прочемъ и бездѣльному. Браки ихъ и уничтожаются очень легко и скоро; Ешьли мужъ оставишь свою жену, шо и выкуишь за нее пропадетъ; но ешьли жена оставишь своего мужа, шо требуетъ онъ его себя обратно. Разошедшися можешь опяшь женишься другъ на другъ; но только въ шакомъ случаѣ платяшь уже за шаковую жену, гораздо дешевѣ, нежели за вдову или дѣвку. Какъ сїи, такъ и прочіе договоры совершающя у нихъ на словахъ и бишьемъ по рукамъ.

Женской долъ по Семейдскому разсужденію *негистъ*: по чему и поступають они съ нимъ презрительно, а ошъ части и безчеловѣчно. Жены прешерпѣвають жестокость сїю больше, нежели дочери, въ пользу кошорыхъ возпламеняется родительская любовь: по чему и упорство ихъ при выдаванїи ихъ за мужъ не всегда бываетъ пришворное. Пока жены родяшь еще дѣшей, до тѣхъ поръ все можешь надѣяться на щададу, кошорая съ приращенїемъ ихъ старости все пропадетъ. Они опнюдь не смѣютъ вмѣстѣ ѣсть съ своими мужьями, но пишаются только тѣмъ, что послѣ ихъ останется. Въ юрпѣ должны они сидѣть всегда на своей споронѣ, и такъ же, какъ и Бурашки, никогда не ходяшь около огня, кошорому прж-

Самоедка въ лѣтнемъ платьѣ.
 Eine Samojedin im Sommer-Kleid.
 Femme Samojede en habit d'été.

своятся святошь; да сверхъ того мѣста, на которыхъ сидѣли они въ юршѣ или въ саняхъ, и вещи, кои они упошребляли, такъ какъ и самихъ себя должны они окуривашъ надъ подоженнымъ оленьимъ волосомъ. Во время перекочовки не должно имъ переходить чрезъ слѣдъ челоуѣка или оленя, но надобно оставашся на одной сторонѣ; при укладкѣ вещей въ сани и выкладкѣ изъ оныхъ не дозволено имъ ходишь около оныхъ, но надлежитъ пролѣзашъ въ оныя промежъ жердей. Много ешь у нихъ и другихъ симъ подобныхъ суевѣрныхъ нелѣпостей. А особливо поступающъ они съ женами своими крайнѣ презрительно во время мѣсячнаго ихъ очищенія и первыя восемь недѣль послѣ родовъ. Тогда не смѣющъ они ни къ ѣствѣ прикасашся, ниже мужьямъ чпо ни ешь подавашъ; не ѣдятъ убитой недавно живности, и такъ далѣе. Сіе опчужденіе оканчивается шоржешственнымъ окуриваніемъ надъ подоженнымъ оленьимъ волосомъ.

Покойниковъ хоронятъ шамъ, гдѣ кто умрешъ. Они надѣвающъ на умершаго самое лучшее плашье, завершывающъ его въ оленью кожу, выносящъ изъ юршы не дверями, но въ боковой ходъ, и зарывающъ въ весьма мѣлкой могилѣ, которую при недоспашкѣ нужныхъ къ тому орудій немалого шруда снощтъ имъ вырышь въ мерзлой и каменистой землѣ: по чему зимою зарывающъ иные покойниковъ шолько въ снѣгъ, а хоронящъ лѣтомъ; но лисицы и другіе хищные звѣри избавляющъ ихъ нерѣдко отъ сего шруда. Въ могилѣ опрокидающъ надъ покойниковою головою кошель, да сверхъ того кладущъ шуда же ему про запасъ и другой домашній скарбъ, а особливо лукъ и стрѣлы. Послѣ погребенія укрощаешъ волшебникъ изшедшаго изъ покойника духа, дабы онъ не бозпокоилъ живыхъ, не лишалъ бы ихъ самыхъ лучшихъ добычь, и такъ далѣе. Въ заключеніи убиваешся при могилѣ олень въ жертву, которая шупъ же и снѣдаешся. Зашипочные возобновляющъ сей обрядъ и нѣсколько кратъ. Поминаніе имени умершаго не служишь у нихъ ни къ чему больше, какъ шолько къ обезпокоиванію онаго: и по тому говорящъ они объ умершихъ всегда обиняками и вскорѣ предающъ ихъ забвенію.

Вѣра ихъ Языческая по Шаманскому толкованію. Они вѣруютъ въ Бога (Самъ: Нумъ), которой все создалъ и не можешъ бытъ изображенъ ни въ какомъ видѣ; а между шѣмъ имѣющъ многихъ полубоговъ, которые смотря по обстоятельству, дѣлающъ людемъ добро и зло. Сихъ изображающъ они куклами челоуѣческаго вида, съ

сими полубогами имѣютъ сношеніе ихъ священнослужители, (Тапибъ) и призываютъ ихъ по Шаманскому обычаю стуча въ волшебной барабанъ, умилосшивляютъ ихъ жертвами и подарками, спрашиваютъ у нихъ о будущемъ, получаютъ чрезъ нихъ искусство лѣчишь больныхъ; и пр. Сіи священнослужители отъ Семоядовъ уважаются очень много, не смотря на всю ихъ о самихъ себѣ безпристрашность.

К О И Б А Л Ы.

Народъ сей раздѣляется на пятнадцать колѣнъ, которыхъ одна-кожъ всѣ совокупно по прешей переписи платяшъ подушной окладъ только за 402 души, и слѣдовательно могутъ почестъся малымъ ошаткомъ прежней сильной орды. Они живутъ въ верху Енисея, за Абаканомъ по обѣ стороны Енисея, не подалеку отъ Саянскихъ горъ въ Красноярскомъ уѣздѣ.

Разположеніе лица ихъ походитъ больше на Семоядское, нежели на Ташарское. *Языкъ ихъ* есть такъ же смѣшанное со многими Ташарскими словами Семоядское нарѣчіе.

Они упражняются больше въ *скотоводствѣ* и кочуютъ въ подвижныхъ юртахъ. У иныхъ водится лошадей по сту, по столько же рогатаго скота, по значнѣйшему числу овецъ, и по нѣскольку верблюдовъ. Овцы ихъ породы широкохвостой; однакожъ у нихъ небольшіе только саламъ оплывшіе хвосты. Скотъ принужденъ самъ себѣ отыскивать кормъ и зимою: но они пособляютъ нѣсколько слабой скотины шѣмъ, что кучи сѣна, чечалками (*) сносимыя, берутъ въ юрты, и шѣмъ ее кормятъ. Многие, да и большая половина, послѣдую Рускимъ людямъ, пашутъ немного земли и умѣютъ при томъ употреблять Рускую соху. Нѣкоторые изъ шакихъ землепашцовъ построили себѣ и деревянныя хижины; у шаковыхъ водятся и куры, хотя въ прочемъ кочевые народы дворовой сей птицы и никогда не держатъ. *Звѣриной промыселъ* всѣмъ любятъ; а онъ и нарочито прибыточенъ въ ихъ странѣ.

Въ разсужденіи *домашняго скарбу, одѣянія, лица и нравовъ* мало разнятся они отъ Красноярскихъ Ташаръ, нѣже и по близости которыхъ они живутъ. Вережки и канаты, на укрѣпленіе юртъ и на другія надобности, дѣлаютъ они изъ дикаго льну и кропивы. Койбалки носятъ косы и шапки по примѣру Моголокъ, о которыхъ буду говорить послѣ.

Бабы родятъ стоя на колѣняхъ, и при томъ такъ легко, что въ четвершой день принимаются уже и за обыкновенныя свои дѣла.

Койбалы содержали прежде языческой законъ по Шаманскому толкованію: но *нынѣ* всѣ уже *крещены*; да и отъ языческаго своего суевѣрія отъ часу больше уклоняются. Они хоронятъ шеперь

(*) *Lepus alpinus*. Pallas.

всѣхъ покойниковъ въ землѣ; въ прежнія же времена погребали только взрослыхъ людей, а дѣшей ставили, по Белшырскому обыкновению, для исплѣнія на дерева. Роженицы почитаются и нынѣ еще четырнадцать дней нечистыми, и очищаются отъ сего оскверненія мышьяемъ и окуриваніемъ себя ирвнемъ (*).

(*) Sabina.

САЯТЫ.

Саяты называются такъ же *Сүютами* и *Соютами*; они живутъ на вышшихъ Саянскихъ горахъ на Югозападномъ концѣ Байкала у Монгальскихъ границъ, а отъ часпи и за оными на Кишайскихъ земляхъ: по чему они намъ и не всѣ извѣстны. Число платящихъ Россіи дань почти соотвѣствуетъ количеству Коибалъ.

Единоплеменство Саятъ съ Семоядью доказывается ихъ *видолъ*, *языколъ* и *житейскими обрядами*; но при томъ вѣроятно кажутся, что они принадлежатъ и къ Тубинцамъ, у которыхъ во время завоеванія Сибири былъ храбрый Князекъ, по имени *Соитъ*, копорымъ самимъ, или можеть бышь и преемниками его, заведены они далѣе въ горы, и по предводителю своему назвали себя *Саятами*.

Какъ Россійскіе, такъ и Кишайскіе Саяты, бѣдны и *когуютъ* въ худыхъ берешюю покрытыхъ лѣшнихъ юртахъ въ пустыхъ горахъ, и отъ части держатъ по немногу оленей, большая же половина ни какихъ живошныхъ, кромѣ собакъ, у себя не имѣетъ, и живетъ бѣдно и непряшно, получая пропитаніе отъ одной звѣриной и рыбной ловли, и нѣкоторыхъ дикихъ кореньевъ.

Законъ содержитъ всѣ *языгеской* по *Шаманскому толкованію*. Въ *одѣянн* же, *обрядахъ* и *нравахъ* ни мало не разнятся отъ *Канбалъ* и *Маторовъ*: по чему здѣсь на нихъ и ссылаюсь.

МАТОРЫ.

Маторы называются сами *Матами* и *Маторъ-Аймаками*. По завоеваніи Сибири Россіянами, обрѣшены они въ нынѣшней своей обласи, по естъ неподалеку отъ Саянскихъ горъ, на правой сторонѣ Енисея, выше Абаканскаго осшрога на рѣкѣ Тубѣ. Тогда подвластны они были Хану Золошой Орды; Россіи же начали плашить дань въ 1609 году. Въ послѣдующія времена бывали они въ подданствѣ то у Киргизцовъ, то у Соонгаръ. Какъ по сему обстоятельству, такъ и чрезъ сопрясаніе съ себя чужой власи совсемъ почши перевелось ихъ колѣно, которое уже и въ началѣ 17 столѣтія было слабое. При бывшей въ 1760 году переписи, положено ихъ въ подушной окладъ только 30 душъ, да и сихъ испребила оспа такъ, что въ 1772 году считалось только десять семей въ остаткѣ. Сіи остальные пребываютъ между собою въ союзѣ, хощя и разсѣянно живутъ. *Саяталъ* они въ разсужденіи языка, вида, древнихъ обрядовъ, житія и идолослуженія такъ подобны, что какъ самихъ ихъ, такъ и ихъ почитаютъ Семоядскаго колѣна остаткомъ, къ роду Саятъ принадлежащимъ.

Скотоводцы они бѣдные; а въ землепашествѣ и вовсе не упражняются. Подвижныя свои юрты, составляемыя изъ жердей, кошоры спаваясь наискось, покрываютъ берестюю, сверхъ кошорой кладутъ зимою увядшую траву. Входъ въ юрты должно дѣлать всегда, по старинному обыкноненію, въ Восточной сторонѣ.

Скуднымъ своимъ скотоводствомъ ни какъ они прокормиться не могутъ, но заимствуютъ больше пропитаніе отъ звѣриной ловли. Въ лѣшнее время ѣдятъ по большой части Сарану и другія Сибирскими Ташарами употребляемыя дикія кореня.

Съ лишкомъ за тридцать уже лѣтъ всѣ они *крещены*. Будучи еще язычниками увязывали они, какъ и Белтыри, покойниковъ своихъ промежъ досокъ и клали ихъ для исплѣнія на дерева.

ТУБИЦЫ.

Тубинцы, до завоеванія Россіянами Сибири, составляли многолюдное и храброе Семоядское колѣно, жившее на Восточной сторонѣ Енисея около рѣки Тубы, по которой оно и называлось симъ именемъ. Но оно во время войны отъ части истреблено, а отъ части разсѣялось не только по другимъ Семоядскимъ, но и по Ташарскимъ народамъ. Между Качинскими Ташарами есть и нынѣ еще одинъ *Тубинскій родъ* или Аймакъ: но онъ малолюднъ, и хотя наблюдаетъ между собою союзъ, однакожъ нынѣ ни языкомъ, ни житіемъ, ниже инымъ чемъ отъ Качинцовъ не отличенъ: по чему здѣсь на нихъ и ссылаюсь.

КАМАЧИНЦЫ.

Народъ сей называется и *Каматами*. Кагда они въ 1629 году начали плашить Россіи подаль; шо кочевали между рѣками Каною и Маною, изъ коихъ какъ одна, такъ и другая впадаютъ въ Красноярскомъ уѣздѣ въ рѣку Енисей съ правой стороны. Вѣроятно кажется, что наименованіе ихъ составлено изъ названій обѣихъ оныхъ рѣкъ. Нынѣ же живутъ они неподалеку отъ остроговъ, Абаканскаго при Енисеѣ, и Канскаго при рѣкѣ Канѣ. Въ шо время, какъ покорены они Россійской державѣ, были они шолько малолудный народъ, или лучше сказать остатокъ онаго.

Теперь они не шолько лудны, какъ *Камбалы* которыми они совершенно подобны въ разсужденіи вида, языка, одѣянія, обрядовъ и гнуснаго житія: по чему на нихъ и ссылаюсь. *Законъ* содержашъ еще *языческой* по *Шаманскому толкованію*, и оказываютъ великое почщеніе и повиновеніе своимъ идолослужителямъ и волшебникамъ (Канѣ).

КАРАКАССЫ.

Каракассы принадлежатъ къ небольшимъ остаткамъ Красноярскихъ народовъ Семоядскаго племени. Спаться можешь, что они во время воинственныхъ безпокойствъ собрались изъ бѣглецовъ; по крайней мѣрѣ не упоминается объ нихъ съ уваженіемъ въ исторіи о завоеваніи Сибири. Нынѣ плашатъ сіе поколѣніе подушной окладъ только за 22 семьянистыхъ человекъ.

Они *козуютъ* при *Тассевѣ*, вышедшей изъ *верхней Тунгузки* рѣкъ, въ гористой нѣсколько странѣ, и приписаны къ Удинскому острогу. *Подушный* ихъ *окладъ* (Ясакъ) разположенъ по деньгамъ: но они сверхъ того исправляютъ еще и нѣкоторыя козацкія службы при Монгальской границѣ.

Языкъ ихъ *Семоядское* нарѣчіе, и при томъ не столько испорченное, какъ у многихъ другихъ остатковъ Семоядскаго племени.

Они бѣдны, и кромѣ нѣсколькихъ оленей ни чего добраго у себя не имѣютъ. *Юрты*, которыя составляютъ изъ колышковъ, покрываютъ звѣриными кожами. *Одѣяніе* дѣлаютъ себѣ изъ разныхъ звѣриныхъ кожъ на Семоядской вкусъ. Въ мѣсто чулковъ обвертываютъ ноги жимолостною корою. Зимой носятъ теплыя шапки; лѣтомъ же ходятъ мужчины простоволосы, а женщины покрываютъ голову лѣшними шляпками, нарочито пригожо изъ тростнику выплещенными.

Въ зимнее время питаются отъ одного звѣринаго промысла, лѣпомъ же дикимъ кореньемъ и рыбною ловлею. Какъ для того, такъ и для другаго перекочевываютъ они лѣтомъ по большой части черезъ каждые три дни къ другимъ рѣчкамъ или озерамъ.

Они правда всѣ *крещены*, но держатся больше нежели другіе обращенные къ православной вѣрѣ Сибиряки прародительскаго своего суевѣрія, которое есть Шаманское. Теперь нѣтъ у нихъ ни священнослужителей, ни волшебниковъ. Всякъ молится про себя Солнцу и Небесной Тверди съ воздыханіемъ, и приноситъ въ жертву отъ убитаго медведя и красной дичи голову да сердце, вознося то и другое къ Солнцу на кускъ коры; при чемъ проситъ о удолешвореніи его нуждамъ, и сѣдаетъ напоследокъ жертву. Значнымъ горамъ и рѣкамъ оказываютъ они, какъ и другіе Сибиряки, почтеніе, и дарятъ или жертвуютъ имъ, когда къ нимъ приближаются, по немногу шабаку, привезенную съ собою древесную вѣшочку.

ку, доскупокъ мѣху, или иную какую дрянцу, при чемъ отвѣшивающъ и низкіе поклоны.

Теперь они *локойниковъ* своихъ *хоромятъ*. Въ прежнія же времена оставляли ихъ для исплѣнія на голой землѣ, положи головою къ востоку, или клали на сдѣланной изъ колышковъ косперѣ, либо и на дерева: при чемъ покрывали ихъ всегда хворостомъ; сожигали же шокмо шѣхъ, кошорыхъ ошмѣнно почитали.

НАРОДЫ НЕИЗВѢСТНОЙ

или

СМѢШАННОЙ ПОРОДЫ.

Отякскія *локолънця*, кочующія по нижнему Енисею, начиная отъ верхней Тунгузки, ниже и возлѣ Семоядѣ, называющся правда и живутъ одинаково съ Обскими Опяками: но языкомъ говорящъ совсемъ опмѣннымъ какъ отъ Опяккаго, такъ и отъ всѣхъ Сибирскихъ языковъ: по чему они и не безъ основанія почитающся *локолънця* *ни особаго народа*; хотя въ прочемъ и не обрѣщается ни какого извѣстія о ихъ произхожденіи ни у нихъ, ни въ исторіи. Мѣжду такъ называемыми *Красноярскими* *Татарами* говорящъ *Азаны*, *Котовцы* и *Арицы* симъ же самимъ языкомъ: хотя и по весьма опмѣнному нарѣчію. Слѣдовательно они не Ташара: ибо они окружены будучи Татарами и живучи съ ними одинаково, конечно бы говорили не инымъ какимъ, какъ Ташарскимъ же языкомъ. Вѣроятно кажешся, что они смѣшанные оспашки Енисейскихъ Опяковъ, либо и опщепившіяся отъ нихъ шолпы; по чему и не сомнѣваюсь помѣстить ихъ на ряду съ сими Опяками.

ЕНИСЕЙСКІЕ ОТЯКИ.

Въ самое то время, какъ Россійскія завоеванія въ началѣ седьмаго десятилѣтія разпространились до Енисея, жили Опяки Енисейскіе въ нынѣшнихъ своихъ пустыняхъ по обѣимъ сторонамъ Енисея и вышедшихъ изъ него рѣкъ, отъ вышней Тунгузки въ низъ за Мангазею или Нижнюю Тунгузку. Они и тогда уже обитали въ сосѣдствѣ Семоядъ и какъ будто бы промежъ ихъ. Сіи Опяки не только покорились Россіи въ 1608 году, но и оказывали побѣдителямъ подъ предводительствомъ тогдашнихъ своихъ Князьковъ *Урмука* и *Намака*, всевозможное вспоможеніе въ преодоленіи жившихъ въ верхъ по Енисею такъ, какъ и Восточныхъ съ Опяками порубежныхъ народовъ.

Они *раздѣляются* на разныя волости и колѣна. По лѣвую сторону Енисея, начиная отъ Кеты, вышедшей изъ Оби рѣки, на Сѣверѣ находится прозванная по рѣкамъ Касѣ и Сымѣ *Касиловская* волость; по правую же больше сторону Енисея стоятъ *Имбацкая* и *Туллокольская* волости; къ сей послѣдней, которая и прежде была наизнаиѣйшая, давно уже присовокуплена и *Нацкая* волость. О подлинной величинѣ каждой волости не имѣлъ я случая осведомиться. Однако они и во общѣ, судя по обширности ихъ пустынь, не многочисленны. Какъ въ 1731 году оказалась у нихъ оспа въ первый разъ, то они едва не всѣ отъ оной перемерли. Болѣзнь сія свирѣпствовала у нихъ и послѣ того нѣсколько краѣвъ; но они при простой и безпечной своей жизни вскорѣ паки размножаются; и по тому думаютъ, что они теперь столь же людны, какъ и до оспеннаго разоренія были.

Мѣста ихъ частъ Семоядскихъ же пустынь, и слѣдовательно крайне суровы, холодны и неплодны. Съ Семоядью и Обскими Опяками, которые называются у нихъ *Асѣ Арей* т. е. Обскій народъ, имѣющъ они одинакія нужды и одинакія къ обращенію оныхъ способы, и сходствующъ совершенно особливо съ Обскими Опяками въ разсужденіи жилищъ и перемѣны оныхъ, такъ же одѣянія, пищи, промысловъ, нравовъ, суевѣрія и всего вообще житія: по чему и ссылаюсь здѣсь на то, что сказано о нихъ Опякахъ, да и о самой Семояди. Оленей содержатъ они, какъ и тѣ по немногу, и равно питающа всякою дичью и пшитами безъ

разбору, рыбою, дикимъ кореньемъ и плодами. Подушной окладъ очищающъ такъ же мягкою рухлядью, и плащяшъ съ души по спольку же. Между ими ведутся изъ стари *кузнецы*, кошорые плавяшъ сами желъзо по примѣру Абинцовъ, а по шомъ дѣлаюшъ изъ онаго, какъ умѣюшъ, домашнія и звѣробишныя надобности. По сему ремеслу и прозвана одна Волость *Кузнецкою*. У нихъ есть еще и шеръ такіе кузнецы.

АРИНЦЫ.

Аринцы называютъ себя и *Аринами*; Татары же и Вошяки прозвали ихъ *Арали*, отъ Татарскаго слова *ара*, отдаленъ, или какъ Спраленбергъ утверждаетъ отъ слова *ара*, шершень. Конечно лишились они въ военныя времена кореннаго своего названія.

Во время Татарскаго владычества поколѣнїе ихъ было значное и обитало на Западномъ или лѣвомъ берегу Енисея (которой называли шамошнїе жипели *Кемолъ*, а нынѣ видна шуть одна только Западная рѣка, впадающая при городѣ Енисейскѣ въ Енисей) отъ устья Качи, гдѣ послѣ выстроены Красноярскъ, до самыхъ пороговъ или нынѣшней границы Енисейской провинціи. Отъ жестокоши Татаръ, а особливо отъ частыхъ Киргизскихъ нападений, уменьшилось было число ихъ шакъ, что князекъ ихъ *Тутка*, когда въ 1608 году покорился Россійской державѣ, владѣлъ только сшами шрема семей. Въ 1630 году соединились Аринцы съ одною волостью Енисейскихъ Опяковъ, кошорая по князекъ ихъ *Веслѣ* называлась *Весловскою*, и передались по шомъ Киргизцамъ. Возмущенїе сіе было для многихъ погибельно. Отъ бывшихъ между Киргизцами и Ханомъ Золошой Орды (Алтынъ Ханомъ) разврашовъ разбѣжалось ихъ шакже не мало; нѣкоторые же приняли убѣжище къ Качинцамъ и шамъ женились: по чему нынѣ отъ сего въ прежнїя времена значнаго колѣна счишается въ остаткѣ нѣсколько шокмо семей, живущихъ обществомъ, на земляхъ Качинцовъ, подъ властїю собственнаго ихъ старшины и наблюдающихъ между собою союзъ.

Въ Качинскихъ степяхъ живутъ смѣжно съ Аринцами при рода или Аймака, а именно *Арынской* изъ 30, *Буктынской* изъ 29, и *Кайдынской* изъ 16 душъ состоящей, кошорые походяшъ на Аринцовъ шакъ, что надобно ихъ неопшмѣнно почишашъ произшедшими отъ одного съ ними племени. Они имѣютъ шакъ же общаго съ Аринцами начальника или Башлыка, и называются въ Краснояркомъ Земскомъ судѣ вообще *Арынскою волостью*.

Собственный ихъ языкъ есть весьма опшмѣнное нарѣчїе языка Енисейскихъ, а особливо Пумпокольскихъ Опяковъ. Нынѣ же говорятъ они по Татарски Качинскимъ нарѣчїемъ. Какъ г. Сшашскій Совѣшникъ *Миллеръ* и старшїи *Умеллиъ* были въ 1735 году при рѣкѣ Енисей, то по Аринцески умѣлъ шогда еще говорить одинъ только человекъ, помощїю кошораго помянушый г. Сшашскій

Совѣшникъ и умножилъ свой словарь или собраніе словъ разныхъ народовъ. А какъ славные сіи путешешвенники въ 1740 году ѣхали обратно изъ Воспочной Сибири, по не было уже въ живыхъ и сего человѣка; и слѣдовательно купно съ жизнью его пресѣклась и живность Аринцскаго языка.

Аринцы и соединенныя съ ними въ Яринской волости поколѣнья живутъ во всемъ одинаково съ Качинцами. Жилище, пища, хозяйство и одѣяніе у нихъ точно такое же. Но Аринцы и Яринцы гораздо бѣднѣе и кромѣ нѣсколькихъ лошадей, не имѣютъ ни какого скоша, по чему и питаются по большей части звѣриною ловлею и дикими кореньями. Подушной окладъ очищаютъ такъ же мягкою рухлядью.

Вся вообще Яринская волость исповѣдуетъ законъ Христіанской, но споль же мало просвѣщена, какъ и крещеные Татара: и для того ушопаетъ въ наивеличайшемъ суевѣрїи. Предки ихъ были язычники Шаманскаго толку; и объ нихъ повѣствуетъ Мессершмидъ въ рукописныхъ своихъ поденныхъ запискахъ, что они покойниковъ своихъ хоронили, снабждали ихъ оружіемъ, и приносили въ жертву у могилы лошадь, копорой мясо ѣли сами, а шкуру вѣшали на могилѣ. Кляшвы почишаютъ они и нынѣ еще весьма спрашными. Всякъ кленущійся у нихъ спановишся промежъ серны или дикой козы и собаки, и въ доказательство невинности своей угрызаетъ медведя въ голову. Однакожъ они и такого оправдавшагося у себя не терпятъ: но долженъ онъ спранствовать по шѣмъ мѣстамъ, въ кошорыя покажетъ ему путь пущенная на волю и собакою преслѣдуемая дикая коза. Роженицы въ первые семь дней послѣ родовъ омываются прекрасно; передъ возобновленіемъ же сожишія съ мужьями своими окуриваются хорошенько *ирвенецѣмъ*, посвященною языческимъ божкамъ травю, и такъ далѣе.

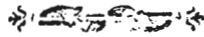
АЗАНЫ.

Азаны и *Ассаны*, кошорые обыкновенно, но несправедливо, называются *Азанскими Татарали*, и причисляются къ *Красноярскимъ Татарамъ*, подобны судьбами своими и устройствомъ *Аринцамъ*. Они такъ же, какъ и шѣ, сославляли прежде сильное и храброе поколѣнье, но ошъ подобныхъ безумій число ихъ уменьшилось такъ, что нынѣ осталось уже ихъ не больше, какъ 10 или 12 семей.

Сей остатокъ почти истребленнаго уже народа ушвердился на мѣстахъ предковъ своихъ при рѣкѣ *Усолкѣ*, вышедшей въ лѣвой сторонѣ изъ *Тассевы* (кошорая впадаетъ въ *Тунгузку* съ лѣвой, а сія въ *Енисей* съ правой стороны); гдѣ онъ подѣ начальствомъ своего старшины или Башлыка пребываетъ между собою въ союзѣ и живетъ крайне бѣдно, точно по примѣру описанныхъ выше Красноярскихъ Татаръ.

Азанской языкъ есть весьма ошмѣнное ошъ языка *Енисейскихъ Ошяковъ* и *Аринцовъ* нарѣчїе, кошорымъ однакожъ нынѣ уже не говорятъ, но вмѣсто того употребляютъ Татарской языкъ въ худомъ произношенїи. Славные Академическіе путешественники, г. *Сшашскій Совѣтникъ Миллеръ* и покойный *Глелчъ* старшій, въ бытность свою въ тамошнихъ мѣстахъ между 1735 и 1740 годами нашли только двухъ или трехъ человекъ, кошорые могли говорить *Азанскимъ языкомъ*, нынѣ же онъ конечно уже и вовсе перевелся: однакожъ подобно *Аринцскому*, посредствиемъ собранныхъ помянутымъ г. *Сшашскимъ Совѣтникомъ* съ великимъ трудомъ словарей, нѣсколько еще соблюденъ.

КОТОВЦЫ.

Какъ *Котовцы* въ 1628 году Россіи покорились, то колѣно ихъ было по такимъ же почти причинамъ, какія объявлены въ разсужденіи *Аринцовъ* и *Азанъ*, слабое. Иныя же они хотя еще и безсильнѣе, однакожъ многолюднѣе, нежели оба оныя остатки народовъ вмѣстѣ: по чему и говоряшъ еще собственнымъ своимъ *языкомъ*, который есть не иной какой, какъ *Пумпоколо* ошякской; токмо нарѣчіе онаго нарочишо опмѣнно, и при томъ какъ ошъ *Аринцоваго*, такъ и ошъ *Азанскаго* весьма опшло: изъ чего явствуетъ, что они столь же несправедливо, какъ и оба прежніе остатки народовъ, причисляются къ *Красноярскимъ* народамъ.

Они *когутъ* близъ *Воспочнаго Енисейскаго берега*, между *Абаканскимъ* и *Канскимъ* острогами, возлѣ *Качинцовъ*. Юрты ихъ совершенно сходны съ *Качинскими*. Въ разсужденіи одѣянія, пищи, житія и всего вообще устройства походятъ такъ же на *Качинцовъ*, токмо гораздо ихъ скуднѣе. Скотоводство ихъ, относящееся къ лошадамъ, рогатому скоту и овцамъ, самое малое; и по тому они зимою ошъ звѣриной ловли, а лѣтомъ ошъ дикаго кореня, плодовъ и рыбной ловли, имѣютъ свое пропитаніе. *Звѣриный промыселъ* выгоденъ въ лѣсистыхъ и гористыхъ ихъ мѣстахъ особливо по хорошимъ соболямъ, которые славны подъ именемъ *Канскихъ*. Они очищаютъ соболями въ *Канскомъ* острогѣ и подушной своей окладъ (*Ясакъ*).

Православную *Грекороссійскую вѣру* приняли не многіе, да и тѣ различающъ ошъ другихъ почти однимъ только именемъ *Христіянъ* и нѣкоторыми обрядами, которыхъ миновать не могутъ при рожденіи дѣшей, также при свадьбахъ и похоронахъ; да сверхъ того рубахами. Прочіе же содержатъ *Шаланскаго толку языческой законъ*, строго наблюдаютъ обряды *Качинцовъ*. Всѣ вообще въ разсужденіи шѣла своего, пищи, юрты, одѣянія, и всего житія крайне неопрятны, да и чрезвычайно лѣнны. Преисполненныя гадиною шубы, которыя надѣваютъ язычники на голое шѣло, почти прилипаютъ къ оному ошъ грязи.

Рѣдко кто и изъ язычниковъ держитъ больше *одной жены*, по тому что по бѣдности своей не имѣютъ къ тому ни силъ, ни до-

спашка. Изъ *обыгавѣ* ихъ странно то , какъ они зимою спятъ , а именно : они ложатся въ юршѣ около огня попарно , такъ что головы лежатъ одна супротивъ другой, а ноги одного подъ руками у другого. Въ семъ положеніи переворачиваются они и на другой бокъ за однимъ разомъ и не разрозниваясь

МАНДЖУРСКІЕ НАРОДЫ.

Манджурскіе народы состоятъ изъ прямыхъ *Манджуръ* и *Тунгузъ*. Оба сіи народы по происхожденію своему единоплеменны; и сіе доказываея ихъ языкомъ, видомъ, обрядами и прочимъ шакъ, какъ и собственными ихъ преданіями. Вообще они владѣють въ Восточной Сибири и въ Сѣверной Монгаліи, обширными пустынями и степями, нарочито еще многолюдны, да при томъ настоящіе Манджуры и сильны: ибо одно изъ Княжескихъ ихъ колѣнъ владѣетъ наследственно Кишайскимъ пресполомъ и управляетъ симъ государствомъ безпредѣльно.

До приходу Россіянъ въ Сибирь въ началѣ седьмого надесяшь столѣтій, владѣли Манджуры всею *Даурією* или Восточною Сибирью отъ Байкала до самыхъ Монгальскихъ горъ, шакже всѣми мѣстами около Амура, вышедшихъ изъ него рѣкъ Шилки и Аргуна, шакъ какъ и побочныхъ рѣкъ, Сеги, Шингала, Наума и другихъ. Но они и прежде уже крайне обезюкоиваемы были выпѣсненными изъ Монгаліи на Западъ Бурятами. При рѣкѣ Селенгѣ и при верхнемъ Амурѣ стояло тогда *колѣно Даурское*, между Аргуномъ и Шилкою *Дугерское*, при среднемъ Амурѣ и впадающихъ въ него съ обѣихъ сторонъ рѣкахъ, Сегѣ, Наумѣ и другихъ *Агарское*, около же устья Амура на берегу Восточнаго моря и его островкахъ, а особливо на лежащемъ супротивъ устья Амура весьма великомъ островѣ Сагалымъ улусы *Гилякскаго колѣна*.

Даурскіе Манджуры прихода Россіянъ не выжидали, но удалились Юговосточною стороною въ Кишайское государство, а отъ части къ Амуру. Тушъ они съ брашїею своею нѣсколько осипенились, и сдѣлали земляныя укрѣпленія, отъ коихъ произошли существующіе еще и нынѣ Кишайскіе города *Айюнь* и *Албазинъ*, первый на правомъ берегу Аргуна, а послѣдній на лѣвомъ выше устья Сеги. Они назвали сіи мѣста по Князькамъ своимъ Толгѣ *Толгынъ* и Албазѣ *Албазынъ*.

Во время перваго Россійскаго похода къ Амуру около середины седьмого надесяшь столѣтій, были Дауры и Дучеры подданные Кишайскаго Богдохана, кошорый тогда уже былъ Манджурской породы: по чему и вмѣшался какъ въ побѣгъ ихъ, шакъ и въ защищеніе. Гиляки и прочіе Манджуры жили тогда независимо ни отъ какой власши, и покорились Россіи безъ всякаго сопротивленія.

Примѣру ихъ послѣдовали многіе Дауры и Дучеры; но большая ихъ половина по повелѣнію Богдохана переведена съ Амура, кошорымъ Россія тогда всею владела, ближе къ Кишаю, а особливо на рѣку Наумъ. Послѣ того шарался Богдоханъ завладѣшь Амуромъ, который ему и уступленъ, по силѣ заключеннаго въ Нерчинскъ мира, со всеми Россіи поланъ плашившими Манджурами. Нынѣ служилъ между Кишаемъ и Россіею границею *Становой Хребтъ*, простирающійся изъ Дауріи на Востокъ и Сѣверовостокъ, между рѣками Кенюю и Амуромъ, къ Восточному морю. Въ пограничныхъ горахъ кочуютъ не *Манджуры*, но Тунгузы, плащяще податъ опѣ части Россіи, а опѣ части Кишаю; иные же и вольно спраншвуютъ, ни чего не плащя.

Не все Манджурскія поколѣнья *ведутъ жизнь* одинаково. Иные живутъ по примѣру нѣкоторыхъ Тунгузовъ опѣ одной рыбной ловли, какъ и. п. *Агары*, кочующіе при Намкѣ рѣкѣ, вышедшей изъ Амура въ правой сторонѣ. Сѣи запрягаютъ въ мѣсто лошадей собакъ. У нѣкоторыхъ Гиляковъ, какъ слышно, усмирены и медведи такъ, что возятъ сани. Многіе упражняются единственно въ разведеніи оленей; другіе въ звѣриномъ промыслѣ; а еще большее число въ земледѣліи.

У Даурскихъ Манджуръ было такое междуособное устройство, которое какъ будто бы составлено было изъ кочеваго и постоянного на одномъ мѣстѣ житія, и при томъ весьма соотвѣтствовало человеческой природѣ. Они жили, по писаннымъ извѣстіямъ и по преданіямъ нынѣшнихъ Дауръ, въ небольшихъ одномѣстныхъ хижинахъ, деревнями или семействами, но и не скучавы были перемѣнять мѣста свои, когда только усматривали невозможность удовлетворять впредь своимъ нуждамъ или выгодамъ житейскимъ, какія могли бы они имѣть въ другихъ мѣстахъ. Они жили какъ между собою, такъ и съ сосѣдами мирно, и радѣли о скотоводствѣ, земледѣльствѣ, да и о самыхъ горныхъ работахъ.

Пашни свои засѣваютъ они, по примѣру Бухарцовъ, какъ огороды, раздѣляющъ ихъ глубокими сѣжками на гряды или полосы, и обводящъ ихъ рвами, дабы держалась въ оныхъ надобная на поливаніе вода. Для удобности въ поливаніи и для влажной рыхлой земли милѣе имъ были рѣчные берега. — И нынѣ еще видно нѣсколько шаковыхъ огородовъ на берегахъ разныхъ Даурскихъ рѣкъ, а особливо при Балгузинѣ и его рѣкахъ, на кошорыхъ и

мѣлъ жилища свои одинъ Манджурскій народъ, названный въ извѣстїяхъ *Баргутами*.

Сверхъ того производили многіе съ немалымъ раченіемъ *рудоконное и плавильное дѣло*. Нынѣшніе Даурскіе рудники при Аргунѣ, славные подъ именемъ *Нергисскихъ*, и разрабатываемые теперь для одного серебрянаго и золотого выхода, содержа въ себѣ такъ, какъ и вся Даурія довольно доказательствъ о томъ, что древніе Даурскіе Манджуры упражнялись въ рудоконномъ дѣлѣ. Многіе опѣ часши покинутыя, а опѣ часши еще разрабатываемыя рудники, суть продолженія начатыхъ ими работъ. Вѣроятно кажется, что и старыя рудники и кучи огарковъ въ Саянскихъ горахъ въ Красноярской области при Енисеѣ, суть остатки трудовъ Даурскихъ или другихъ Манджуръ, а скарбы Абаканскихъ могилъ ихъ произведенія. Гдѣ находили они руду, тамъ заводили и плавильни: по чему при всѣхъ древнихъ, хоша нѣсколько знашыхъ рудникахъ, видны груды огарковъ. Они добывали и плавили руды всегда по небольшому количеству и, какъ видно по огаркамъ, наибольше мѣдную и желѣзную руду. Рудники были у нихъ по большой часши поденные или верховые. Плавильныя печи были у нихъ конечно не велики, и вѣроятно кажется, что подобіе оныхъ сохранилось въ видѣ ихъ печей, въ какихъ Россійскіе кузнецы въ Восточной Сибири плавящъ сами свое желѣзо. Такія печи, (имѣющія въ прочемъ продолговаточешвероугольной видъ, въ поперешникѣ почти въ сажень, а въ разсужденіи плавки разположенныя подобно такъ называемымъ высокимъ печамъ и снабженныя ручными мѣхами) конечно найдены въ разныхъ мѣстахъ и послужили образцомъ.

Даурскіе наши Манджуры были, такъ какъ нынѣшніе при Амурѣ и другіе, *язычники Шаманскаго толку*, о кошоромъ буду говорить послѣ. *Тюкойниковъ* своихъ они хоронили; а что они имѣли къ нимъ почтеніе, о томъ свидѣтельствуешъ безчисленныя многешство могилъ, какія видны еще и нынѣ при Аргунѣ, Шилкѣ, Ингодѣ. Свенѣ и ея рѣкахъ. Они дѣланы особенно, а больше по нѣсколько въ одномъ мѣстѣ. Въ длину бывающъ они обыкновенно опѣ 5 до 8, въ ширину опѣ 3 до 4, а въ глубину, какъ видно при разрываніи по слоямъ земли, до 6 фушовъ. въ нихъ находящъ иногда осташки копеш и ржавчашые кусочки желѣза, конечно опѣ оружія; дорогіе же крушцы, какъ въ Енисейскихъ могилахъ, никогда не попадающся; по чему и не касается нѣкъо

праха усопшихъ. Большая половина сихъ могилъ завалены просто землею, нѣкоторыя же и плитникомъ. Нынѣ они равны съ поверхностью земли, но какъ продолговатые четверугольники обставлены съ Воспока на Западъ плитами стоящими на краю могилы и торчащими поверхъ земли на ладонь или и на пядень въ вышину. Въ Восточномъ концѣ стоить обыкновенно ъ одинъ и два фупа вышиною плоской или круглому столбу подобной необтесаной камень. На многихъ могилахъ стоить и по срединѣ сей почестный столбъ.

ТУНГУЗЫ.

Тунгузы называются сами *Евойчани*, по тому, что праотца ихъ звали *Евономъ*, также *Донкани*, а иногда, по примѣру многихъ Сибиряковъ, и просио *людьми* (Тунг. *Боге*) Енисейскіе Ошяки и Ташара называютъ ихъ такъ, какъ и Россіяне, *Тунгузами*, произведши названіе сіе ломано отъ слова *Донки* или отъ *Тонгонъ*, наименованія ихъ *Князька*, либо и отъ Ташарскаго слова *Тунгузъ*, свинья, которымъ названіемъ гордые Ташара хошѣли конечно изъяснить ихъ уничиженность и гадкое житіе. Въ прочемъ называютъ ихъ *Манджуры Соломани*, спрѣльцами, и *Оронгонами*, оленоводцами, отъ слова *Оронъ*, олень, Монгалы же и Буряша *Хамъ Ногонани* и *Соломани*.

Пустыни ихъ простираются съ Запада на Востокъ, отъ *Енисея* за *Лену* до самаго *Амура* и *Восточнаго моря*. Отъ Юга къ Сѣверу живутъ они между 53 и 65 степенемъ Сѣверной широты; и слѣдовательно не касаются ни Соонгарскихъ границъ, ни береговъ Ледовитаго моря. Но они будучи весьма миролюбивы, не всѣми сими пустынями владѣютъ одни: но во многихъ мѣстахъ живутъ съ ними совокупно и въ смежности Ошяки, Семояды, а особливо Якушы. Около Амура и за онымъ кочуютъ обще съ Манджурами и Китайскіе Тунгузы. Мѣста ихъ, выключая при Амурѣ лежащія, по большей части, какъ и Якушскія, лѣсисты, да при томъ болотны и гористы, равно холодны и суровы такъ, что мало гдѣ можно бы завести усальбы по Европейскому вкусу.

Россіяне получили самое первое извѣстіе о Тунгузахъ отъ Енисейскихъ Ошяковъ, и начали съ 1607 году стараться, чрезъ посылку изъ Мангазея Козаковъ, о покореніи оныхъ. Тогда подвластны были многія Тунгузскія поколѣнія выпѣсненнымъ недавно изъ Мѣнголіи Буряшамъ. Во время Россійскихъ нападений оказали Тунгузы больше мужества, нежели другіе Сибиряки, и ни какое пораженіе не могло ихъ принудить къ оставленію занятыхъ ими подъ жилища свои мѣстъ. Преодоленные бунтовали въ послѣдовавшія времена нѣсколько крашъ; и въ 1640 году Ленскіе Тунгузы у собирашелей подати выщипали бороды. Живущіе на западной сторонѣ Байкала Тунгузы покорились Россіи не прежде, какъ въ 1643, на Восточной же сторонѣ и при Вишимѣ обитающіе въ 1657 году.

Часть III.

Д

Они *раздѣляются* по Восточному обыкновению на колѣна, а сѣи на роды. Каждый *родъ* (Тагаунѣ) производящъ начало свое отъ какого ни есть храбросшю, силою, изобиліемъ въ скошѣ и дѣтяхъ, а иногда и благоразуміемъ, прославившагося родоначальника, называющагося по его имени, и всѣ въ ономъ находящіеся считающагося кровными между собою родствениками. Нѣсколько же шаковыхъ родовъ считающагося между собою родствѣмъ по своимъ родоначальникамъ, и соединяющагося по тому въ *колѣна*. Умѣющіе породу свою выводить прямою дорогою отъ знатныхъ родоначальниковъ, составляющіе ихъ дворянство (Ошериканѣ), избъбирающіе они наипаче семейственныхъ старшинъ (Даруга); въ случаѣ же недостатка въ добрыхъ дворянахъ, избирающіе они ихъ изъ зажиточнѣйшихъ и ошважнѣвшихъ людей. Въ прежнія времена выбирало нѣсколько родовъ общаго себѣ *Сайзана*; а изъ числа сихъ бывалъ одинъ Князькомъ поколѣнья и назывался *Тоюноомѣ* и *Тоюноомѣ*. Онъ подобенъ былъ въ разсужденіи власши Хану Ташарской орды. Нынѣ же причисляющагося шаковыя семейства совокупно и обще съ ихъ Даругасами, отъ Россійскаго правительства въ семъ званіи утвержденными, такъ же съ нѣсколькими еще существующими Сайзанами, и еще меншимъ числомъ Тоюноомѣ, для большей удобности въ названіи и собираніи подати къ Округамъ, острогамъ и зимовьямъ, кошорыя мало по малу между народомъ сямъ заведены.

По сему *раздѣленію* принадлежало въ 1766 году, по численію мужеска пола, къ *Якуцкѣ* 16 родовъ, а душъ 1291; къ *Охотскому* округу 27 родовъ, а душъ 1862; къ *Кудайскому*, *Вацтскому* и *Баргузинскому* острогу и зимовьямъ на верхней Ангарѣ 13 родовъ, а душъ 1025, кошорыя всѣ кочуютъ на Сѣверовосточной сторонѣ Байкала и состояющіе подъ смотрѣніемъ Россійскаго управителя въ Балгузинѣ; въ *Нергнскихъ* заводскихъ горахъ кочуетъ три Ингодѣ, Анонѣ, Шилкѣ и Аргунѣ до самаго Амура 15 родовъ, изъ коихъ *Дулегатской* всѣхъ ближе къ Амуру. Всѣми ими управляющъ Князь *Кантлицровѣ*, крестившійся Монгалѣ, въ званіи Тоюна или Тайши, и имѣетъ непремѣнное жилище на Ингодѣ. При записѣ въ подушной окладъ показано ихъ 4341 душа. Изъ прочихъ Даурскихъ Тунгузовъ принадлежатъ 8 родовъ, а душъ 290 къ *Телембинскому* острогу, да 5 родовъ, въ коихъ считается 239 душъ, къ *Еравинскому* острогу; въ прочемъ же приписано къ *Олекминскому* острогу 4 рода, а душъ 242; къ верхнему и

нижнему *Вилуйскому* зимовью 10 родовъ, а душъ 870; къ шремъ зимовьямъ же на *Маѣ*, вышедшей изъ Лены рѣкъ, 8 родовъ, въ коихъ 595 душъ; къ *Колымскимъ* острогамъ 5 родовъ *Алмутъ*, кочующихъ по берегамъ Восточнаго моря; ихъ записано въ полушной окладъ 397 душъ. Всѣ сіи находящяся въ *Иркутской* губерніи; шесть же кочующихъ при *Тунгускѣ* родовъ плащятъ подушной окладъ за 200 душъ въ *Енисейскѣ* и *Мангазеѣ*, и слѣдовательно принадлежатъ къ Тобольской губерніи.

Кромѣ сихъ въ пустыняхъ своихъ кочующихъ, спранствуютъ еще и между другими язычниками небольшія артели или частныя Тунгускія семьи, коихъ наберется около 1700. Сверхъ того, по собственному показанію Тунгузъ, кочуютъ по верхней Ангарѣ, въ горахъ около вершины сей рѣки, нѣсколько совсемъ еще не переписанныхъ многочисленныхъ поколѣній. Въ горахъ къ Амуру, при *Удѣ*, Тунгузы отъ часни и вовсе еще не счисланы, а отъ части переписаны слегка. И по тому можно народъ сей почестъ наизнашнѣйшимъ въ Сибири, не считая Кыпайскихъ Тунгузовъ, но полагая только число плащящихъ подушной окладъ душъ вшрое, въ замѣну женъ, дѣшей и выходцовъ.

Тунгузы росту средняго, и никогда ни чрезвычайно малы, ни съ лишкомъ велики не бывающъ; при томъ сташны и вѣршлявы. Лицо у нихъ не столько плоское, какъ у Калмыковъ, и краска въ немъ живая; глаза маленькіе и восшрые, носъ небольшой и сухощавой, уши обыкновенной величины; волосъ черной и прямой, борода нарочито жидкая, а у иныхъ и совсемъ волосомъ не опускается; голосъ нѣсколько осиплой; въ прочемъ чрезвычайно зорки и чушки, но шѣмъ шупяе у нихъ чувствованіе и обоняніе. Дѣши совершенно походятъ на Калмычонковъ. Молодыя жєнщины приманчивы по причинѣ изряднаго разположенія лица, чрезвычайно веселосши и вѣжливости; шарухи напешивъ шого морщинами, копощю, и красными какъ огненный уголь глазами приводащъ въ ужасъ. Спарики рѣдко бывающъ съды, и ходящъ до послѣдняго конца шакъ прямо, и какъ на ходу, шакъ и въ дѣлахъ своихъ столь бодры, что сомнишельно, не зная, почестъ ихъ и ушарѣлыми.

Сложєнія они самаго многокровнаго. У нихъ всегда на языкѣ и на дѣлѣ то, что на сердцѣ. Агашъ кажешся имъ дурно: и сіе самое предохраняетъ ихъ отъ подозрѣнія и кляшвѣ. Воровство и обманъ почитаешся у нихъ столь позорнымъ дѣломъ, что они по

таковыя попреканія разбиваются часто стрѣлами. Довольствуясь самыми необходимыми надобностями, ни къ чему кромѣ оныхъ, не имѣютъ пристрастія: и по тому пребываютъ при природительскихъ своихъ нравахъ и житейскихъ порядкахъ безъ дальнихъ прихотей или зашѣй. Горести сего дня не растворяютъ они попеченіемъ о зашрѣ; но паче дѣляясь со всякимъ кто бы у нихъ ни случился, послѣднимъ кускомъ безкорыстно, и сѣдаютъ оной съ веселостію. Да и въ такомъ случаѣ, когда нѣскольکو дней сидя въ голодны за неимѣніемъ ни какого харчу, не унываютъ. Женишья почти одно такое дѣло, при кошоромъ думаютъ они о будущемъ; да и въ томъ бываетъ имъ всегда удача, по тому, что они ни въ чемъ, слѣдовательно и въ самой любви, не разборчивы и къ неистовствамъ не склонны. Въ дѣлахъ ихъ видна оспорожность, раченіе и способность. Они весьма скоро понимаютъ другіе языки, и въ верховой ѣздѣ, звѣриномъ промыслѣ и стрѣляннн изъ луковъ искусны. Въ мѣстахъ, гдѣ кочуютъ, знакомо имъ почти всякое дерево, всякой камень и проч. Слѣды звѣрей узнаютъ на улопшанномъ мхѣ, травѣ, или и просио по знакамъ на голой землѣ, гдѣ посторонній человекъ опнюдь не можеть примѣнить ни чего особливаго. Когда хотятъ имѣть свиданіе въ другихъ мѣстахъ, то мѣста умѣютъ описывать такъ точно, либо дѣлаютъ пальцомъ на снѣгу или на землѣ такіе чертежи, что неопмѣнно, гдѣ надобно, слѣдуются. Отважность ихъ, выходящъ съ обидчикомъ и изъ бездѣлицы на поединочную изъ луковъ перестрѣлку, при чемъ иной и жизни лишается, или устремляющъ на единѣ со стрѣлою и рогатиною на медвѣдя, составляющъ странную противность въ разсужденіи почти безчувственной ихъ холодности при крайнемъ недостаткѣ, ранахъ, потерѣ друзей, имѣнія и проч. Они живутъ, кочуящъ, промышленяютъ звѣрей, ловящъ рыбу и пасуящъ скотъ по большой части уединенно, и какъ всстрѣчаются, такъ и разлучаются между собою безъ радости и тоски. Богатые люди имѣютъ и у нихъ больше попеченія, и не только щедры: однакожъ за безсильныхъ шариковъ платящъ подушной окладъ охотно.

Языкъ ихъ есть Манджурское нарѣчіе, и при томъ мягко, для выговору удобенъ и слуху приятенъ. Слова изображаются на письмѣ малымъ числомъ буквъ, кошорыя удобнѣе пишутъ кистью, нежели перомъ, съ верху въ низъ. Но у нашихъ Тунгузовъ пишъ ни граюши, ни школь. Знанія ихъ утверждаются только на преданіи-

лхъ и относятся къ ихъ состоянію. *Щетъ* ихъ простирается до 10, и по шомъ удваивается. У нихъ есть лѣтній и зимній годъ: но они сами годовъ не считаютъ. Лѣта жизни или какого ни есть бытія считаютъ по шому, сколько разъ заплаченъ между шѣмъ Ясакъ; такъ и. н. кто приидцать разъ плашилъ Ясакъ, шому онъ рожденія шридцать лѣтнихъ и столько же зимнихъ годовъ, слѣдовательно шесшдесятъ лѣтъ. Въ шаковомъ двойшвенномъ году считается шринадцать мѣсяцовъ или лунныхъ шеченій (Бега), которыя называютъ они по ешественнымъ приключеніямъ, какъ и. п. Илкунъ (цвѣшочной мѣсяцъ), Иринъ (плодоносной мѣсяцъ) и такъ далѣе. При шомъ названія мѣсяцовъ не у всѣхъ одинаковы, но по жишю ихъ разнятся. Въ прочемъ не празднуютъ они ни лѣшняго Нового года (Юани Ангани), ниже начала зимы (Туани Ангани).

Дарцасалъ ихъ надлежало бы шокмо наблюдать порядокъ и рѣшишь маловажныя споры, о важныхъ же предлагашъ Ясашинымъ сборщикамъ: но спорющіеся охотнѣе размѣниваются шрѣлами, либо подвергающаюся осужденію, по старинному своему обыкновенію, своей брашїи, судящей обыкновено по ешественной справедливости, нежели предшающъ предъ судъ начальшва, дѣлающаго приговоръ на основанїи незнакомыхъ имъ законовъ, или налагающаго неушощребительныя у нихъ наказанія: по чему и нѣтъ между всѣми Нерчинскими преступниками ни одного Тунгуза. Шоединочная изъ луковъ перешрѣлка (Кучигера) производила прежде въ виду старостъ, кошорые опредѣляли мѣсто, ошдаленіе и знаки, когда пускашъ шрѣлы. Нынѣ же принуждены они шаковыя поединки скрывать; по чему и ошходятъ многіе безвѣшно на шомъ свѣтъ.

Убийство, когда произошло отъ ссоры, не уголовнымъ почитается у нихъ прешшупленіемъ. Убийцу съкушъ плѣшми, и приказываютъ ему содержать сиротъ покойниковыхъ; въ прочемъ же не шокмо не укоряютъ его брашїа злодѣянїемъ, но еще и величаютъ его храбрцомъ. За *драку* наказываютъ палочными по голой спинѣ побоями, и сіе штязаніе называется у нихъ Идогачиганъ. *Воровъ* бьютъ, взыскиваютъ съ нихъ похищенное, и они остаются навсегда въ презрѣнїи. За *прелюбодѣліе* наказуютъ однихъ шолько мужчинъ. Любовникъ долженъ или взять за себя любимую имъ дѣвку, заплашя напередъ опредѣленной кыкушъ, или прештерпѣть побои. Когда кто изъ черни похишшнѣ честь у богашой или пригожей дѣвки, шо долженъ опасашься, чтобы брашья ся и прияшели не разшрѣляли его изъ луковъ. Мужьямъ и женамъ драшья не за-

вращено; и они пользуются при шохъ одинакими правами; а кто кого ранишь, того съкушь при всемъ народѣ. Ежели женатые ужились не могутъ, шо разводятся какъ ни будь. Проводимыхъ женами мужчинъ у нихъ довольно; да сто имъ и не въ дикевину. Бабы сидятъ обыкновенно дома однѣ; ихъ посѣщаютъ мимоходомъ странствующие звѣриные промышленники; варятъ у нихъ себѣ пишу; ѣдятъ оную вмѣстѣ; и какъ шѣ и другія въ выборѣ не щекотливы, шо скоро соглашаются между собою и о другомъ. Ежели мужу спанешъ уже не въ шерпѣжъ; шо посшупаешся онъ женою ея дружку и берешъ за себя другую изъ его рода. Таковой нарочито часто произходящій у нихъ обмѣнъ называется на ихъ языкѣ *Данира. Родилыя лянна*, безпорядочное сложеніе шѣла, и густошу волосъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ у женъ, которая бываешъ въ прочемъ рѣдко, починающъ они произшедшими онъ дѣйствія дѣвола неуспройствами: по чему и случающся у нихъ по сей причинѣ нерѣдко разводы, которые должны однакожъ производить всегда съ согласія шарвѣшинъ.

Въ такихъ случаяхъ, когда не можно испытать истинны, берешся на помощь *присяга* (Адакачанъ), которой есть у нихъ цѣлые три года. Самая послѣдняя состоитъ въ томъ, что обвиняемый берешъ ножъ и размахивая онымъ прошивъ солнца, говоритъ: *ежели я виношатъ, то пусть солнце ловелитъ болѣзнякамъ размахиваться въ моей нутренности такъ, какъ размахивается сей ножъ.* Тяжкая клятва заключаешся въ томъ, когда обвиняемый влѣзши на свято почитаемую гору, какъ н. н. на Восточной сторонѣ Байкала на Шаманскую скалу, находящуюся не подалеку отъ теплыхъ водъ при рѣкѣ Фрелихъ, вскричитъ: *ежели я виношатъ, то лускай члрку, или лишуся дѣтей и скота, не буду никогда на звѣринолѣ промыслѣ щастливъ, ниже въ рыбной ловлѣ;* шо есть говорить шо, чемъ ему приказано клясться. Самая же большая присяга состоитъ въ томъ, что убиваешся собака возлѣ огню, прободаешся копьемъ, а по томъ или сожигается или прочь бросается, обвиняемому же даюшъ испить нѣсколько ея крови, при чемъ долженъ онъ говорить: *кровь сію лго я на лравдѣ; а суде лгу, то лускай логилву, сеору или изсохну, какъ сія собака.*

Подале Сибирскихъ Тунгузъ, выключая Телсѣбинскія поколѣнья, которые въ мѣсто подати исправляющъ на Монгальской границѣ Козакія службы, состоитъ въ парѣ соболей со всякой въ подушной окладъ записанной души; а каждый соболь считаешся въ

рубль. Они могутъ шакъ же отдаватьъ въ казну, цѣною на два рубля, оленьи кожи и другую мягкую рухлядь, или продавъ оныя плашишь наличными деньгами. Мягкую рухлядь цѣнящъ присяжные люди. Всякое поколѣнье или семейство очищася турномъ свой подушной окладъ, раздѣляешъ оной самопроизвольно, заставляешъ щасливыхъ и здоровыхъ звѣриныхъ промышленниковъ плашишь за бѣдныхъ и пресшарѣвыхъ, и шакъ далѣе. Даруги отдающъ подашь подъ весну казеннымъ приемщикамъ находящимся въ острогахъ или въ зимовьяхъ, куда посылающся около сего времени Козаки. Ежели сѣи приемщики послунающъ съ народомъ по честности и ласково, то великую получающъ прибыль. Если н. п. подашь еще не собрана, то приемщикъ или Козакъ оплачивашъ оную въ казну изъ своихъ денегъ; а въ будущей срокъ получаешъ изъ одной честности ошъ сяхъ почти дикихъ людей обрашно мягкою рухлядью не только самой долгъ исправно, но часто еще и сверхъ того подарки. Тунгузская мягкая рухлядь, а особливо соболи при вѣзхней Ангарѣ промышленяемые, по добротѣ своей славны. Ежели промыслы ихъ были улачны, то они не скупяся, но дающъ самое лучшее, да прѣ томъ еще и не по долгу, но единственно по доброй волѣ.

Всѣ Сибирскіе, и слѣдовательно Россіи подвластные Тунгузы *кочуютъ* и разняшя между собою, смотря по тому, въ лѣсахъ ли или въ степяхъ живущъ; по чему и не прошизно называшъ однихъ *лѣсными*, а другихъ *стелными Тунгузали*. *Лѣсные Тунгузы* раздѣляющся паки, по ихъ жишю, на *оленоводствующихъ, звѣроловствующихъ и рыбную ловлю производящихъ*. *Стелные Тунгузы* держашъ лошадей, рогатой скотъ, овецъ и проч. Запросто раздѣляющся они на *конныхъ, оленьихъ и собакныхъ Тунгузовъ*, къ коимъ принадлежатъ звѣроловяющіе и еъ рыбной ловлѣ упражняющіеся; и хотя сѣе не изьявляешъ ошмѣнности народа, однакожъ показывашъ его состояніе.

Оленги Тунгузы кочуютъ съ своими стадами, еъ коихъ бываетъ отъ 20 до 1000 оленей и свыше, въ высокихъ и лѣсистыхъ горахъ въ Дауріи около Бауншскаго озера, около Охоцка и при нижшихъ Ленскихъ рѣкахъ, какъ зимою, шакъ и лѣтомъ. Содержаніемъ оленей удовлетворяющъ они всѣмъ своимъ надобностямъ по примѣру Лопарей и Семояди, по тому, что оныя состояшъ только въ необходимыхъ нуждахъ самой природы; сирѣчь довольснующся мясомъ, молокомъ и сыромъ, изъ кожъ шьющъ одѣяніе, спящъ

на нихъ, и покрываютъ ими свои юрты, изъ рогу и костей дѣлаютъ посуду, изъ жилъ ниши и проч. при томъ вьдвигъ на оленяхъ верхомъ и запрягаютъ ихъ въ сани. Словомъ сказать, олени все ихъ добро и имѣнїе. Они всегда сами събѣ промысляютъ кормъ, или получаютъ по нѣскольку шелько горшей мху когда споятъ привязаны или запряжены въ сани. Въ зимнее время ходятъ мужчины для звѣринаго промыслу и въ нарочишо ошдаленныя отъ юртъ ихъ и стады мѣста.

Звѣроловствующіе и рыбную ловлю производящіе Тунгузы всѣ одни и шѣ же, и ни чемъ не разнятся; зимою ходятъ на звѣриной промыселъ, а лѣтомъ ловятъ рыбу. Для приволья какъ въ одномъ такъ и въ другомъ, безпрестанно странствуютъ и рѣдко долѣе трехъ дней споятъ на одномъ мѣстѣ. Собравшись побольше людей въ артель, странствуютъ по всѣмъ лѣсамъ обширныхъ своихъ пустынь по большой части какъ особенныя семьи, которыхъ, когда встрѣяшся случайно въ своей округѣ съ другими поколѣнья своего семьями, ошашаются правда на нѣсколько времени въ соединенїи, однакожь вскорѣ безъ дальнихъ околичностей паки разлучаются, кочуютъ вмѣстѣ съ другими, и такъ далѣе. Они крайне бѣдны и ни чего, кромѣ звѣроловной и рыболовной снасти, да и то небольшой, и нѣсколькихъ собакъ, также одѣянїя и юртъ, не имѣютъ. Сїе сказано о большой половинѣ; и изъ шакowychъ по малу существа такихъ семей, которыхъ бы. когда не имѣютъ въ запасѣ мягкой рухляди, не можно было шрема или пшью рублями до нага окупить: и по тому они не имѣютъ ни нужды, ни жишейскихъ попеченїй горестїю растворенныхъ. Нѣкоторые имѣютъ по нѣскольку, а иные до 10 смирныхъ оленей, которыхъ чрезвычайно берегутъ и рѣдко доятъ. Служащїе люди и дѣвки вьдвигъ на нихъ верхомъ; да на нихъ же перевозятъ и домашній скарбъ. Когда Тунгузы переправляются черезъ рѣки, то сабаки и олени безъ принужденїя слѣдуютъ за ними вилавъ и никогда не разбѣгаются, хошя въ лѣсахъ и довольно попадается имъ дикихъ оленей, или когда и гонимы бываютъ хищными звѣрями или собаками. Для верховой вьды имѣютъ они небольшїя сѣдла изъ оленьихъ ребръ, на которыхъ кладутъ сверху шубу; оленей же управляютъ словами, или рукою, а рѣдко веревочкою къ рогамъ привязанною.

Для приволья въ *рыбной ловлѣ* странствуютъ во все лѣпо отъ одной рѣки, озера или иныхъ какихъ водъ къ другимъ; и ходятъ при томъ на звѣриной промыселъ, когда вздумается. Для рыбной

ловли больше, нежели ради звѣринаго промыслу, живутъ въ округахъ, какія они между собою для всякаго поколѣнья опредѣлили. На воду пускающся они въ небольшихъ лодкахъ (Яу), состоящихъ изъ легкой деревянной основы, и шакихъ же закраинъ, а обшитыхъ берешою, и при шомъ шакъ плоско, что вода ни какъ пройши сквозь оную не можетъ. Такія ихъ лодки въ низу нѣсколько плоски, съ обоихъ концовъ остры, длиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 сажень, въ верху шириною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 фушовъ, шяжестію иногда меньше, а иногда и больше пуда, но со всемъ шѣмъ довольно крѣпки, и можно на нихъ не шокмо одному, но чешыремъ и пяши человекамъ ѣздитъ безопасно по рѣкамъ и большимъ озерамъ, да и на самомъ Байкалѣ, далеко отъ береговъ. Веслы походящъ на лопаши; а гребущъ шо шѣмъ, шо другимъ. Бродники, неводы и сему подобная рыбачья снасть, имъ неизвѣстна. Рыбу ловятъ удами, копорыя опускающъ въ воду черезъ край идущей на греблѣ лодки, да и шрехзубчашыми, желѣзными вилами (Керонки), копорыхъ концы, длиною въ палець, имѣющіе зазубрины, отстоящъ одинъ отъ другаго на палець, и прикрѣплены къ удилу длиною въ сажень. Въ ночное время ложашся они съ зажженнымъ подгнѣшомъ на брюхо на ушесистыхъ мѣстахъ береговъ, или развѣжжашъ въ своихъ лодкахъ по водѣ. Искусство ихъ столь велико, что рыба, копорую запримѣшатъ и досташъ могутъ, рѣдко отъ вилъ ихъ уходитъ. Когда осенью бываетъ ололи (*) ходъ изъ Байкала въ нѣкоторыя рѣки, шо дѣлающъ они неподалеку отъ берега изъ прущевъ сплешенную городьбу, и ставящъ въ рѣкѣ наискось, а сами споящъ позади оной въ водѣ и выбрасывающъ на берегъ голыми руками пригоняемую къ городьбѣ по причинѣ великаго множества, и шущъ осшанавливающуюся рыбу.

Звѣриный же промыселъ производящъ различно. Они употребляющъ при шомъ луки, стрѣлы, рогатины, силки, ловушки, а особливо самоштрѣлы, и приученыхъ къ гоньбѣ звѣрей собакъ. По причинѣ великаго множества настороженныхъ самоштрѣловъ не можно безъ Тунгузскаго проводника ходишъ или ѣздишъ по ихъ лѣсамъ. Провожашые же признающъ сїи мѣста по надломленнымъ вѣшьямъ деревъ или по другимъ какимъ едва примѣшнымъ знакамъ. Поселику они ходящъ на звѣриной промыселъ обыкновенно по одиночкѣ, и при шомъ смѣлы, шо не мало пропадаешъ ихъ отъ не-

Часть III. Е

(*) *Salmo gregarius.*

щасныхъ приключеній, паденія съ горъ, увязыванія ногами промежъ зыблющихся налипей, коими каменистыя горы усыпаны, шакже ошъ быспрошы рѣкъ, ошъ хищныхъ звѣрей, и шакъ далѣе. Ежели кто изъ звѣриныхъ промышленниковъ переломитъ себѣ ногу или увязнетъ шакъ, что ни какъ самъ выбиться не можетъ; шо удаленъ будучи ошъ всякой помощи приближается медлительно или ошъ мученія или ошъ голоду къ концу своей жизни, ежели какой ни есть хищный звѣрь не прекратитъ скорѣе его сшпрананія. Упражнявшійся щасливо въ звѣриной или рыбной ловлѣ Тунгузъ принимается за содержаніе оленей; оскудѣвшій же оленный Тунгузъ беретъ за звѣриный промыселъ и рыбную ловлю, либо разводитъ собакъ: но ни шопъ, ни другой не промѣняетъ лѣсовъ и горъ на чиспые сшени, или звѣринаго и другихъ промысловъ на скошоводство.

Стелны: Тунгузы находящяся почти въ одной Дауріи при Ононѣ, Аргунѣ, Баргузинѣ и проч. Они имѣютъ лошадей, которые сосшавляютъ главное богатство, рогашой скошъ, овецъ, козъ и верблюдовъ. Во всемъ своемъ хозяйствѣ и жишii, шакже въ юршахъ и прочемъ, уподобляются Буряшамъ, коимъ они послѣдовали, и уже во время Россійскихъ завоеваній жили съ ними въ сосѣдствѣ и упражнялись въ скошоводствѣ. Однакожъ они не столько заводны, какъ Буряшы. Между Тунгузами не легко сыскать шакого человекъ, который бы имѣлъ тысячу лошадей, пять сотъ рогатаго скоша, до двухъ тысячъ овецъ, около ста козъ и до пятидесяти верблюдовъ; между Буряшами же, о которыхъ буду говорить послѣ, былъ бы шакой человекъ не въ диковину. Оскудѣвшій степный или конный Тунгузъ служитъ своей братіи или Россійскимъ мужикамъ изъ хлѣба и плашежа за него подушнаго оклада.

Между *лѣсными Тунгузами* есть и *кузнецы*: но другихъ ремесленниковъ нѣтъ ни какихъ. Наковальня, молотъ, шерпугъ, клещи, копорыя они шакъ какъ и самое желѣзо вымѣниваютъ на мягкую рухлядь у собирающихъ подушной окладъ Козакобъ, раздувальныя мѣхи изъ шюленьихъ кожъ, подобныя нашимъ, не выключая и самага мѣшечка съ угольемъ, тяжесшію вообще не больше, какъ въ полпуда: по чему всякій кузнецъ весь свой приборъ совокупно съ припасами удобно можетъ носить съ собою подъ пазухою. Ежели гдѣ надобно ему поработашъ, шо складываетъ въ одно мѣсто нѣсколько каменныхъ обломковъ, дѣлаешъ изъ глины для мѣ-

ховъ трубу, и куштъ, сидя на землѣ, заступы, копейца на стрѣлы, огнивы, ножи, пилы, копья, жеспяныхъ идиловъ и сему подобное лучше, нежели бы подумашъ можно.

Женскія упражненія, сверхъ варенія пищи, смошрѣнія задѣшми и шакъ далѣе, состояшъ въ сушеніи рыбы, выдѣльваніи кожъ, шипъ одѣянія, крашеніи и сему подобномъ. *Мягкую рущлядь* выдѣльваюшъ изрядно; а особливо *замша* ихъ ошмѣнно хороша. Налимовыя и другія рыбы шкуры выдѣльваюшъ они не хуже Обскихъ Ошяковъ. Шипъе ихъ и вичуры, изъ разщипанныхъ жилъ и волосу выводимыя, шакже крашеніе кожъ, а особливо шерспи съ бѣлыхъ козъ и лошадей снимаемой, весьма не дурны.

Юрты (Аранъ) и *домашній скарбъ* лѣсныхъ Тунгузовъ не меньше просты, какъ и самое ихъ жишіе. Они состояють изъ 10 или и 20 жердей или колышковъ шолбъ, къ верху уже сведенный и скрѣпляющійся шамъ зубцами, на землѣ же занимающій пространство въ поперешиникъ отъ 2 до 2½ сажень. Сію изъ колышковъ состоящую решешку покрывають они наметами изъ вываренной и на подобіе холша сшишой бересты. Края оныхъ обшивають какъ для красы, шакъ и для крѣпости полосками изъ бересты же, какъ будшо шесьюю. По самой срединѣ юрты виденъ очагъ, съ кошораго поднимается дымъ сквозъ полую вершину юрты. Въ мѣсто дверей раздвинуты двѣ жерди подалѣе одна отъ другой, и занавѣшены неприкрѣпленнымъ берестовымъ наметомъ, кошорой можно или оштопыривашъ или поднимашъ въ верхъ. Когда они ошкочовывають на другія мѣста, шо решешки покидають, а наметы, свернувъ въ трубку, берутъ съ собою. Таковыя ихъ юрты на взглядъ весьма недурны; но отъ сшужи, какъ легко разсудишь можно, худое убѣжище. Зимую спавятъ ихъ наибольше въ закрытіяхъ горъ, лѣшомъ же шакъ близко къ водѣ, что въ иную не привычному человѣку спрашно бы показалось и войши.

Домашній ихъ скарбъ состоитъ въ одномъ мѣдномъ либо чугунномъ кошлѣ, въ щепяныхъ, берестовыхъ либо и кожаныхъ сосудахъ, въ плашяныхъ ящикахъ, украшенныхъ кожею и шипыми вичурами, въ мѣшкахъ (Чамбуллы), колыбеляхъ, лыжахъ, саняхъ подъ собакъ, заступахъ, шопорахъ, лодкахъ, снаспи для звѣринаго промыслу и рыбной ловли, оружии и прочемъ. *Застулы* ихъ длиною фуша въ полшора, нѣсколько выгнуты, и обложены желъзомъ шолько на концѣ. *Колыбели* сущъ не иное что, какъ ошкрытые ящики изъ бересты, въ вышину почши на пядень, и обшяну-

шы кожу. Они сведены шупымъ угломъ, на подобіе креселъ; по чему перевязанное дия сидишь какъ будто прислонясь. А дабы голова у него не измялась, по вырѣзана на днѣ дыра. Надъ головою дияши вѣшаютъ небольшихъ жестяныхъ идиловъ, какъ будто хранишелей. Въ прочемъ можно шаковую колыбель и съ дияшемъ вмѣстѣ посредствомъ ремня вѣшать въ юртахъ, на вѣшняхъ деревъ, шаже прикрѣплять къ сѣдлу или и черезъ плечо перевѣшивать. Юрты и домашній скарбъ степныхъ или конныхъ Тунгузовъ подобны Буряшскимъ, которыхъ описаны будуще послѣ, а послѣдній сходствуетъ отъ части съ теперь шолько описаннымъ.

Одѣяніе ихъ сходно наибольше съ Якушскимъ, но шѣмъ паче отличнѣе отъ одеждъ почти всѣхъ прочихъ Восточныхъ народовъ. Кожаное плашье или *шубы*, которыхъ носятъ они на голомъ шѣлѣ, короткія *штаны* и долгиѣ кожаные или теплые *салогн*, почти совершенно подобны Якушскимъ: однакожъ одѣяніе ихъ обыкновенно еще короче и уже, да и сапоги свои не шакъ часто, какъ Якушы, украшающъ черными и бѣлыми полосами изъ необдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ, но изнещряющъ ихъ красивымъ шитьемъ или спроченьемъ и бисеромъ. Въ штанномъ поясѣ есть снурокъ, которымъ прикрѣпляютъ они штаны къ поясницѣ; а въ переди виденъ небольшой въ пядень длиною запонъ, изъ желшой или темной выдѣланной кожи, которая отъ части всплошь, а отъ части въ низу шолько съ краю изрѣзана въ узенькія полдски. По елику верхнее плашье, которое въ переди стягивается снурками, не совсемъ сходится, шо привѣшиваютъ они по большой части красиво вышроченной и корольками или раздувающимся крашенымъ волосемъ конскимъ или козьимъ выложенной нагрудникъ, который шириною въ верху въ ладонь, а въ низу въ пядень, досшаетъ до половины лядвей, и держится около шеи на веревочкѣ. Лѣшомъ же носятъ они плашье по большой части въ распашку и нагрудника не надѣваютъ. Благоговѣйные и суевѣрные носятъ на шаковыхъ нагрудникахъ, а лѣшомъ и просто на груди, жестянаго идола, во образѣ человека, звѣря, птицы и проч. представленнаго и уповаютъ на его покровительство, ожидающъ себя отъ него шастія въ звѣриномъ промыслѣ, и шакъ далѣе. *Лѣшомъ* носятъ шаже многіе изъ нихъ штаны и сапоги изъ налимовыхъ и другихъ рыбныхъ шкуръ. Зимю носятъ небольшіе по икры шолько пущенные полусапоги изъ необдѣланной кожи съ оленьихъ или лосиныхъ ногъ, подъ кошорые

Алунгузъ.
En Tungus.
Un Toungouse.

*Тунгусъ на охотѣ.
Ein Tungus im Jagd-Kleid.
Un Tougouse en habit de chasse.*

подшиваютъ копченяя подошвы. *Зилнее одѣяніе* шьется по большой части изъ бѣлыхъ оленьихъ шкуръ, но не рѣдко и изъ другихъ звѣриныхъ кожъ, которыя волосомъ обращаются на ружу, однако ни чѣмъ не полнѣе лѣшняго замшанаго плашья. Они сполько любяшъ легкое, свободное и разпашистое или спранное на взглядѣ плашье, что кромѣ волосяной бахрамы, шириною въ ладонь, около обшивки плашья находящейся, пришиваютъ нерѣдко еще и къ поясницѣ большіе, пядени въ двѣ длиной, пуки изъ бѣлаго, красного или чернаго волосу, которыя раздуваются отъ вѣпру такъ, какъ и бахрамы. Лѣшомъ ходяшъ всѣ просшоволосы; а зимою носятъ шапки изъ звѣриныхъ кожъ, а особливо изъ серныхъ головъ, на которыхъ оставляющъ какъ уши, такъ и молодые рога; отъ части же надѣвають на голову и небольшія скуфьѣ подобныя теплыя шапки, которыя, когда шерстью пускаются въ низъ, спрочашъ волосами и разпещряющъ бисеромъ. Волосы завязываютъ лѣсныя Тунгузы на запылкѣ плотно, и такъ ихъ оставляющъ не заплешая; къ завязкѣ же прикрѣпляютъ красивую корольками унизанную накладку. Оленьи Тунгузы, когда волосы корошки, часто ихъ и не перевязываютъ. У многихъ видны *на лицѣ*, какъ у Американцовъ, Гренландцовъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, а именно на щекахъ, на лбу, и на подбородкѣ синими почками выведенныя *изображенія*, представляющія просяженія, дуги или безпорядочныя виды; шщеславныя родишели вышиваютъ ихъ шести и десятилѣшнимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ намоченными сперва слюною, а по томъ около кошла въ сажъ вычерченными нитками, которыя продѣваются сквозь кожу шокмо на пролетѣ. Лицо крайне отъ шаковаго шитья разгорается; но синіе пашнышки или почки никогда не пропадаютъ. Теперь дѣлается сіе единственно изъ пышности; а въ прежнія времена, какъ и *Иродотъ* ушверждаетъ въ разсужденіи Фракіянъ, означало оно героенъ. Многіе перевѣшиваютъ лѣшомъ черезъ плечо для цуганья мухъ пучокъ конскаго волосу, и при томъ носятъ при себѣ мягкую и блестящую кожу съ селезнихъ головъ, для выширанія оною изъ глазъ мошки.

Женщины носятъ шакое же шочно *латге*, какъ и мужчины, и не больше ихъ наблюдаютъ чистоту и въ разсужденіи своего шѣла. Бабъ и дѣвокъ по плашью ни какъ разпознавать не можно. Бабье одѣяніе обыкновенно бываетъ нѣсколько пополняе, шаке по большой части красивѣе и опрашнѣе мужскаго. Нѣкоторыя носятъ около шеи узкія решетки изъ пронизокъ, покрывающія нѣсколько и

грудь. Иные прицепляютъ къ плащю, послѣдуя обычаю Якутѣ, наперстки и другія брякушки (Удинѣ). Лѣтомъ носятъ многіе совсемъ изъ рыбьихъ шкурокъ, по вышеописанному порядку сдѣланное плащс. Женщины шудятся надъ всемъ шѣмъ, что принадлежитъ къ одѣянію, чрезвычайно рачительно, и оказываютъ въ шитьѣ и спроченьѣ большее искусство, нежели какого бы чаяшъ можно было отъ сихъ непросвѣщенныхъ людей. Молодые, изрядно одѣшые Тунгузы и Тунгузки собою спашны, миловидны, веселы, смѣлы въ поступкахъ и нарочито пригожи. Шаманы и Шаманки при совершеніи своего идолослуженія наряжаются совсемъ опмѣнно: но объ нихъ буду говорить послѣ.

Стелные или конные Тунгузы живутъ и одѣваются лучше и нѣжнѣ совершенно сообразно Бурятамъ; и при шомъ заплетаютъ они по Монгольскому обыкновенію волосы на макушкѣ, а въ прочемъ бредуютъ всю голову.

Они *ѣдятъ* всѣхъ четвероногихъ звѣрей, не исключая и хищныхъ, также ласпочекъ, мышей, словомъ сказать все безъ разбору, да и самую падавшину, когда только не съ лишкомъ воняетъ; всѣхъ пшицъ и рыбъ: но змѣи, ящерицы, лягушки, насѣкомые и черви кажутся имъ гнусны. Изъ царства растѣній заимствуютъ они себѣ въ пищу разные коренья, вырывааемые ими въ изобильномъ количествѣ изъ норъ волящихся въ спранѣ ихъ особаго рода мышей (*), также опмѣнную свою сарану (**), комки изъ шарлыку (***), совиной спрѣлы или молочайнику (****), разныя дикорастущія ягоды, а изъ травъ больше дикіе роды прасу.

Зимній запасъ лѣсныхъ Тунгузовъ состоитъ кромѣ того что достаютъ они ежедневно на охотѣ, въ замороженныхъ, сушеныхъ на солнцѣ, или копченыхъ рыбахъ, въ мясѣ такимъ же образомъ отъ порчи сохраняемомъ, въ мерзлыхъ дикорастущихъ ягодахъ, а у оленьихъ Тунгузовъ еще и въ сырѣ. Запасъ хранятъ отъ части въ вырытыхъ въ землѣ погребахъ, а отъ части въ небольшихъ голубяшняхъ нашимъ подобнымъ чуланахъ, которые они для безопасности отъ хищныхъ звѣрей строятъ выше земли на одну или на двѣ сажени на лесинахъ срубленныхъ деревъ.

(*) *Mus oeconomicus*. Pall.

(**) *Lilium Martagon & pomponium*,

(***) *Polygon vivipar*.

(****) *Sanguiforba*.

Тунгузъ въ охотничьемъ платьѣ съ тыла.
 Ein Tungus im Jagd Kleid rückwärts.
 Un Tungouse en habit de chasse par derrière.

Пищу готовятъ себѣ просто и неопрятно. Мяса какое бы ни было, отнюдь сыраго не ѣдятъ; варятъ же просто въ водѣ почти всегда безъ соли, или жарятъ, держа надъ огнемъ на деревянныхъ рожнахъ. Ъства ихъ *Силло* есть не иное что, какъ мясо смѣшанное съ дикими кореньями. Кровяныя колбасы дѣлаютъ совсемъ просто, а именно: выворотя кишку, наполняютъ ее безъ всякаго чищенья кровью, а по томъ варятъ. Когда они изрубленныя попрохи вмѣстѣ съ кровью кладутъ въ кишки, то колбасы ихъ называются тогда *Яилми*. *Жиръ* и *сало* ѣдятъ изъ горсти голое безъ хлѣба и соли. *Колгеное мясо* и *рыбы*, равно то и другое на солнцѣ сушеное, ѣдятъ безъ всякаго варенія. Самая мерзкая ихъ ѣства есть жареное или вареное *мѣсто роженецъ*, копорое они въ первомъ случаѣ *Силалого*, а въ другомъ *Еделалого* называютъ. Опцы почищаютъ его наилучшимъ кускомъ, да и машери опшѣдываютъ; при томъ созываютъ для опшѣдыванія сей ѣствы однихъ только наивеличайшихъ друзей, къ копорымъ въ семъ случаѣ не всякъ бы чужой человекъ пожелалъ бытъ причисленъ. Когда они отъ принимающихъ подашь Козаковъ могутъ вымѣнить на мягкую рухлядь муку, то варятъ изъ оной жидкую соломаху.

Они *любятъ* всегда чистую воду, весною по нѣскольку березоваго соку, мясные и рыбные опвары, и вареную съ пьяною правую (*) съ серебрянными лисочками, и съ шелухою кедровыхъ шишекъ, воду безъ всякой другой примѣси. Дабы слюна служила лѣшомъ къ ушоленію жажды, то жуютъ листовичной клей. У лѣсныхъ Тунгузовъ, кромѣ шабаку, нѣтъ въ употребленіи ничего пьянаго, да и томъ курятъ изъ маленькихъ Китайскихъ шрубокъ, перемѣшавъ съ ихомъ: по чему и бываютъ во всю жизнь свою презвы. Охоткія и другія Сѣверныя поколѣнья употребляютъ для веселосши духа шакъ, какъ Ошяки и Якушы, *мухолоры*. Степные и заживнѣйшіе олени Тунгузы пьютъ лѣшомъ *переквашенное молоко*, а первые и вино изъ молока выкуренное. *Перегонный приборъ* весьма сходствуетъ съ тѣмъ, какой у насъ употребляется. Они славятъ на кошель наполненной кислымъ молокомъ деревянное дупло, по срединѣ копорого находится решепичешая доска, у коей на верхней сторонѣ слѣланы желобочки, склоняющіеся къ боковой дупла скважинѣ. Съ наружи покрываютъ они дупло на верьху войлоками, а скважины около копла замазываютъ глиною. Поднимаю-

---

(*) *Rhododendr. dauric*,

щіеся отъ разложеннаго подъ кошломъ огня сквозь решетку крѣпкіе пары, собирающіяся въ жолобочкахъ и спекающія боковою скважиною, къ коей придѣлана шруба проводящая ихъ въ сосудъ.

-Въ *обхожденіи* они опнюдь себя не принуждаютъ. Они говорятъ не много, да и то безъ околичностей. Будучи по природѣ люди добрые, всегда веселы и рѣдко одинъ другаго обижаютъ. Прозьбъ у нихъ вовсе нѣтъ, но всякъ шребуешъ того, чего желаетъ, и вѣрно получаетъ, когда только есть что дать; либо въ то же самое время слышишь отказъ безъ огорченія. Нѣжности вышшаго спенени имъ не знакомы: однакожъ свойственна имъ какъ будто холодная, но дѣльная дружба. Они иногда и нѣсколько лѣтъ не видавшись, не здоровкаются; да и разсѣются по большой часи безъ прощанья, и слушающъ безъ примѣшнаго состраданія, когда говорятъ о нещасіяхъ, да и о самой смерти ихъ друзей. До старости же дожившіе друзья увидѣвшись послѣ долговременной разлуки обнимающъ другъ друга, и при томъ иногда шакъ plainly, что въ лицѣ оба посинѣющъ; иногда же и цѣлуются. Женской полъ и у Тунгузъ гораздо чувствительнѣе мужскаго; иногда споишь немалого шруда воздержашъ молодыхъ вдовъ отъ самоубійства, и шакъ далѣе. *Ласковыя* ихъ слова суть слѣдующія: дружокъ (Ника), дшешка (Уша), башюшка (Амениканъ), мамушка (Онимиканъ), шаричокъ и добринькой (Кашунъ). Упошребительнѣйшія же *ругательства* суть: воръ, бѣсъ, (Буни), прокляшой (Чилкуръ). За подарки почши и не благодарятъ: но при всемъ томъ оказывающъ весьма услужливыми, провожаютъ своихъ благодарителей нѣсколько дней долѣе, и доставляютъ имъ иногда и на свой счешъ забавы, которыя въ естественномъ ихъ соспоянїи почиашъ наибольшими. Сколько они голодъ сносить могутъ, сполько напрошивъ того и ѣдятъ здорово, да при томъ безвременно. Во время ѣды сидятъ на землѣ на цыпкахъ. Кшо бы ни пришелъ, всякаго угощаютъ, хотя и послѣднимъ кускомъ. Ни передъ ѣдою, ни послѣ оной не молятся. Для прогнанія отъ себя лешающей въ превеликомъ множествѣ мошки, которая крайне беспокоитъ, перевѣшиваютъ часто, кромѣ махала и селезыхъ головъ, какъ о томъ сказано выше, небольшіе горшечки, въ которыхъ курится гнилое дерево, черезъ плечо шакъ, что курево сіе то въ переди, но назади виситъ, смопря по дѣлу ихъ и по вѣшру: и шакъ они безпресшанно бывающъ въ дыму, отъ чего около носу нарочито смугла бываетъ у нихъ кожа.

Чистота не въ великой у нихъ чести. Они никогда не умываются, и на какой посуды не выполаскиваютъ, но за велико считаютъ и то, когда вышрутъ овчиною, кошорую вышаскиваютъ иногда и изъ колыбели. Когда у себя или у дѣшей выскиваютъ вшей, то гадину сію глашаютъ. Они не гнушаются и дѣскими нечистыми; сопавые ихъ носы берутъ къ себѣ въ ротъ, и высосавъ возгри глашаютъ; много у нихъ и другихъ шаковыхъ мерзостей. У людей живущихъ столь союзившественно проспонтъ челоѣчества, не могутъ бытъ наблюдаемы наши понятія о смѣдливости. Дѣши, будучи уже и нарочито взрослые, ходятъ не рѣдко со всемі нагѣ; да и совершеннѣшіе обихъ половъ, однако не дѣвки, сядятъ также возлѣ огню нагѣ до половины, то естъ имѣютъ на себѣ одни только корошнѣкія штаны, или попрыгиваютъ въ шакомъ же сосноянті и въ свѣихъ юршѣ. По привычкѣ и по тому, что почти всѣ взрослые женшы, обычай сей безвреденъ и не соблазнитель.

Лѣсныя Тунгузы при естественномъ, шрезвомъ и не наужномъ житіи своемъ не прѣльщаются ни деньгами, ни крушцами, выключая желѣзо, ниже другихъ чемъ, надѣбнымъ намъ по жишейскимъ нашимъ обрядамъ и прихотямъ. Напрошивъ того дѣшей, здоровья и старости желаютъ. Они *любятъ дѣтей* чрезвычайно: но сіи бывають имъ на старости и питомцами. Однако они не плодородны: мало такихъ машерей, кошорыя имѣютъ четверыхъ дѣшей; а сіе прѣзходитъ можетъ бытъ часшю ошъ суроваго житія и ошъ того, что долго кормятъ дѣшей грудью, то естъ иногда и до пятого года. Бабы ихъ родятъ легко, и начинаютъ шопш часъ послѣ родовъ ходить; да и ошкочовываютъ вмѣстѣ съ мужьями, кошорые почишаютъ ихъ чешыре недѣли послѣ родовъ нечистыми. Кто ни будь изъ пришелей нарекаетъ младенцу безъ всякихъ обрядовъ вѣры имя, какъ н. п. *малгикалѣ: Ше пинга, Уркучда, Ачичка, Атчга.* и такъ далѣе; а *дѣвкамѣ: Алакчурѣ, Оюкѣ. Тчигити* и проч. Младенцы лежатъ въ колыбеляхъ нагѣ, и обсыпаны во кругъ изшершымъ гнилымъ деревомъ: покрываютъ же ихъ шубнымъ лѣскушомъ.

Многоженство у нихъ не запрещено, и многѣ имѣютъ женъ по пяти, однакожъ больше такихъ, у кошорыхъ по одной только женѣ. По елику всякъ старается, какъ можно скорѣе, завестись своимъ хозяйствомъ; то сочешаніе для обихъ половъ нужно, и совершается въ весьма молодыхъ лѣтахъ; по чему пшнадцатилѣшніе

Часть III.

Ж

мужи и двенадцатилѣтнія бабы и вдовы у нихъ нерѣдки. Невѣстѣ они выкупаютъ. Сшепные и конные Тунгузы дають *за невѣсту выкупу* (Шурунѣ) ошѣ 20 до 200 всякаго скота; оленій Тунгузѣ дають ошѣ одного до 20 оленей; рыболовствующій Тунгузѣ платитъ за избраннаго своего тесня года по 2, по 3 и больше подушной окладѣ. Приданое (Иши) равняется почти прошиву четвертой доли выкупу; невѣста же даритъ ошѣ себя жениха платьемъ, кошорое служитъ свидѣтельствомъ въ разсужденіи искусства ея въ выдѣлываніи кожъ и шитьѣ. По исполненіи рядной начинаютъ женихъ и невѣста спать вмѣстѣ, безъ предварительныхъ шоржесивенныхъ обрядовъ; когда же они переходятъ жить въ новую юршу, то бываетъ празднество. Конные Тунгузы ѣдятъ при шомѣ съ друзьями своими и пришелями лошадей, олени оленя, а рыболовствующіе дикаго звѣря, какого къ сему случаю убитъ удастся какъ н. п. волка или лисицу. Въ случаѣ же неудачи въ звѣриномъ промыслѣ убиваютъ собаку; по крайней мѣрѣ даетъ обѣщаніе подышать шаковой сполѣ жениховъ ошецѣ или свекорѣ.

Увеселенія ихъ при брачныхъ поѣздахъ и въ праздники состоятъ въ повѣсшвованіи вымышленныхъ приключеній, которыя они иногда и воспѣваютъ въ пѣсняхъ, о звѣриномъ промыслѣ, о любви и проч. въ пляскѣ по досчатой скрипкѣ (Курѣ) о трехъ струнахъ; мужчины же забавляются наибольше бѣганьемъ въ запуски, выпереживаніемъ на лошадахъ, и стрѣляньемъ изъ луковъ.

Болезней у сихъ крѣпкихъ, умѣренныхъ, веселыхъ и безпечныхъ людей мало, а собсшвенныхъ и вовсе нѣтъ: однакожъ рѣдко кто и у нихъ доживаетъ до глубокой старости. Сшарики лѣтъ въ 70 весьма у нихъ рѣдки. Рѣдніе глазѣ ошѣ дыму, и цынга ошѣ непрывычки къ спокойному житью, сущъ обыкновенныя шягосши въ старости. Нѣсколько кратѣ, да и за шридцать лѣтъ предѣ симъ, весьма пагубна для нихъ была оспа. Идолослужители ихъ сущъ совокупно и врачи; спараются же пособишь домашнимъ лѣкаршвомъ, приношеніемъ жершвы и волшебствомъ.

Покойниковѣ своихъ хоронятъ въ одѣянніи, и надѣляютъ ихъ шабашною и другою надобностью; мужчинамъ же дають и оружіе. Когда ошѣ покойника не было особливаго завѣщанія, то потребуютъ его шамъ, гдѣ умерѣ; Шаманы и другіе хотятъ истѣтъ на чисшемъ воздухѣ, по чему и покрываютъ ихъ только камнями и хвор шомъ, у первыхъ же вѣшаютъ еще и барабанъ; нѣкоторыя, напрошивъ шого, желаютъ преданы бытъ погребенію или возлѣ род-

Тунгусской Шаманъ при рѣкѣ Аргунѣ сзади.
 Ein Tungusischer Schaman am Argun Fluss rückwärts.
 Devin toungeuse auprès de l'Argoun par derrière.

ственниковъ или возлѣ какого ни есть любимаго дерева. Похороны опираются на приемы безъ всякихъ обрядовъ; а по томъ одинъ послѣ другаго пощуютъ покойника, ставя на могилу его пищу и питье: и сіе называется у нихъ *Шитуралъ*.

Законы содержатъ *языческой* по *Шаманскому толкованію*. Верховное или всеобщее божество называютъ *Боа*, діавола *Буги*, а идолослужителей и волшебниковъ *Шаманамн*.

ВОСТОЧНЫЕ СИБИРСКИЕ НАРОДЫ.

Ближайшая къ Сѣверу матерая земля Сибири извѣстна стала Россіянамъ въ послѣдней половинѣ шестнаго надесять столѣтїя, и завоеванїе оной по причинѣ отдаленности, суровости мѣснѣ и дикости тамошнихъ жителей, не могло производиться иначе, какъ шокмо медленнѣе. По 1690 годѣ извѣстна была Камчатка по одному шолько слуху; занятіе же оной возпослѣдовало въ 1696 году. Въ 1710 году найдены Курильскіе острова. Въ 1727 году воспрїяло начало свое Камчатское морское пушешествїе подъ предводительствомъ *Беринга*, продолжавшееся до 1741 года. Во время онаго Восточные, а отъ части и Сѣверные берега Сибири, острова на морѣ между Сибирью и Америкою, а особливо Курильскіе, также Японїя, да и самая матерая земля Америки, отъ части ближе опредѣлены, отъ части открыты, отъ части же и посѣщаемы были. По томъ бывали въ мѣснахъ сихъ и на островахъ Россійскіе промышленники, Козаки и Купцы, а въ послѣднія времена доѣзжалъ до нихъ Капитанъ Берингъ, и мало по малу обложены въкошорые подушнымъ сборомъ. Чуккой мѣснѣ, называемой и Шеланскимъ, и вообще Анадырская страна, прежде Камчатки стала извѣстна, и въ 1738 году и послѣ п. большей части войскомъ состоявшимъ подъ предводительствомъ Маіора *Павлукаго* пройдена и завоевана: но дикіе тамошніе жители не всѣ пребыли въ повиновенїи.

Тѣ же самыя обстоятельство, которыя пошвиуолагали препоны завоеванїю и удержанїю сихъ странъ, преняшешвовали и приобрѣщенїю почнаго объ нихъ свѣденїя, по елику они по большей части не виданы были испышателями никогда. Все званїе объ нихъ основано на изустныхъ преданїяхъ, которыя однакожъ въ отношенїи къ народамъ сихъ странъ, по елику успроенїя ихъ и страные въ житїи обряды и самимъ воинамъ и купцамъ гораздо примѣшнѣе, нежели качество холодной, суровой и къ житїю Европейцовъ почти вовсе неспособной земли, не столько не совершенны, какъ въ разсужденїи онаго естешвеннаго состоянїя. *Стеллеръ*, *Крашенинниковъ* и *Миллеръ*, всѣ прое члены здѣшней Санктпетербургской Академіи Наукъ, а особливо Кавалеръ Палласъ сообщили объ нихъ наипространнѣйшія и лучшія извѣстїя: однако и разныхъ неученыхъ путешественниковъ сказки о томъ вѣрны и полезны. Я почерпну и внесу сюда изъ шаковыхъ извѣстїй все то, что до предмѣша моего касается.

Между сими народами *Юкагиры* съ *Якутами*, *Тукти* съ Сѣвернѣйшими *островскими жителями*, *Камчадалы* съ нѣкоторыми *Курилцами* и Восточными островскими жителями, въ языкѣ и жишѣ нарочито сходствуютъ, а *Коряки* сославляютъ какъ будто бы межоумокъ между Чудскими и Камчадальскими народами. Но у всѣхъ столь великая разность въ языкѣ, жишѣ, нравахъ и прочемъ, что и сходства почти не примѣтно: по чему безъ точнѣйшихъ до произхожденія ихъ касающихся извѣстій или рачительныхъ испытаній не можно ни чего положительно сказать о ихъ единоплеменствѣ и породѣ относительно къ ихъ предкамъ. Я же по намѣренію моему, касающемуся до нынѣшняго ихъ соспоянія, описываю ихъ здѣсь по порядку подъ именемъ *Восточныхъ Сибирскихъ народовъ* больше въ разсужденіи ихъ смежности, нежели по старинному древнему ихъ единородству.

Ю К А Г И Р Ы.

Юкагиры и нынѣ еще нарочито знатный народъ, кочующей въ ближайшихъ къ Сѣверу Якутскихъ мѣстахъ и около самаго Ледовитаго моря, въ Восточной споронѣ *Лены*, отъ *Ямы* до самой *Колымы*.

Они, по народной молвѣ, почти столь же давно, какъ и Якуты, извѣсны были Россійскимъ завоевателямъ Сибири: но какъ они жили въ ближайшихъ къ Сѣверу, въ суровѣйшихъ и непроходимыхъ странахъ, то первые Юкагиры не прежде, какъ въ 1639 году начали плашить подушный окладъ: чему прошивились и вооруженною рукою. Лошади совсемъ имъ были неизвѣсны: у Якушъ напротивъ того оныя попадаются. И по тому думашь надѣбно, что они издавна уже живутъ въ сихъ холодныхъ, болошисныхъ и гористыхъ мѣстахъ.

Нынѣ кочуетъ при нижней *Ямѣ* пять Юкагирскихъ колѣнъ, плащащихъ подушный окладъ за 287 душъ въ *Устьянское Зимовье*, кошорое отстоитъ отъ Якуцка на 1184 версты къ Сѣверу. При нижней *Индигиркѣ* и *Алазеѣ*, вышедшихъ изъ Ледовитаго моря рѣкахъ, около *Удядинскаго Зимовья* кочуютъ четыре поколѣнья, кошорыя приписаны къ *Алазейскому Зимовью*, отстоящему отъ Якуцка на 1369 верстѣ въ Сѣверосѣверовосточную спорону. При нижней *Колымѣ* живетъ 20 колѣнъ, изъ коихъ семь называются Юкагирами и сосноятъ изъ 677 душъ. Они отдаютъ подушной окладъ въ зимовьяхъ при Колымѣ, изъ коихъ ниже лежить въ 1914 верстахъ отъ Якуцка въ Сѣверовосточную спорону во 100 верстахъ выше устья Колымы, впадающей въ Ледовитое море. Весь народъ плашитъ подашь за 964 души. Но ихъ въ пустыняхъ такъ трудно опыскивать, что число непереписанныхъ мужчинъ, также женъ и дѣшей, по крайней мѣрѣ въ четверо превозходитъ, въ отношеніи ко всему народу, помянутое количество.

Въ разсужденіи *вида* и упошребительныхъ у нихъ обрядовъ походяшь они на *Якутѣ*, въ житіи же сходствуютъ съ *Семоядью*. *Одѣяніе* ихъ такимъ же образомъ составлено. Въ *языкѣ* ихъ много Якутскихъ словъ, но отнюдь не столько, чтобы можно было почесать его Якутскимъ нарѣчіемъ; ни они Якушъ, ни сіи ихъ никакъ не разумѣютъ. Идолослуженіе ихъ сходствуетъ съ Якутскимъ. Они кажутся бытъ особымъ и отдѣленнымъ народомъ еще и по то-

му, что живутъ совсемъ ошщещясь и не имѣя ни какого обращенія съ другими народами.

Они *когу отъ*, какъ и Якушы, въ юртахъ и заимствуютъ себѣ пропитаніе ошъ звѣринаго промысла, рыбной ловли и содержанія оленей. Нѣкоторое поколѣнье, которое Коряки называютъ *Анплани*, имѣетъ, какъ слышно, вслошь пѣгихъ оленей. *Бствы* у нихъ шакія же, какъ и у Якушъ.

Они *любатъ* больше, нежели другіе Сѣверные жители, *улоеніе* въ бреженье, и употребляютъ на такой конецъ *табакъ* да *мухоморы*, по примѣру другихъ Сѣверныхъ Сибиряковъ. Они ѣдятъ не только ошъ одного до чешырехъ мухоморовъ, но и, какъ повѣсшвуетъ *Стеллеръ*, почитаютъ и мочу упившихся къ произведенію такового же дѣйствія способною: по чему оную и сберегаютъ. Ошъ употребленія мухоморовъ не примѣшно сильнаго въ крови волненія: но въ нервахъ производяшъ они споль великое дѣйствіе, что нѣкоторые во время бреженья безпресшанно шрясутся. Какъ Юкагирскіе, такъ и Тунгузоламушскіе Шаманы принимаютъ всегда передъ своимъ упоеніемъ по доброму глотку таковой мочи. Въ прочемъ бывають такіе упійцы на шаросши глупы. Во время упоенія думаютъ про себя, что они люди большіе, шолшые и богатые: иные поютъ шакже лежа на спинѣ красивыя пѣсни о любви или звѣриномъ промыслѣ; другіе мелютъ пустошь о будущемъ, и шакъ далье. Будучи въ наивеличайшемъ упоеніи кричатъ и шумятъ, пока не уснутъ. Инымъ совсемъ не можно употреблять мухоморовъ, по шому, что послѣ оныхъ сами на себя ѣстервеняются. Таковое дѣйствіе производятъ они, какъ слышно, и всегда, когда кто въ упоеніи коснешя женскаго пола; по чему шрезвые и ошвращаютъ ошъ шого упоенныхъ.

КАМЧАДАЛЫ.

Полуостровъ *Камчатку* составляетъ каменистый и безплодный хребетъ горъ, простирающійся отъ матерой земли *Коряковъ* между Восточнымъ моремъ, также *Ценжинскимъ* морскимъ заливомъ и *Охотскимъ* моремъ въ Южной сторонѣ, на Западъ, и въ краѣ *Курильскихъ* острововъ на многихъ мѣстахъ моря до самой *Японіи* продолжается. Сія земля, находящаяся между 51 и 62 степенемъ Сѣверной широты, не столько по Сѣверному, сколько по Восточному своему положенію, которое по новѣйшей картѣ находится подъ 174 степенемъ, и по причинѣ каменистой подошвы, холодныхъ ключей, недосышка въ плодородной землѣ, и дѣйствія снужи особливо льшомъ, крайне неспособна ни для хлѣбопашества, ни для скотоводства; она едва можетъ быть обитаема привыкшими къ Европейскому житію людьми, и по справедливости почтается наисуровѣйшимъ мѣстомъ обширной Россійской Имперіи. Небольшое число Россійскихъ усадьбъ на семъ полуостровѣ составляютъ остроги; да и тѣ разсыяны, смотря по тому, какъ требуетъ того надзираніе за Камчадалами, ссылочными людьми и шоргами, и сполтъ казнѣ не дешево. При всемъ томъ суровыя сіи горы, повсѣмъ въроашносіямъ, имѣли искони коренныхъ жителей, а именно *Коряковъ* въ Сѣверной сторонѣ къ матерой землѣ, и *Камчадаловъ*, живущихъ на лежащемъ ближе къ Югу полуостровѣ. О *Корякахъ* буду говорить послѣ, а теперь опишу *Камчадаловъ*.

Камчадалы называются сами *Ительменами*, т. е. жителями. Полуостровъ ихъ названъ Камчаткою по рѣкѣ *Камчаткѣ*, находящейся въ Западной его сторонѣ, а сія получила наименованіе свое конечно отъ прозванія храбраго Ительмена *Конта*, жившаго при оной.

Произхожденіе ихъ по недосышку въ бытійственныхъ свѣдѣніяхъ и по причинѣ собственнаго ихъ незнанія въ разсужденіи бывшихъ прежде съ ними перемѣнъ, сомнительно. По языку, виду и житію кажутся они особливимъ, съ вѣкоторыми жителями ихъ морей единоплеменнымъ изродомъ. Кромѣ *Коряковъ*, нѣкоторыхъ островскихъ жителей, а нынѣ и Россіянъ, не извѣстны имъ ни какіе другіе народы. Домашнія ихъ надобности совсемъ отчуждены отъ скарбу другихъ народовъ, и только просты, колико не велики собственныя ихъ нужды, подавшія имъ поводъ къ изобрѣшенію оныхъ.

Не меньше опмѣнно и самое ихъ житіе. Все сіе свидѣшельствуетъ, что они искони владѣющіе своими мѣстами.

Они *раздѣляются и называются по рѣчкамъ*, при кошорыхъ живутъ, и отъ коихъ рѣдко переселяются къ другимъ. Ради удобности ѣзъ собираніи подаши и смотрѣніи за ними приписаны они къ разнымъ острогамъ. Къ *Большерецкому острогу* принадлежало въ 1760 году 1196 записныхъ душъ, кошорыя живутъ въ 22 острожкахъ. Къ Верхнему и Нижнему *Камчатскому острогу* причислено 25 острожковъ, а душъ 938; къ *Тагильскому же острогу* 26 острожковъ, а душъ 940. Ежели въ разсужденіи непочнаго счисленія, также женщинъ и дѣшей, положимъ число душъ прошиву вышечисланнаго въ шрое или и въ четверо; шо количество народа будетъ при всемъ томъ для шоико обширной страны весьма малое, и шбмъ паче, что въ разсужденіи ближайшихъ къ Сѣверу остроговъ положены въ счетъ и принадлежащіе къ нимъ Коряки. При томъ же и оспа въ 1768 и 69 годахъ, слѣдовательно нѣсколькими лѣтами позже переписи, великое ихъ множество переморила.

Камчадалы обыкновенно *росту малаго*, широкоплечи, голова-шты; лицо у нихъ продолговатое и нѣсколько плоское, носъ низменный, глаза маленькіе, губы тонки, ноги корошки, бороды не велики. Они весьма нечувствительны ко всякимъ переменамъ погоды и жизни; на ногахъ же крѣпки и ходятъ скоро. У *женщинъ* въ лицѣ кожа тонкая и смуглая; глаза и брови черныя, руки и ноги тонкія; да они и вообще сшашны.

Народъ сей имѣетъ *воображеніе проицательное* и память добрую, да при томъ чрезвычайную склонность и способность къ подражанію. Пѣсни ихъ и сказки преисполнены остроумными и забавными вымыслами. Что бы ни увидѣли, все поддѣлаютъ, и умѣютъ наипаче передразнивать иностранцовъ въ разсужденіи рѣчей и помаваній. Прародительскіе обычаи не строго наблюдающіе; но какъ они никогда почти не разсуждаютъ, отъ содѣланныхъ прежде злодѣяній ни кѣмъ не предостерегающіе, не думаютъ ни мало о слѣдствіяхъ или предбудущемъ, и шакъ далѣе, шо больше послѣдуютъ худымъ, нежели добрымъ примѣрамъ, и развращаются. Они чрезвычайно любопышны: по чему сны и шолкованія оныхъ много дѣлаютъ имъ хлопотъ. Главная ихъ шпашь похоша и веселосша, кошорой рѣдко не сошоварищесшвуетъ безнечность и

Часть III.

З

безпристрастіе къ прочимъ пріятностямъ житейскимъ, да и къ самой жизни. Бѣднѣе ихъ не тревожишь; на звѣриной промыселъ ходящъ для утоленія единственно голоду, и при шомъ удаляюща ошъ хижинъ своихъ не далѣе, какъ на такое пространство, чпобы можно было возвратиться къ бабамъ ночевать. Не нѣжностъ вкуса, но изобиліе въ пищу и хмель напшкѣвъ, ихъ прельщаетъ. Они завидуютъ блаженству своихъ предковъ, кошорые жили въ шакія времена, чшо бродили въ хижинахъ по самыя ладышки въ помояхъ, а нынѣ де и подошва едва подмокнетъ. Въ похоти скопу подобны; и по шому мужчины, вопреки обыкновенію Восшочныхъ народовъ, добровольно раболѣпствуютъ женамъ. Не меньше любострастенъ и женскій полъ, кошорый любовниками своими не шолько хвалится и допускаетъ иностранцовъ награждать себя за всѣ услуги удовлетвореніемъ ихъ похоти, но и употребляетъ неесшественныя угожденія страсти. *Стеллеръ*, жившій долго въ Камчашкѣ, почитаетъ причиною таковой ихъ неушолимой похоти ежедневное яденіе почти гнилой рыбы, икры, сала, разныхъ родовъ луку, и сверхъ шого праздношть.

О *гести* и *стыдѣ* не опредѣленныя имѣютъ они понятія: и по шому ошъ суровыхъ поступковъ больше, нежели ошъ ласковыхъ, спановаясь въжливѣе, услужливѣе и меньше плушоваши. *Одна ложотъ* да *раздѣлье въ жити* возбуждаютъ въ нихъ зависть: и по шому крадутъ шокмо женъ да собакъ: но за таковыя покражи бывали между ими прежде не рѣдко и войны. Они крайне *болзлывы*, мстящъ шолько кровенно, и приходящъ въ опчаяніе и ошъ самой малой опасности; не уповая на грядущую жизнь, бывающъ склонны ошвращать зло настоящее, хотя въ прочемъ и суемшсленное, самоубійствѣмъ. Не шолько осужденныя на казнь, но и негодующіе, предпочитаютъ смерть горесшной жизни или сопряженному съ казнію болзнованію. Ушарѣлые и изувѣченныя Камчадалы еще склоннѣе, нежели древніе Сѣверныя народы, кошорые спариковъ своихъ побивали, поднимащъ на самихъ себя руки. Болзненныхъ спраданій сносить не могутъ. Когда родятся близнецы, то охотно одного изъ нихъ убиваютъ. То же дѣлаютъ и съ уродами. Беременные женщины, кошорыя много имѣютъ дѣшей, или чувствуютъ себя ошъ нихъ помѣху въ нешшовой своей страсти, заводящъ ихъ умышленно, и такъ далѣе. Смерть же, хотя и мучительную, сносятъ злодѣи и больныя весьма спокойно.

У Камчадалъ нѣтъ ни грамоти, ни заручительныхъ знаковъ, ни ученія, ниже иныхъ какихъ знаній, кромѣ шѣхъ, къ какимъ руко- водствующимъ обширныя ихъ дѣла и природа. Они имѣютъ соб- ственной *языкъ*, кошорато корень походитъ на опрасль Монгаль- скаго языка, и кошорому шрудно учиться по тому наипаче, что они названія вещей внѣ области ихъ находящихся не заимству- ютъ изъ другихъ языковъ, но сами выдумываютъ, сообразуясь природѣ или обстоятельствомъ, по которымъ они имъ попа- дающа. Они такъ, какъ и мы, *считаютъ* до десяти, а по томъ повторяютъ. По большой части и на первомъ десяткѣ берутъ уже на помощь пальцы. Незчислимость изъясляютъ они чрезъ сжиманіе пальцевъ, или шѣмъ, что хватаются за волосы.

Лѣтній годъ сосшоятъ изъ лѣшняго и зимняго годовъ, копо- рые они раздѣляютъ по луннымъ шеченіямъ (Тава), а сіи назы- ваютъ по естественнымъ явленіямъ, какъ н. п. *кокушкинъ мѣсяцъ* (Конкуачъ), когда начинаетъ кричать кокушка, и такъ далѣе. Дней не считаютъ. Годы числятъ по новѣйшимъ и важнымъ для нихъ приключеніямъ, какъ по по бывшимъ мяшежамъ, по свирѣп- ственанію оспы, и такъ далѣе.

Союзъ наблюдающъ между собою *по семьямъ*. Всякое семейство живетъ въ особомъ острожкѣ при какомъ ни будь ручьѣ или рѣчкѣ, и сосшоятъ изъ нѣсколькихъ хозяйствъ. Молодые поселяются въ шѣхъ острожкахъ, гдѣ женятся. Большой острожокъ раздѣляется на части, но все при томъ же ручьѣ или рѣчкѣ. Старѣйшій или коренный острожокъ пользуется нѣкоторыми преимуществами по шому, что въ немъ жилъ сынъ родоначальника Камчадаловъ и бо- жества ихъ *Кутки*. Старшинъ острожка оказывается нѣкоторое, однакожъ малое, повиненіе. Они наказываютъ только воровъ да убійцъ, первыхъ шѣмъ, что прижигаютъ у нихъ пальцы, по чему ихъ признаютъ и презираютъ; послѣднихъ же выдаютъ обижен- нымъ, которые часто пошупаютъ съ ними жестоко.

Въ прежія времена бывала часто между нѣсколькими острож- ками, наипаче изъ похищенія женъ, междоусобная *брань*, по слу- чаю кошорой произошли небольшіе владѣльцы (Тоюнъ), которые противниковъ побивали, а женъ, собакъ и имѣніе брали себѣ въ добычу. А особливо воевали они часто Коряковъ, и иногда вы- грывали, а иногда и сами побѣждаемы были. Они никогда не осмѣ- ливались завѣдомо вступитъ съ неприятелями своими въ сраженіе, но такъ, какъ во время мяшежей бывашъ, нападали на нихъ не-

чаянно въ ихъ жилищахъ или выманивали ихъ изъ выгодныхъ мѣстъ. Въ острожкѣ, на кошорой бывало такое нападеніе, кололи иногда мужья своихъ женъ, а по томъ боясь горшей участи, и самихъ себя. Собственныя ихъ *оружія* суть лукъ, стрѣлы и копьа съ заостренными косьми, да сверхъ того дубины.

Нынѣшнее ихъ *устройство*, кошорое шаковыхъ междуособныхъ браней не шерпишь, такое же, какъ и у большой половины прочихъ Сибирскихъ народовъ. Они состояшь подъ смотрѣніемъ Россійскихъ начальниковъ, и даюшь заложниковъ или аманашовъ. *Подають* ихъ состояшь въ одномъ соболѣ съ души, въ мѣсто кошорато принимаютъ отъ нихъ такъ же въ казну и другую мягкую рухлядь, либо и сладкую праву, инако Сибирскимъ борщомъ (*) называемую для куренія вина.

Они живали всегда такъ, какъ и нынѣ, въ *одномѣстныхъ селитбахъ*, кошорыя укрѣпляли прежде земляными или и каменными стѣнами, либо палисадами: по чему и названы оныя отъ Россіянъ острожками; да и нынѣ такъ же называются, хотя укрѣплять и запрещено. Остатковъ прежнихъ деревень шакое у нихъ множество, что должно думать, что Камчадалы были прежде нѣсколько красть многолюднѣе нынѣшняго. Всякій хозяинъ обще съ домочадцами своими имѣетъ по одной зимней и лѣтней юртѣ. *Зимнія хижинны* вырываются подобно четверугольнику въ землѣ, глубиною отъ 3 до 5 фушовъ, обносятся палисадами и имѣюшь плоскія стропилы, покрываемыя хворостомъ, сѣномъ и землею. Входомъ служить отверстіе, сквозь кошорое по подрубленному спущенчашо бревну въ низъ опускаются и въ верхъ вылѣзають, и кошорое такъ, какъ и другое насупротивъ сего отверстіе для выхода дыму и проходу воздуха, служить и вмѣсто окна. *Лѣтнія хижинны* (Пемъ) сбъ нѣсколькихъ углахъ или круглы, и подобно нашимъ голубяшнямъ стоятъ на нѣсколькихъ столбахъ, вышиною отъ земли сажени на двѣ. Столбы нѣсколько одинъ къ другому понаклонились, по чему хижина подобна видомъ кеглю. Стѣны и пошолокъ деревянныя; кроють же длинною правою. Поелику хижинны не велики, шо стоятъ по нѣсколько рядомъ и соединены между собою доскою, служащею въ мѣсто перехода. Вътрѣ по большой части шагають ихъ не мало. Подъ шаковыми же хижинами, кошорыя по причинѣ шонкой земли нужны, привязываются сабаки.

(*) *Heracleum Sibiricum*. L.

Хозяйство у нихъ чрезвычайно бѣдное. Въ зимнихъ хижинахъ отдѣлены спальныя мѣста жердями. Въ мѣсто постели служилъ сдѣланная изъ шравы рогажа. *Лодки* ихъ (Коачшаша) и ладьи (Байдара) устроены изъ дерева и рыбьей кости. *Собаки санки* такъ, какъ у Ошяковъ и Тунгузъ, узки, длинны, легки съ подобнымъ ящику коробомъ. *Лыжи* ихъ такія же, какъ и другихъ Сѣверныхъ обывателей. *Мѣшки* дѣлаюшъ изъ кишокъ большихъ морскихъ звѣрей; а *сосуды* изъ дерева и бересты. Въ старыя времена почтили они себѣ шопоры и ножи изъ камней, въ мѣсто иголокъ употребляли рыбныя кости, и такъ далѣе. Нынѣ же имѣюшъ порядочныя кошлы, шопоры, ножи, иные лакированные Японскіе либо и крушцовые сосуды, булавки и сему подобное.

Стрѣльба, да *логреба* ведутся у нихъ больше по старинному обыкновенію. Они по примѣру Тунгузъ и другихъ язычниковъ, *ѣдятъ* всякихъ звѣрей, птицъ и рыбъ: однакожъ не только ящерицъ и проч. но такъ же собакъ и мышей ѣсть не любяшъ. Мершвые киты, шюлени и другіе морскіе звѣри кажутся имъ опмѣнно вкусны. Дикое коренье и всякіе плоды употребляютъ такъ, какъ и нѣкоторыя шравы не только лѣтомъ, но и зимою въ пищу. Рыбу, мясо и коренье сушатъ на солнцѣ въ прокъ на зиму. Шюлику у нихъ нѣшъ скотоводства, шо они не шолько, какъ скотоводствующіе народы, имѣюшъ и поводу ѣсть падальщину. Приготовленіе пищи странное и мерзкое. Весною ѣдятъ внутреннюю березовую и ивовую кору, кошорую изрубивши мѣшаютъ съ икрою. Калъ ихъ походишъ въ сіе время на гушу кожевеннаго квасу. *Солсга* варится изъ дикихъ плодовъ, коренья и сладкой шравы, вмѣстѣ съ саломъ или жиромъ. *Сокала* есть не иное что, какъ сушенныя на солнцѣ рыбы спинки, кошорыя не варя ѣдятъ. *Икру* сушатъ на солнцѣ же въ прокъ. *Сулрикали* называютъ они крѣпко копченныя и почти прожаренныя, а *Турготали* такія рыбы, кошорыя въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ перегнили такъ, что ихъ отшуда черпаюшъ. Они воняюшъ чрезвычайно, но при всемъ шомъ Камчадальскому вкусу не прошивны. *Солс* мало у нихъ употребляется, а хлѣбъ и во все имъ не знакомъ.

Обыкновенное ихъ *литге* чистая вода, весною березовый сокъ, а лучшее уваръ изъ полущечной шравы или луговаго чаю, мяса и рыбьей шелухи. Для *цлоснѣя*, кошорое мужчины крайне любяшъ, женщины же напрошивъ того жалуюшъ презвыя увеселенія и иногда не упиваюшся, употребляли прежде одни шолько *мучоморы*, о

кошорыхъ упомянуто такъ же при описаніи Ошяковъ и Юкатирь, и кошорыя пьюшь Камчадалы съ уваромъ изъ лисшочковъ упомянушаго луговаго чаю. Нынѣ же курящъ на шакой концѣ *табакъ* и доснающъ отъ Козаковъ выдуманное ими вино изъ сладкой травы и раздавленныхъ плодовъ куренное.

Старинное *одѣяніе* обоимъ половъ во многомъ снмѣнно отъ нынѣшняго, по шому что они къ собственной своей одежѣ присовокупили много чужаго. *Камчадалъ одѣтый по лародегелъски* ходищъ въ хижинѣ, (а прежде ходили они такъ же лѣномъ: на звѣриной рыбной промыселъ) препоясавшись кожаными изрядно вышитыми поясомъ, безъ штановъ; въ переди виситъ сумка, а назади кожаной запонъ, по голому шѣлу; и слѣдовательно онъ почти нагой. Нынѣ же носятъ они подъ поясомъ рубахи. *Штаковъ* надѣвають пшерь по двое, которыя шьются по косши и завязываются подъ колѣнками; нижнія или такъ сказать портки дѣлаются изъ выдѣланной кожи, а верхнія, кои доснающъ да самыхъ пшѣ, изъ мягкой рухляди, которую волосомъ пускающъ къ верху. Ноги обвертывали они прежде шравою, или носили и сапоги на голой ногѣ; нынѣ же есть у нѣкоторыхъ и чулки. *Обувь* дѣлающъ изъ шюленныхъ либо и оленьихъ кожъ, пуская шерстью на ружу, или изъ рыбныхъ шкуръ; праздничную же изъ разныхъ кожаныхъ доскупковъ и крашеной гладкой кожи составляютъ и красиво спрочашъ: та и другая привязывается около ладыжекъ. *Верхнее одѣяніе* состоитъ въ двоякихъ шубахъ, которыя они прежде носили на голомъ шѣлѣ, нынѣ же надѣвають подъ нихъ рубахи изъ холста, кишайки, камки или шелковой маперіи: всѣ сіи шовары покупающъ у Россіянь. *У нижнихъ шубъ*, которыя они почти одни шолько надѣвають, и кои называются у нихъ *ларками*, есть въ верху шакой шочно, какой бываетъ у рубахъ, воротъ, сквозь которой едва проходитъ голова. Рукава и полы по колѣна. Шубы сіи дѣлаются изъ оленьихъ или шюленыхъ кожъ, выкрашенныхъ съ нушренной или законной стороны ольховою корою въ шемной цвѣтѣ; въ подолѣ разпщрены по Тунгузскому обыкновенію красивымъ шипьемъ и обложены не шолько бахрамою, но и долгими волосатыми пучками. Они носятъ ихъ на обѣ стороны, однакожъ больше волосомъ къ шѣлу. *Верхняя шуба* (Кукланка) подобна такъ же рубахъ, шолько разпашная въ верху и въ низу; дѣлаешся же изъ оленьихъ, а больше изъ собачьихъ кожъ. Она полнѣе нижней шубы или *Ларки*, и доснаешъ до самыхъ ладыжекъ. Около ворошника видна косъ

Камшадаль въ зимнемъ платьѣ.
 Ein Kamtschadal im Winter-Kleide.
 Un Kamtschadale en habit d'hiver.

Камчадалка въ простомъ платьѣ.
 Eine Kamtschadalische Frau in gewöhnlicher Kleidung.
 Une Kamtschadale en habit ordinaire.

малая собачья шерсть, и шакъ же, какъ въ подолъ и около рукавовъ, широкой опороченной или вичурами разпестренной, всегда бахрамою обширой рубецъ, да сверхъ того во многихъ мѣстахъ прикрѣпленные волосяные пучки, дабы шѣмъ спрѣннѣ казалась шуба ихъ взору. Назади виситъ теплая сумка, для надѣванія, по примѣру Ошяковъ, на голову. Въпереди же держишься лоскушъ собачьей кожи, кошорымъ покрывающъ ночью лицо. Все вообще кожаное: обращаютъ шерстью на ружу. Голову покрывали въ прежнїя времена зимою *шалкою* изъ пшичьихъ перьевъ или и изъ мягкой рухляди, либо ремнемъ, отъ котораго висѣли въ низъ лоскушья какого нибудь мѣху; а лѣшомъ *заслоного шаллою* изъ дерева, коры или перьевъ, по примѣру Американцовъ на находящейся отъ Камчатки къ Востоку машерой землѣ. Нынѣ же носятъ многіе Рускія шапки.

Женщины ходятъ въ штанахъ; (а нынѣ сверхъ того въ рубахахъ и чулкахъ) въ башмакахъ, сапогахъ, паркахъ и Кукланкахъ, подобныхъ мужескимъ. У *Кукланокъ* ихъ виситъ назади хвостъ. Они обыкновенно опорачиваютъ ихъ дорогою мягкою рухлядью и разпещряютъ красивыми вичурами; носятъ же на обѣ стороны. Рукавицъ и ночью не скидываютъ. *Дѣвки* заплетали прежде волосы, по примѣру Татарокъ, въ нѣсколько маленькихъ косъ, кошорыя кругомъ запыла висѣли; нынѣ же расчесавши волосы, заплетаютъ на запыла въ одну косу, кошорую украшаютъ лентами, корольками и прочимъ, и носятъ головную повязку. *Бабы* заплетали такъ же волосы въ нѣсколько косъ, кошорыхъ концы сводили вмѣстѣ въ одну главную косу; и увеличивали сію накладными волосами. Нынѣ же повязываютъ голову платкомъ, или надѣваютъ Рускіе кокошники. Около шеи носили въ старыя времена ремень съ разными бракушками, а нынѣ съ пронизками.

Теперь многіе, когда захосятъ пощеголять; наряжаются совсемъ по Руси, мужчины въ двѣшныя суконныя кафшаны, кои нерѣдко бывающъ и съ пуговками, въ сапоги и проч; бабы же въ шелковые рубахи съ манжетами, въ сарафаны, шуфли, шелковые плашки, и проч. Такой нарядъ сподобъ мужу и сто семь въ Камчаткѣ около 100 соблей или лисецъ. Въ старину никогда они не умывались; нынѣ же многія женщины уже бѣлятся гнилымъ деревомъ и пережженою слюдою, и румянятся особою морскою шравою и жиромъ.

Мужчины препровождаютъ большую часть времени въ безпечной и похотливой праздности. Въ прочемъ же *упражняются* въ звѣриной и рыбной ловлѣ, да сверхъ того въ домашнихъ подѣлкахъ. *Звѣриный промыселъ*, который надѣлялъ ихъ соболями, лисицами и всякою дичью, становится ошъ часу хуже; одному человѣку надобно прилежно попрудиться, чтобы промыслить въ зиму лисицъ до десяти и шакъ далѣе. Въ *рыбной ловлѣ*, при которой употребляютъ свои суденышки, неводы изъ кропивной пряжи и шрезахубчатныя вилы, подобныя Тунгузскимъ, весьма они проворны, и умѣютъ пользоваться ходомъ рыбы. Они спроятъ свои суденышки и хижины, дѣлаютъ сани и щепаную домашнюю посуду, рубятъ дрова, обдѣлываютъ луки и стрѣлы и вооружаютъ сія послѣднія желѣзцами ошъ разбирыхъ чугунныхъ кошловъ, кошорыя разковываютъ безъ помощи огня, рѣжутъ шраву на рогожи, и варятъ во преки обыкновенію другихъ народовъ, ѣсшвы. Другъ другу посѣбляютъ и ссужаются чѣмъ могутъ, не изъ прибыли, но по пріязни. *Корякамъ промѣниваютъ* соболей, лисицъ, бѣлыя собачьи шкуры и сушеные *мухоморы* для упиванья, на олени и другія кожи. Многіе нанимаются служить Россійскимъ купцамъ и козакамъ въ морскихъ путешешствіяхъ къ островамъ, и какъ судовщики или корабельные служители, звѣриные промышленники и шолмачи, становяшся имъ весьма полезны.

Женщины выдѣлываютъ кожи, прядутъ кропивныя нитки, плешутъ рогожи и кузовы, сушатъ рыбу, дѣлаютъ рыбій клей, собираютъ коренье, ягоды и шравы, а особливо Сибирской борщъ, и проч. *Кожы выдѣлываютъ* на чисто по большой части выскабливая мездру, намазывая саломъ и икрою, и выжимая руками. Оленюю же замшу выдѣлываютъ въ ольховомъ щелоку и квасу. Они весьма искусны въ *шитвѣ* к спроченьѣ плашья звѣриными жилами или нитками; при чѣмъ употребляли сперва костяныя шилья, по шомъ Японскія, нынѣ же Россійскія иглы. *Кропивная пряжа* употребляется только на неводы и канаты. *Клей рыбій* доспаютъ съ киповыхъ и другихъ рыбихъ шкуръ. Когда имѣетъ кшо оленей, шо смотрѣніе за ними, шакъ какъ и кормленіе собакъ, препоручается женамъ же.

При всемъ ихъ подражаніи Россіянамъ, ведутся еще у нихъ многія и ошъ части *странныя* обыкновенія, изъ коихъ нѣкоторыя относятся къ сосшоянію суровой ихъ шраны. Они и шенерь еще охопише вышираютъ огонь изъ дерева, нежели высъкаютъ посред-

*Камчадалка въ хорошемъ платьѣ.
Eine Kamtschadalische Frau zierlich gekleidet.
Une Kamtschadale en habit de fête.*

Камчадалка въ великолѣпнѣмъ уборѣ. *Eine Kamtschadalin im größten Schmuck.*
Une Kamtschadale dans sa plus grande parure.

ствомъ булаша, кремня и шрушу. Чшо касается до способа ихъ выпирашь огонь изъ дерева, то оный состоишь въ томъ, чшо вертяшь они палочку промежъ ладоней въ небольшой дырочкѣ какого нибудь дерева до тѣхъ поръ, пока не загорится, и употребляютъ при томъ избытую праву въ мѣсто шрушу. По елику *собаки* единственная ихъ дворная скошина; то они почищаются у нихъ за велико и содержатся въ значномъ количествѣ. Они кормятъ ихъ рыбьими костями, и ошашками какъ ошъ рыбъ, шакъ и ошъ дичи. Собаки ихъ велики, сильны и весьма на волковъ похожи. Кромѣ гоньбы, употребляютъ ихъ зимою и въ упряжку. Одна собака везетъ на себѣ около двухъ пудъ груза. Въ сани впрягаютъ они обыкновенно ошъ чешырехъ до осьми собакъ попарно; гдѣ нѣтъ шропы, шамъ долженъ извощикъ итши въ передѣ на лыжахъ. При подъемѣ на гору надобно ему и безъ шого итши пѣшкомъ; а подѣ гору бѣгутъ собаки и сами шакъ скоро, чшо едва можно усидѣть. Они переѣзжаютъ на шаковыхъ своихъ бѣгунахъ безъ остановки часовъ въ пшнадцать больше 100 верствъ. Камчадалы *снятъ* на шравяныхъ рогожахъ и шубахъ нагѣ, и прикрываются одеждою. Во всемъ своемъ *поведеніи* крайне они неопытны, и по елику лѣнны и безпечны, шо часто шерпятъ великую нужду. Они не чистятъ и шой посуды, изъ котрой ѣли собаки. По большой части заводны они изрядно и вшами, которыхъ по Тунгуски глошатъ. Почши всѣ запусаютъ ногши, и нечиспотою какъ будшо облѣплены. Прежде, нежели начали они покупать у Россіянъ кошлы и чугуныя горшки, не умѣли они иначе *варить* себѣ *лищу*, какъ шокмо опуская каленыя камни въ ушатъ наполненной рыбою или мясомъ. *Женщины* *вмѣняютъ* себѣ, кромѣ бѣлилъ и румянъ, *въ красоту* еще и шо, когда облѣпятъ лицо верхнею кожецею медвежьихъ кишокъ. Они иногда и занавѣшиваются, или по крайней мѣрѣ ошворачиваютъ рожу ошъ незнакомыхъ мужчинъ. Въ прежнія времена *ѣли* шогда, когда было вдумается, а нынѣ наблюдаютъ обѣдъ и ужинъ; всякую ѣству ѣдятъ холодную и шѣмъ предохраняютъ зубы свои ошъ поврежденія. Всякъ беретъ часть свою на дощечкѣ передѣ себя и управляетъ оную въ ротъ рукою. Они *лрожорливы*, да и *лютъ* много. Всякъ ставитъ возлѣ нощлега своего сосудъ съ водою, котрой по шру всегда бываетъ пустъ. Сколь ни бѣдны, однакожъ *гостямъ ради*: но при томъ поступають шстранно. Хозяинъ крѣпко напашливаетъ зимнюю свою хижину и потчуетъ гостя худою своею ѣствою. Чемъ больше онъ блюдетъ, шѣмъ при-

Часть III.

И

лежи́те онъ ему покладываетъ. По помъ всемъ, что бы у него ни имѣлось, послушается гостю. Но и то надобно сказать, что безъ нужды никто въ гости къ нимъ не заглядываетъ; при помъ же ходящъ съ гостинцами, и шомъ, кто сего дня хозяинъ, будетъ скоро и самъ въ гости. У народа не купечествующаго и обмѣномъ поваръ въ не промышляющаго обыкновеніе сіе полезно. Понеже *убіеніе медвѣдя* почитается мужесшвеннымъ и славнымъ дѣломъ, то потчуетъ герой гостей своихъ полосами изъ медвѣжьяго жиру вырѣзанными, отъ коихъ гости одинъ за другимъ кусаютъ по кусочку, и такъ далѣе.

Въ обхожденіи стараются мужескій полъ понравиться женскому пламенною любовію, услужливостію и покорностію. Мужчины обходящя между собою холодно, безъ поклоновъ, здоровканья, подаванья рукъ, цѣлованья и безъ всякихъ другихъ вѣжливостей. Въ ссорѣ называютъ другъ друга собакою (Коста), сорвавшимся съ висѣлицы (Кодамвичъ), бѣсомъ (Кана), прелюбодѣемъ (Кайкчичъ); а особливо попрекаютъ другъ друга несшесшвеннымъ угожденіемъ похоти.

Забава ихъ состоятъ въ ѣдѣ, пивѣ, играни на дудкахъ изъ правыхъ сволоковъ, пляскѣ и сказкахъ. *Пѣніе* есть женская забава. Голосъ у нихъ изрядный и поютъ обыкновенныя, а иногда и шакія пѣсни, какія взредутъ имъ на умъ. *Пляска* весьма сходна съ Ошякскою, и не меньше смѣхотворна. Нѣкоторые переняли оную у Курильцовъ. Въ иныхъ пляскахъ пляшутъ оба пола вмѣстѣ и при помъ поютъ. *Разказы* же ихъ суть повѣствованія о бытійхъ или сказки о божкахъ, богатыряхъ, звѣриныхъ промышленникахъ и предкахъ.

Женишбы производятъ безъ всякихъ торжественныхъ или законныхъ обрядовъ. Женишба называется у нихъ поимкою невѣсты. Всякому невозбранно брать столькожъ женъ, сколько хочетъ; но какъ мужья у бабъ въ порабощеніи, то рѣдко кто посягаетъ больше нежели на одну жену. Любовникъ оказывается въ хижинѣ невѣстинныхъ родителей весьма услужливымъ: но услуги его, когда онъ не полюбитъ, не принимаются. По помъ унаравливаетъ онъ случай поимать невѣсту, то есть положить ошейной свой уборъ въ ея шпаны; при чемъ получаетъ отъ защищающихъ ее бабъ добрыя шолчки. Съ сего самаго времени начинаютъ они безъ всякой свадьбы жить вмѣстѣ, и остаются въ хижинѣ невѣстинныхъ родителей. Такое качество молодыхъ женщинъ, по какому Камыч-

ки у Киргизцовъ предпочитающся, сполько же не нравишся Камчадаламъ, какъ, по Уллоеву повѣствованію, Бразильцамъ и другимъ Американцамъ, да и самимъ Оракіянамъ, какъ пишеть Иродотъ. И по тому дѣвки обходяшся съ Рускими людьми безъ всякой укоризны шакъ ласково, что въ прежнія времена бывало у иного Козака и по цѣлой серали. Для вдовы до тѣхъ поръ не сыскивается новый мужъ, пока она чрезъ соишіе съ мужчиною не очисшишся отъ грѣха; и какъ при томъ Камчадалы бояшся, чшобы чрезъ шо не умереть подобно первому мужу, шо Козаки обыкновенно очищающъ шакowychъ вдовъ отъ мниаго грѣха. Женашые мужчины и замужня бабы живутъ правда весьма неиспово: однакожъ при всемъ томъ шерзающся ревнивостію, убивающъ или отпраляющъ другъ друга, и шакъ далѣе. Разумнѣйшіе промѣнивающъ своихъ женъ, когда они поспоронимъ дружкамъ милѣе, нежели имъ. По елику они въ ушеленіи походи подобны скопу; шо кромъ родителей и дѣшей, ни какихъ родшвенниковъ не щадяшъ.

Многія женщины ненавидяшъ беременность: но иныя и дѣшей желаютъ нешерпѣливо, и въ шакоемъ намѣреніи прибѣгающъ къ суетвѣрымъ средсшвамъ, глошающъ паушину или заспаляющъ волшебницъ дѣлашъ свои хитросши и колдовства; сіе производшъ торжешшвенно и какъ будшо замѣняетъ свадьбу. Въ прочемъ Камчадалки нарочшо плодородны и родяшъ дѣшей до десяти; да припомъ и роды имъ легкія. *Илена* дающъ дѣшямъ прихожіе приятелш. Употребишельныя же названія сущъ: *Коско*, *Пакагуръ*, *Алсана* и проч. Къ дѣшямъ оказывающъ безумную любовь и во всемъ пошачку: по чему они родителей своихъ не шолько не почишашъ, но и сурово съ ними пошпунаютъ.

Они по большой части здоровы и бодры: но многіе изувѣчивающъ себя, когда сорвушся съ горы, опрокинушся съ собачьими саниями, и отъ многихъ другихъ нещасшныхъ приключеній. *Болѣзни* имъ крайне противны, и по шому за больными худо смопряшъ. Обыкновенныя же ихъ болѣзни сущъ: цынга, отъ кошорой ѣдяшъ свѣжія ягоды и сырыя рыбы, кровавыя вереды, Французская немочь, кошорая была у нихъ еще до прибышя Рускихъ людей, параличь, ракъ, желчь, и гноеніе глазъ отъ смопрѣнія на снѣжную бѣлизну. Въ прежнія времена *привали* они дѣшямъ *ослу* шакимъ образомъ, что дѣлали имъ на лицъ царашину обмоченною въ оспенной гной рыбьею костью. Но какъ у нихъ долго не бывало оспы, шо перевелось и сіе обыкновеніе. Въ 1768 году занесена она къ

нимъ паки давно уже выздоровѣвшимъ отъ сей болѣзни Козакомъ: и тогда примерло отъ оной почти двѣ шреши всѣхъ вообще Камчадалъ.

Когда бывало *умретъ* кто въ хижинѣ, то покидали оную, боясь, что судія преисподней прійдетъ въ оную, и кого ни увидитъ, всѣмъ тѣмъ надобно умереть. По причинѣ же трудности, сооробитъ новую хижину, безъ шопоровъ и прочаго, выносили они больныхъ на дворъ. Нынѣ обыкновеніе сіе не столь уже общее: однакожь они не охотно живутъ въ такой хижинѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Въ прежнія времена сѣдаемы были умершіе въ юрты собаками; но теперь сіе рѣже случается, по тому, что почти всѣхъ покойниковъ загребаютъ въ землю, а дѣшей кладутъ въ дуплистыя деревья. Могильники пролѣзаютъ дважды, дабы запрепятствовашь смерти въ ея преслѣдованіи, сквозь выплешенной кругъ, и взявъ двѣ пшицы, какія бы ни были, одну сожигаютъ, а другую ѣдятъ. По томъ поминая покойника сѣдаютъ одну рыбу, а перышки сожигаютъ.

Древній и собственннй ихъ законъ *Шаманскій*, а идолослуженіе ихъ подобно наибольше Якушскому. Высочайшаго Бога называютъ они *Дутлетголь* или и *Куткою*, сашану *Канною*, идоловъ, которые стоятъ въ хижинахъ супротивъ отъушинъ и не иное что сушь, какъ деревянные куклы, Нузаучами и *Камулами*, а волшебниковъ *Туйлагасами*.

По причинѣ небольшого къ собственной своей не правой вѣрѣ уваженія, а къ высочайшему Существоу почтенія, такъ какъ и по склонности къ подражанію, мало по малу большая ихъ половина обращена къ Христіанскому закону. Но они столь же легкомысленные Христіане, каковы были и язычники, не любятъ и не бояшя Бога, шутятъ провидѣніемъ или вышнимъ промысломъ и въ желаніяхъ своихъ нарочито зашѣйны. Царствія же небснаго, какъ шакого обиталища, кое не обѣщаетъ удовольствовенія ни одному ихъ желанію, не сшавятъ они и подавну ни во что.

*Шаманъ Камчатской.
Ein Schamann in Kamtschatka.
Dèvin de Kamtchatka.*

КОРЯКИ.

Коряки называются и сами симъ именемъ. Таковое ихъ названіе происходитъ конечно отъ слова *Кора*, которое на ихъ языкѣ значить оленя. Они *живутъ* и кочуютъ около склонившейся наибольше на Сѣверъ части *Пеншинскаго* морскаго залива, да и въ самой Сѣвернѣйшей Камчаткѣ, до самаго Анадыра, на Западѣ отъ Оломоны рѣки, вышедшей изъ Колымы, до Восточнаго моря, обще и въ смежности съ Камчадалами, Тунгузами, Ламушами и Чукчами, въ крайне суровыхъ, болошнихъ, гористыхъ, отъ части и безлѣсныхъ пустыняхъ.

Бывшія съ сими дикими людьми до Россійскаго завоеванія *произшествія* остаются въ совершенномъ невѣденіи, по елику у нихъ нѣтъ ни грамати, ниже инаго какого ученія. Самое по обстоятельство, что они въ бывшихъ съ Южными ихъ сосѣдями перемѣнахъ не имѣли участія, а еще больше великое ихъ сходство со многими Островскими Восточнаго моря жителями и ближайшими Американцами и по ту сторону пролива морскаго, подаетъ поводъ думать, что они такъ, какъ и Чукчи и по таковымъ же причинамъ владѣютъ искони своими берегами. Спастся можетъ, что всѣ сіи народы суть больше ни что, какъ Американскіе поселыя, либо что они при прорывѣ моря и при произхожденіи острововъ отъ оныхъ отдѣлены: но для точнѣйшаго подтвержденія сей догадки требуются бышійственныя извѣстія и обстоятельнѣйшія свѣденія о народахъ по ту сторону морскаго пролива, каковыхъ однакожь по сіе время имѣемъ мы еще мало, да и надѣяемся скорѣ на полученіе оныхъ дальней надежды не имѣемъ.

Корякскій языкъ имѣетъ съ языкомъ *Чуктъ* и нѣкоторыхъ островскихъ жителей столь много общаго, но при томъ такъ же отчужденнаго и собственнаго столько, что съ равною справедливостію можно его почитать и нарѣченіемъ онаго, и со всемъ особымъ языкомъ. Слова протяжны, но выговариваются коротко, и произношеніе оныхъ слуху противно. *Время* раздѣляютъ только по годовымъ перемѣнамъ, не уважая при томъ лунныхъ печеній.

Росту они *малаго*; голова и глаза у нихъ небольшія, лицо круглое и сухощавое, носъ короткой, а ротъ большой. Волосы какъ на головѣ, такъ и на бородѣ черны, и при томъ на сей послѣдней жидки; брови навислыя. *Умъ* у нихъ коснительной и шу-

ной: въ прошчемъ же гордятся своею землею и устройствомъ, смѣлы и доверчивы и мещинельны. Въ дѣлахъ они рачительны, искренны, дружны и начальникамъ вѣрны.

До покоренія ихъ Россіи не знавали они, что то есть *верховный нагаликъ* или Государь; одно только богатство служило основаніемъ преимуществу. Нынѣ же есть у нихъ шакія, какъ и у другихъ Сибирскихъ народовъ *цзрежденія* и *распоряженія*; платяшъ *лодушной окладъ* мягкою рухлядью, и шакъ далѣе. Однакожъ они не столько, какъ описанные по сіе время народы, подчинены власнямъ, и сіе справедливо наибольше въ разсужденіи кочующихъ Коряковъ: по чему они не шочно переписываются и въ подушной окладъ вносятся. Сколько же видно по шакowymъ переписямъ, то они числомъ душъ равняются съ Камчадалами.

Они *раздѣляются*, примѣняясь къ шому, какъ живутъ, на *усадебныхъ* и на *кочевыхъ*. Тѣ и другіе числомъ между собою почти равны, говоряшъ разными нарѣчїями, и поступаютъ одни съ другими рѣдко по брашки, а иногда и прямо по непрїишельски.

Усадебные, кошорые кочевыхъ далеко превозходяшъ кротостію нравовъ, владѣютъ склонившимися больше на Югъ мѣстами своей области около Пеншинскаго залива, а отъ части и въ самой Камчаткѣ. *Ажичы* ихъ совершенно подобны Камчадальскимъ, всѣ же прочіе ихъ распорядки по большей части шакіе же, какъ и у Камчадалъ. *Одѣяніе* ихъ малымъ чемъ опмѣнно отъ настоящаго Камчадальскаго. Но *женщины Корякскія* вышивають у себя на лицѣ по примѣру Тунгузковъ линии и фигуры. *Пища* и пригощевленіе оной шакое же, какъ и у Камчадалъ, и при томъ ни мало не чище.

Главное ихъ *цзреждение* состоитъ въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ, и какъ шомъ, шакъ и другой промыслѣ, а особливо первой, производяшъ съ большимъ раченіемъ, нежели Камчадалы, да и ѣшвы варяшъ не мужчины, какъ то дѣлають Камчадалы, но бабы. Ошальную добрую *мягкую рухлядь* промѣниваютъ они кочевымъ Корякамъ на оленьи кожи, изъ коихъ шють одѣяніе. Каждая семья имѣетъ обыкновенно по нѣскольку, однакожъ не больше *оленей*, какъ сколько надобно имъ для пушшесствій. *Женскій полъ* шьетъ одѣяніе, выдѣлываетъ кожи, варитъ и сушишъ съѣшное, и шакъ далѣе, по Камчадальскому обыкновенію.

Въ обхожденіи они угрюмы, однакожъ дружны, всякаго охотно принимають и угождаютъ наилучшимъ, что въ домѣ случитсѣя, но ни кого, по примѣру Камчадалъ, не принуждаютъ къ неумѣренно-

Коракъ.
Ein Koräke.
Korik.

Корякъ въ уборнакъ платьѣ.
Ein Koräk im Staats Kleide.
Un Korek en habit de fête.

яу себя опягощенію. Въ *хижичахъ* ихъ чрезвычайно жарко, и по шому бабы ходящъ въ нихъ нагишомъ. Зимою ѣздящъ по примѣру Лопарей и другихъ народовъ въ небольшихъ санкахъ, въ кои запрягаютъ оленей. Поводъ прикрѣпленъ къ гребню, который жметъ оленю шею, когда за оной посянутъ. Часно впрягаютъ они рядомъ и по два оленя, и могутъ шкгда переѣзжать въ день верстъ по полтора сна. Лѣтомъ путешествуящъ пѣше, по шому что нѣшъ у нихъобыкновенія ѣздящъ верхомъ на оленяхъ.

Кочевые Коряки спрансвуютъ въ лежащихъ наближе къ Сѣверу своихъ мѣсахъ около *Анадыра*, смежно съ *Туктали* и другими народами; но не рѣдко простираютъ кочевья свои и до самой Камчатки. Правы у нихъ суровые и дикіе: и по шому не удобно ихъ содержать въ послушаніи. И самое подозрѣніе ихъ бываетъ опасно.

Юрты ихъ составлены изъ гнурыхъ жердей или колышковъ, подобно Барабинскимъ, шолько поменьше, и покрываются оленьими кожами. По срединѣ утверждены чешыре небольшіе шолба, къ коимъ привязываютъ собакъ, а сіи нерѣдко опоражниваютъ и всящій по срединѣ надъ огневищемъ копелъ. *Одѣжаніе* носятъ такое же, какъ и усадебные Коряки или Камчадалы; разиость же состоитъ шолько въ томъ, что сіи бреюшъ голову и вышеревливаютъ бороду почти до гола.

Главное ихъ упражненіе есть *содержаніе оленей*, да сверхъ того звѣриный промыселъ. Въ произвожденіи рыбной ловаи не очень они проворны. У нихъ по большой части бываетъ оленей по 50 и по 100 а у иныхъ по одной и по нѣскольку тысячь, съ коими кочуютъ они, не разбирая приволья въ разсужденіи лѣсу или воды, въ болошнихъ или мшистыхъ мѣсахъ и горахъ безпрестанно. Оленицъ они не доятъ, и по шому ни шворогъ, ни сыръ имъ незнакомъ. И самый богатый человекъ рѣдко когда убиваетъ зловороваго оленя, но довольствуется больше падавшиною или изувѣченными оленями, по чему спада у нихъ становящся весьма велики: но и на содержаніе хозяевъ надобно не малое число оленей. Бѣдные служатъ у богатыхъ, и пускаютъ въ ихъ спада для паствы небольшое число своего собшвеннаго скоша. Рсякій звѣрь, какого кто ни промыслитъ, почитается безъ нѣтяія изрядною *ѣствою*. Сверхъ того собираютъ бабы дикое коренье и плоды; и все сіе сѣдаютъ они тогда же, когда промыслящъ, не сохраняя въ прокъ.

Кочевые Коряки гораздо суровѣе, жесточе, воинственнѣе и опаснѣе нежели усадьбные. Часто ходящѣ они на разбой и для другихъ шалостей къ смиреннѣйшей своей брашнѣ или и къ сосѣдямъ. Передъ шаковыми предпріятіями придающѣ они себѣ обыкновенно смѣлость и безчувственность мухоморами. *Оружіе*, какое употребляютъ на звѣриномъ промыслѣ и на войнѣ, состоитъ въ лукѣ, стрѣлахъ, копьяхъ, дубинахъ, а воинственное ихъ искусство въ нападеніяхъ. Воровашъ, грабашъ и убивашъ почитается у нихъ тогда только порокомъ, когда производится въ помѣ же самомъ родѣ или семействѣ, гдѣ такой злодѣй живетъ, а не въ другомъ какомъ поколенѣ или не у чужаго какого человѣка. Самымъ большимъ удовольствіемъ считаютъ они переходить отъ одного мѣста къ другому, и осматривашъ оленные свои стада, когорыя, когда размножатся, раздѣляютъ. Они часто, да и по большей части, столь велики, что и считать не можно: однакожь хозяинъ шотъ часъ примѣшитъ, когда какого оленя недостаетъ.

Коряки вообще имѣютъ по *нѣсколку*, а иные отъ шрехъ до четырехъ *женъ*, когорыхъ не покупаютъ, но такъ же, какъ и Камчадалы, выслуживающѣ либо похищаютъ. Богатые, не уважая кровнаго родства, остаются при богатыхъ, а бѣдные при бѣдныхъ. Усадьбные держатъ своихъ женъ въ хижинѣ, а кочевые раздѣляютъ ихъ по разнымъ стадамъ для смотрѣнія за оными. *Кочевые* крайне мучатъ женъ своихъ *ревнивостію*. Иная жена и умираетъ отъ свирѣпости напрасно ревнующаго мужа; то же самое происходитъ и съ побочными дружками. И по тому спараются бабы казаться прямо мерзкими, не чешутъ головы и не умываются, ходятъ кругомъ выпачкавшись и оборвавшись, и проч: ибо мужья почитаютъ на вѣрно, что они наряжаются только для любовниковъ. *Усадьбныя ошибаются*, напротивъ того, *грезъ челоуѣрно великую лоноровку*. Они считаютъ себѣ то за удовольствіе, когда жены ихъ нравятся другимъ, и когда посторонніе люди къ нимъ ласкаются: по чему и должны они наряжаться какъ можно по лучше. Они отдающѣ чужимъ людямъ женъ своихъ и дочерей въ наложницы, и почитаютъ принятіе оныхъ знакомъ сущаго дружества; оприданіе же отъ шаковаго доброхотнаго даянія вмѣняютъ себѣ въ огорченіе. Сіе обыкновеніе, свойственное имъ обще съ нѣнѣкогорыми Южными Американцами, и о когоромъ упоминаетъ такъ же какъ *Варухъ*, такъ и Иродотъ въ разсужденіи древнихъ

*Koräka.
Eine Koräkin.
Une Koräkienne.*

Вавилонянь , непріятно у Коряковъ для гостя по тому , что долженъ онъ полоскать ротъ мочою , кошерую наложница въ виду его выпускаетъ въ чашку и подноситъ ему для шаковаго полосканья.

Дѣтлѣмъ дають *илена* спарухи. Они не пеленаются и въ колыбеляхъ не бывають; сосутъ же грудь обыкновенно до шретьяго году. Кочевые Коряки дарятъ дѣшей скопомъ: по чему они съ малыхъ лѣтъ учаща порядочно со скопомъ водиться. Роженица первые десять дней послѣ родовъ ни кому не кажется.

За *болныли* смѣрятъ они прилѣжно , и спараются пособишь имъ своимъ волшебствомъ.

Кочевые Коряки *сожигаютъ* всѣхъ , усадебные же большую половину *локойниковъ*. Они дѣлають костры , къ коимъ отвозятъ умершихъ на саняхъ , запряженныхъ оленями , и сожигаютъ ихъ ша въ наилучшемъ одѣяніи совокупно съ оружіемъ и домашнимъ скарбомъ. Запряженныхъ въ такіе подъ покойника сани оленей убиваютъ , ѣдятъ ихъ мясо , а остатки бросаютъ въ огонь. На поминкахъ убиваютъ также оленей.

Коряки содержатъ *языгеской законъ по Шаманскому* полкованію , и въ обрядахъ своихъ сходствуютъ больше съ Камчадалами.

Ч У К Ч И.

Чукчи, которые столь же обыкновенно, да при томъ и сами, называются *Чукотскими людьми*, въ видѣ, жишїи, нравахъ и языкѣ такъ подобны *Корякамъ*, что должно ихъ почитать единоплеменнымъ съ ними колѣномъ. Они *владѣютъ* Сѣверовосточнымъ угломъ Сибири къ Ледовитому и Восточному морю, начиная отъ Колымѣ и Анадыра; и сія занимаемая ими страна называется *Чуцкиль* или *Шелацкиль носолъ*. *Земля ихъ* по положенію своему и качеству холодна, болотна, камениста, безлѣсна, неплодородна и крайне сурова и дика. Лѣто тамъ короткое, но дни долгіе; зима продолжительная и ночи долгія; и она для Европейцевъ съ машерой земли непроходима и къ жишью не способна.

Они на равнѣ съ страной своею крайне *дики, суровы, необузданны* и *жестокае всѣхъ Сибирскихъ народовъ*; у нихъ нѣтъ ни грамоты, ни ученія, и по тому они еще и по сіе время совершенно не покорены, и подушной окладъ платяшъ только отъ части. По сей же самой причинѣ остающа въ великомъ сомнѣніи какъ бывшія съ ними происшествія, такъ прямая ихъ сила и внутреннее устройство. Они нѣсколько кратъ побѣждаемы были Россійскимъ оружіемъ, но паки сопрясаи съ себя власть и ошнудъ не хотяшъ терпѣшъ принужденія. По вѣроятности счицакшъ ихъ до 3500 ратныхъ людей. По всѣмъ симъ обстоятельствомъ и описаніе оныхъ, по елику оно долженствуетъ содержать въ себѣ шокмо то, что заподлинно уже извѣстно, не можешъ быть полное и совершенное.

Они *раздѣляются* на два главныя колѣна, а именно на *Чуцкое* и *Шелагенское*, къ коимъ принадлежатъ также многіе островскіе жители Сѣверныхъ и Восточныхъ ихъ береговъ, кои дѣйствительнo *Чукчи* же, но не причислены къ вышепоказаннымъ.

Росту они *малаго* и тонки; лицо у нихъ нѣсколько плоское, и чрезвычайно походитъ на Корякское. Но они гораздо дичае, суровѣе, гордѣе, необузданиѣе, смѣлѣе, воровашѣе, лукавѣе и мстительнѣе кочевыхъ Коряковъ: словомъ сказать, они съ природы шолко же злые и опасные люди, колико Тунгузы добры. Двадцать Чукчей прогоняшъ вѣрно пятьдесятъ человекъ Коряковъ, и они бы ихъ всѣхъ перевели, если бы Россійскіе остроги ихъ не обуздывали. Самые ближніе къ нимъ остроги всегда въ опасности, и по причинѣ дороговизны съѣстныхъ припасовъ стояшъ прави-

Чукотская баба въ обыкновеннаѣ одеждѣ.
 Eine Tschuktschin angekleidet.
 Femme Tchouktchiëne en son habit ordinaire.

шельству такъ дорого, что недавно разсудило оно за благо оставить въ запусѣннѣ Анадырской оспрогъ, наидревнѣйшее Россійское въ шамошнемъ мѣстѣ поселеніе, изъ коего и Камчатка завоевана.

Въ поколѣннѣхъ наблюдають они между собою союзъ по *родамъ*: но выборныхъ начальниковъ не имѣють, а послѣдують со всякою необузданностію знатнѣйшимъ богачамъ и удальцамъ, пока намѣренія и дѣла оныхъ сходствують съ собственными ихъ зашѣями.

Большая половина сего народа живеть во *всегдашнихъ* зимнихъ хижинахъ или землянкахъ, подобно Камчадаламъ. Въ лѣтнее, а иногда и въ зимнее время, откочевывають они отъ оныхъ для пашвы оленей, также для звѣринаго промыслу, рыбной ловли и разбоевъ: при чемъ дѣлають себѣ повсюду маленькія хижины, подобныя Камчадалькимъ лѣтнимъ юршамъ. Иные не имѣють ни какихъ другихъ, кромѣ шаковыхъ легкихъ хижинъ, а иные живуть такъ же въ горныхъ пещерахъ, которыя занавѣшиваютъ съ приходу звѣринными кожами.

Одѣжаніе ихъ и пища, такъ какъ и приуготовленіе оной совокупно съ домашнимъ скарбомъ, подобны насшозшему Камчадальскому и Корякскому; шокмо еще дичае и суровѣе. Они вышивають у себя также, по примѣру Тунгузъ, на лицѣ и на рукахъ линіи и фигуры.

Посуды они не имѣють ни желѣзной, ниже другой какой крушцовой, но довольствуются, какъ спаринные люди, каменными ножами, костяными шильями, деревянными и кожаными сосулами, и такъ далѣе. *Оружіе* ихъ состоить въ лукахъ, стрѣлахъ, копьяхъ съ костяными наконечниками, и пращахъ. *Байдары* ихъ, въ коихъ ѣздять они по морю и къ оспровамъ, составлены изъ кишовыхъ ребръ и обшянушы шюленьими кожами такъ, что могутъ они въ оныхъ зашягиваться по примѣру Гренландцовъ, Екимоксовъ, и нѣкоторыхъ другихъ Американцевъ. Байдары сіи бывають длиною до двухъ сажень, узки и плоскодонны.

Мяса и рыбы *ѣдятъ* не сырыя, но обыкновенно копченныя. Дикіе плоды и коренья ѣдятъ всегда сырыя. Олениць не доятъ, и по шому у нихъ, какъ и у Коряковъ, нѣтъ ни шворогу, ни сыру. Наибольше же питаются они всякою дичью и шщицами, околѣбymi оленями, (ибо здоровыхъ, сколько бы оныхъ у нихъ ни было, убивать не любяшь морскими звѣрями, выброшенными на берегъ кишями и раковинами. Вседневное ихъ *литге воды*. Когда вздумають

подлитъ, шо варятъ въ оной *мухоморы*; и по елику они растушъ у нихъ столь же мало, какъ и у Коряковъ, шо вымѣниваютъ ихъ у Камчадалъ на оленьи кожи.

Главный ихъ промыселъ состоитъ въ содержаніи оленей, да при томъ въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. *Олени* составляютъ ихъ богатство; у иного есть ихъ до 10000, а у нѣкопрыхъ и больше; по чему они по большой части усадебныхъ Коряковъ и Камчадалъ одѣваютъ ихъ кожами, а на промѣнѣ получаютъ наилучшую мягкую рухлядь, или чшо имъ полюбишя. Однакожъ у многихъ и вовсе нѣтъ оленей. Такіе живутъ совокупно и питаются отъ звѣринаго промысла, рыбной ловли, также кишями, моржами и другими морскими звѣрями. Козаки называютъ шаковыхъ бѣдныхъ *Сукотскими лѣшими*. Женщины ихъ упражняются въ шомъ же, въ чемъ и Корячки.

Во нравахъ и обыкновѣніяхъ сходствуютъ отъ части съ островскими жишелями, кои будутъ описаны послѣ. *Жишны дѣлаютъ* они пространныя, и по большой части живутъ вмѣстѣ нѣсколько семей, коихъ мѣста отдѣлены жердями. Съ общаго огнища поднимается дымъ въ верхъ сквозь потолокъ: но жишны ихъ крайне дымны и такъ жарки, что бабы и въ самыхъ холодныхъ ихъ мѣстахъ сидятъ совсемъ нагя. Каждое отдѣленіе жишны имѣетъ свой собственной рыбимъ жиромъ налишой свѣшильникъ съ сдѣланною изъ моху свѣшильнею. *Ноглеги* ихъ возвышены, на подобіе скамьи или палашей, и уславы кожами. Во время перекочовки ѣдутъ какъ и Коряки на саняхъ, запряженныхъ оленями. Къ служѣ привычны они такъ, что ежели не въ зимнихъ жишнахъ находятся, шо довольствуются по большой части теплошою свѣшильниковъ, рыбимъ жиромъ наливаемыхъ. У нихъ такъ же, какъ и у Коряковъ, не смѣетъ ни кто *кратъ* или убивашъ въ своемъ родѣ; въ же онаго производишъ шо и другое не шокмо не возбранно, но еще и честно. За шакую дѣвку, копорая не оказала еще проворства своего въ воровствѣ, ни кто и не свапается; ограбленіе сосѣдей служитъ производителю онаго въ превеликую славу. При *заклинаніяхъ* и кляшвенныхъ обязашельствахъ берутъ они Солнце въ поруки. Побѣдишелямъ даютъ въ залогъ своей покорности своихъ священнослужителей. При всей своей дикости великіе они хлѣбосолы. Гостей своихъ хощя и не обременяютъ ѣспвами, однакожъ убиваютъ оленя, чего для себя собственнo никогда не дѣлаютъ; или извиняются по крайней мѣрѣ, что на шомъ случай,

Чукотская баба кожѣ выдѣлывающая.
 Eine Tschuktächin das Leder zubereitend.
 Femme Tschouktchienne façonnant des peaux.

какъ гости пожаловали, олень ни одинъ не палъ, или не разперзанъ медвѣдемъ и проч. При шомъ такъ же, какъ и Коряки, даюшъ гостямъ наилучшихъ своихъ красавицъ въ наложницы, копорыя подносяшъ имъ, какъ и Корячки, для пишья свою мочу.

Въ разсужденіи *сватовства, воспитанія дѣтей, цѣселеній и лохоронъ* производитъ у нихъ то же самое, что и у Коряковъ. Они содержатъ такъ же *Шаманской законъ* безъ порядочныхъ понятій о богахъ, добродѣтеляхъ, порокахъ, будущемъ и проч. къ жизни не прилѣпляющя, не перенося житейскихъ горестей крайне склонны къ самоубійству; а сіе самое и преодоленію оныхъ не малымъ служишъ препяшшвѣемъ.

КУРИЛЬЦЫ.

Острова, лежащіе отъ Южнаго мыса полуострова *Камчатки* до самой *Алоніи*, простирающіяся рядомъ съ Сѣверосѣверовостока на Югоюгозападъ и, какъ кажется, воспріяли начало свое отъ Камчатскаго хребта горъ, коего долины покрыты моремъ, и по тому между собою раздѣлены. Всѣ они вообще гористы, и на нѣкоторыхъ есть шакъ же, какъ и въ Камчаткѣ, огнедышущія горы и горячіе ключи; на иныхъ есть и лѣса, а иные совсемъ безлѣсны; воздухъ же на всѣхъ умѣренной. Острова сіи называются вообще *Курильскими*; но ни количество оныхъ, ни названія ниже обширность и качества, точно еще не извѣстны. Двадцать съ небольшимъ острововъ имѣютъ названія какъ на примѣрѣ: *Сумчу*, лежащій отъ Камчатки только въ 15 верстахъ, длиною въ 50, шириною въ 30 верствъ; *Поромузу*, ближайшій къ Сумчу, обширностію вѣвое; *Уіоко* еще пространнѣйшій; *Матмай*, лежащій отъ Японіи только въ 30 верстахъ, и еще больше приближенный по Таскому проходу къ Западной Кітайской маперой землѣ, при томъ по Японіи наивеличайшій; и многіе другіе. Большіе острова всѣ населены; нѣкоторые же изъ малыхъ совсемъ пусты. По положенію своему и качеству весьма они между собою различны. Въ лѣсахъ ближайшихъ къ Сѣверу острововъ растутъ липовица и дубъ, въ склонившихся на Югъ натуральныхъ проруби, виноградныя лозы и шакъ далѣе на нѣкоторыхъ водятся медвѣди, лисицы, песцы, дикіе бараны и другіе звѣри. На берегахъ всѣхъ сихъ острововъ вообще появляются морскіе бобры, моржи, тюлени, киты и другіе морскіе звѣри.

Жители сихъ острововъ не на всѣхъ называютъ себя одинакимъ именемъ, и при томъ нарочито между собою разнятся нѣкоторые какъ въ видѣ, шакъ и языкѣ. Больше называются они *Кушанми*, отъ чего можетъ быть произошло и названіе *Курильцы*; ближайшіе же къ Югу островскіе жители называются обыкновенно *Киккурильцами*. Нѣкоторые островяне походяшъ языкомъ, видомъ и нравами на Японцевъ, иные же на Камчадалъ; но есть и шакіе острова, коихъ жители произошли отъ обоихъ сихъ коренныхъ народовъ. Сѣвернѣйшіе острова повинуются Россійской, а Южнѣйшіе Японской власти; многіе независимы, да и подвластные отъ части токмо наблюдающъ долгъ подданныхъ. Они не всегда даютъ аманатовъ или заложниковъ; равно и подають платяшъ не

всякой годъ, да и не за одинакое число душъ: по чему и не можно знашь сущаго ихъ количества. Въ 1766 году записано въ подушной окладъ изъ всѣхъ Россіи подашь плавающихъ островскихъ жителей только 262 души.

Настоящіе *Курильцы*, которые сходны нѣсколько съ Японцами, *росту малаго*, лицомъ круглы и нѣсколько плоски, однакожъ не дурны; волосы у нихъ черные, бороды большія, и шѣло нарочито обросло волосами. Въ поведеніи своемъ человекѣлюбивы, честны, поспоянны, вѣжливы и привѣшливы, но въ нещастіяхъ малодушны и къ самоубійству склонны. *Языкѣ* ихъ, которыми говоряшь просяжно, слуху прияшенъ.

Мужины удражняются въ ловлѣ морскихъ звѣрей, пшицъ, китовъ и проч. также въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. *Лодки* строяшь изъ дерева своихъ лѣсовъ, или и изъ выбрасываемаго моремъ на берегъ, и гребуть однимъ весломъ, которое съ обѣихъ сторонъ имѣетъ по одной лапѣ. *Женщины стараются* о пригошвленіи пици, одѣянія и проч. а на Сѣверныхъ островахъ прядуть такъ же кропиву и шкушь. Южные островскіе жители, которые превосходятъ Сѣверныхъ разумомъ и лучшими нравами, производяшь въ Японию небольшіе шорги китовымъ жиромъ, мягкою рухляцью, орлиными перьями для оперенія спрѣль, и другими шоварами; получающъ же въ оборотъ Японскую крушцовую и лакированную посуду, кошлы, сабли, разныя матеріи, наряды, щепельные товары и шабакъ.

Живутъ они въ землянкахъ, обшитыхъ въ нупри песомъ и подобныхъ Камчадалскимъ: но оныя поопряшнѣе и украшены отъ части Японскимъ домашнимъ скарбомъ. *Бягъ* же морскихъ звѣрей, всякую дичь, пшицъ, рыбъ, дикія коренья и плоды, отъ части и морской капуста; а на южнѣйшихъ островахъ и Японскія сахарныя закуски, и проч.

Одѣяніе сѣверныхъ островскихъ жителей нарочито походитъ съ ви-у на Тунгузское, и дѣлается изъ лебязьихъ, гагарьихъ и другихъ водяныхъ пшицъ шкуръ, также изъ тюленьихъ и иныхъ морскихъ и дикихъ звѣрей кожъ. Волосы подрѣзываютъ до самаго зашылка. Шапы ихъ сплешены изъ камышу. Южнѣйшіе острова не почишаютъ большія бороды, волосъ на головѣ не подрѣзываютъ, а губы чернятъ до половины. Одѣяніе ихъ по Китайскому вкусу долгое, и дѣлается изъ подбрюшинъ водяныхъ пшицъ, также изъ мягкой рухляци, кишайки или и изъ шелковыхъ матерій; подпоясываются же Японскими саблями. *Женское одѣяніе* подобно

мужскому. Женщины подрѣзываютъ волосы только на лбу, дабы свободнѣе было смотрѣть, и чернятъ губы всплошь. Оба пола вышивають по Тунгузскому обыкновенію на лицѣ и на рукахъ у себя фигуры. Они столько любятъ чужіе образцы въ разсужденіи нарядовъ, что иногда и странно одѣваются. Употребляемые ими Японскіе наряды стоятъ имъ наилучшихъ морскихъ бобровъ и лисицъ. По елику они любятъ пестроту и при томъ не бережны, по чему платье скоро марается; но ни когда не видно, чтобы они къ сшати или по крайней мѣрѣ чисто были одѣшы.

Успарѣлымъ людямъ оказываютъ преимущественное почтеніе, всякаго человека почитають, и обходясь особливо со своими приятно. Гостей другихъ острововъ принимають, наряжась и вооружившись, дружески, здоровкаются преклоненіемъ колѣнъ и обниманьемъ, и при томъ цѣлуются; у иныхъ же и слезы съ глазъ капаются. Старшій изъ гостей повѣствуетъ въ рѣчи бывшія какъ съ самимъ имъ, такъ и съ родственниками его происшествія; что все слушають стоя. Хозяинъ рассказываетъ и съ своей стороны то же, и по томъ увѣряють себя взаимно о дружественномъ соучастствованіи. Въ угощеніяхъ, одѣянїяхъ, и жилищахъ ихъ мало видно чистоты. Для забавы они поють, пляшутъ и говорятъ бѣль. Когда говорятъ, то наблюдаютъ при томъ кротость, вѣжливость, скромность и правду. По елику они сами не лгутъ и не обманываютъ, то не хоятъ шептѣть, чтобы и ихъ проводили.

Женитбы ихъ нарочито походятъ на Камчалальскія. Съ невѣстами сживаются они шайно, и по томъ ихъ увозятъ. Рогатой мужъ вызываетъ своего помощника на поединокъ, котораго долженъ съ нимъ или перевѣдаться или побиться; въ послѣднемъ случаѣ дають они попеременно другъ другу по три удара. Роды тамошнимъ *женалъ*, какъ слышно, тяжелы. *Дѣтлѣ* дають имена повивальныя бабки безъ всякихъ обрядовъ. *Похойниковъ* своихъ хоронятъ; сѣверные же островскіе жители зарываютъ ихъ зимою только въ снѣгъ.

Закоу содержатъ *лытеской* по *Шаманскому толкованію*. *Идолы* своихъ (Югутъ) дѣлають изъ соспавленныхъ красиво щенокъ, и ставятъ ихъ въ хижинахъ.

ВОСТОЧНЫЕ ОСТРОВСКИЕ ЖИТЕЛИ.

Морской проливъ между матерюю землею Азіи на Сибирскомъ берегу, и Америкою, такъ какъ и находящееся отъ Камчатки въ Юговоспочнои сшоронѣ море, преисполнены островами разной величины. Ближайшіе изъ сихъ острововъ со времени воспріянія Россіею въ свое владѣніе отдаленнѣйшей Восточной Сибири не неизвѣстны; но обрѣшеніе большаго ихъ количества началось во время Государя Имперашора *Петра Великаго*. Первое на то посшупленіе возпослѣдовало чрезъ славную *Камчатскую морскую* экспедицію; по томъ развѣзжали по сему морю отважные купцы, козаки и промысленики, и умножали открытія съ году на годъ: однакожъ не прежде, какъ съ 1760 году начали подробиѣе и поимянно освѣдомляться о сихъ островахъ. Въ послѣдніе 20 лѣтъ на основаніи благошвореній, какія въ нынѣшнее славное царшвораніе **ЕКАТЕРИНЫ II** оказаны въ таковомъ намѣреніи шорговымъ людямъ и мореходцамъ, сдѣлано гораздо больше новыхъ открытій, нежели во всѣхъ прежніа времена а особливо съ 1780 года по мореходной экспедиціи Капшмана Биллинга.

При всемъ томъ можно думать съ вѣроятностію, что въ водахъ сихъ есть не меньше и неизвѣстныхъ еще по нынѣ острововъ; о найденныхъ же, по елику они, выключая нѣкоторыя шокмо осшошренныя во время помянушой морской экспедиціи, не виданы никогда испышашелями природы, извѣстіа наши весьма недостаточны. Нечистоша моря, суровое состояніе острововъ, шрудность въ доставаніи нужныхъ съвѣстныхъ припасовъ, звѣроловный и шорговый промыселъ нашихъ мореходцовъ и многія другія обстоятельство долго еще и въ будущія времена будутъ прошивуполагать шрудненія Астрономическимъ опредѣленіямъ ихъ положенія, шакже натуральной исторіи и точнѣйшему познанію тамошнихъ жителей. Однакожъ я во удовольствіе читашелей сообщу здѣсь въ такомъ же порядкѣ, какой наблюдалъ я по сіе время при описаніи другихъ народовъ, наивѣрнѣйшіа и главнѣйшіа обстоятельства, почерпнушыя мною изъ полученныхъ по сіе время отъ части другими людями, а отъ части и самимъ мною заняшыхъ отъ мореходцовъ извѣстшй: при чемъ однакожъ и отъ краткости не отшуплю.

Часть III.

К

Изъ сихъ острововъ ближайшіе къ Сѣверу, которые г. *дѣйстви-
тельный Статскій Совѣтникъ Штелинъ*, въ крашкѣмъ извѣстїи
объ оныхъ, называетъ вообще *Сѣвернымъ Архилелагомъ*, по при-
чинѣ суровости своей и положенія меньше всѣхъ извѣстны въ раз-
сужденїи обширности ихъ и состоянїя. Нѣкоторыя изъ нихъ шакъ
близки къ Сѣверовосточному углу Сибири, что *Тукги* могутъ шу-
да ѣздить на малыхъ своихъ ладьяхъ. Южнѣйшіе къ Камчаткѣ, на
широтѣ отъ 56 до 61 степени, посѣщаемы бывающъ отъ части
нашими промышленниками: по чему и имѣемъ мы извѣстїя о ихъ
состоянїи и жителяхъ.

Нѣкоторое количество сихъ острововъ простирается съ Запа-
доюгозапада на Востокосѣверовостокъ рядомъ отъ Камчатки къ
матерой землѣ *Америки*. Острова сіи называются вообще *Лисьи*,
по тому, что много на нихъ водятся черныхъ и красныхъ лисицъ.
Особенно же досвойны примѣчанїя острова: *Беринговъ* или шакъ
называемый *Коммандерскій*, лежащій въ 250 верстахъ отъ устья
рѣки Камчатки на Востокъ длиною верстъ на 80; *Мѣдный островъ*,
къ берегамъ котораго прибываетъ изъ моря мѣдныя частицы; *Ум-
накъ*, обширностію верстъ на 250; *Уналашка*, еще пространнѣе,
со многими другими не много меньшими, и великимъ числомъ ма-
лыхъ. Изъ значнѣйшихъ острововъ *Кадьякъ* близокъ къ матерой
землѣ *Америки*.

Другой рядъ острововъ простирается съ Сѣверосѣверовостока
на Югоюгозападъ, и какъ будто пересѣкаетъ крестообразно Лисїе
острова. Сихъ острововъ не много, и при томъ они не велики, но
изрядно населены и подобны Лисїимъ. Они называются *Алеутски-
ми островами*: но запросто разумѣются подъ симъ названїемъ иног-
да и всѣ шѣ острова, къ коимъ суда наши приспашутъ. Значнѣй-
шіе называются: *Аттакъ*, *Селиги* и *Шелія*.

Нѣкоторое число ближнихъ острововъ, простирающихся отъ
Алеутскихъ въ Сѣверовосточную сторону, называются *Адренов-
скими*. Нѣкоторыя изъ нихъ и значны, какъ н. п. *Аякъ*, *Тагалокъ*
и другїе: но по положенїю своему много имѣютъ общаго съ Сѣвер-
ными островами. О многихъ же далѣе къ Сѣверу и къ Югу раз-
сѣянно лежащихъ островахъ, на коихъ по большой части никшо
еще не бывалъ, и которые частїю и обширны, умалчиваю.

Всѣ въ разсужденїи *внѣшняго состоянїя* между собою подобны.
Они каменисты, гористы, болошны, и крайне суровы; есть на нихъ
шакъ же и огнедышущія горы. Въ отношенїи же къ *произведенїямъ*

ихъ весьма они между собою разнятся по опмѣнности ихъ положенія. На Сѣвернѣйшихъ есть лѣса и въ нихъ водятся звѣри; Южнѣйшіе же безлѣсны и имѣютъ степныхъ звѣрей, какъ то лисицъ и другихъ. Около береговъ всѣхъ сихъ острововъ показывающся, однакожъ не у всѣхъ въ равномъ множествѣ, морскіе бобры, сивучи, морскіе кошы, тюлени и другіе морскіе звѣри. На берегѣ выбрасываетъ море Американской лѣсѣ, морской капустникъ, раковины, и сему подобное.

Нѣкоторыя острова, изъ коихъ иные и немалы, совсемъ ненаселены, или имѣютъ временныхъ только жителей; иные также худо, а другіе нарочито изрядно заселены. Но ни на которомъ еще нѣтъ по нынѣ Россійскаго селенія. Есть острова обширностію въ 50 и больше верстъ: но на нихъ живутъ только семьи двѣ, чешыре, либо и шесть; и сіе самое обстоятельство весьма полезно для промысла морскихъ звѣрей, по тому, что ни кто ихъ не пугаетъ и они спокойно выходятъ на берегъ. На другихъ равной величины островахъ живетъ семей по сѣу и больше. Поголовное счисленіе народа у сихъ людей не въ обыкновеніи; они сами себя не считающъ, да и Козакамъ дѣлать того не дозволяютъ, которые не только управиться съ ними не въ состояніи, но ищутъ еще и сами дружества таковыхъ островскихъ жителей для собственной своей безопасности, для удобности въ звѣриномъ промыслѣ, и для большей выгоды въ производимыхъ ими вымѣнахъ товаровъ. Нарочито великое число Козаковъ погибло уже въ разныя времена отъ свирѣпости или и отъ одного только подозрѣнія сихъ островскихъ жителей. Въ 1766 году записано ихъ въ полушной окладъ только 367 человекъ; хотя въ прочемъ легко можно изчислить, что и на нѣсколькихъ шокмо ближнихъ островахъ было тогда больше 1000 взрослыхъ мужчинъ.

Острова, посѣщаемыя нашими кораблями, кои ежегодно по два, а иногда и по три, но въ случаѣ великихъ затрудненій прошивоборствующихъ таковому снаряду, и ни одинъ изъ Охотка не отправляется, даютъ больше добровольно нѣкоторую *лодоть*, а именно по черной лисицѣ, или по морскому бобру, либо на столько же по цѣнѣ другой мяжкой рухляди, съ души, и берутъ при отдачѣ свидѣтельства въ полученіи. Но на иные острова можно шокмо ѣздить года черезъ три, черезъ чешыре, либо и черезъ пять лѣтъ; и тогда даютъ они правда наддачу, однакожъ не большую. Подать ихъ походить больше на даръ, приносимый ими въ знакъ

преданности своей, нежели на сущую дань. Самую главную выгодою можно почестъ обогащеніе Россійскихъ подданныхъ, которые крайне скоро разживаются, если шокмо посланные къ шаковымъ ошровамъ суда совершатъ пушь свой благополучно. Самое большое количество ошрововъ по нынѣ еще въ совершенной пребываешъ независимости и пользуется естественною вольностію. Но они черезъ звѣриной промыселъ и промѣнные торги могутъ быть шолько же полезны, какъ и покоренные.

Между разумными ошровскими жителями ешь конечно въ разсужденіи породы, вида, душевныхъ качествъ, нравовъ, языка и проч. не меньше опмѣны, какъ и между народами, обитающими на машерой Сибирской землѣ: но полученные по нынѣ извѣстія шоль недоспашочны, что не можно по нимъ положить разности на основаніи сихъ и другихъ признаковъ и между извѣстными ошровами, ниже раздѣлишь ихъ по единоплеменнымъ колѣнамъ и однихъ отъ другихъ опличить. Жители Алеутскихъ, Лисьихъ и Андреновскихъ ошрововъ, видомъ, житіемъ и прочимъ такъ между собою сходны, и при томъ какъ Корякамъ, такъ и Сѣвернымъ Американцамъ, шoliko подобны, что предки ихъ, какъ кажешя, были единоплеменцы шѣхъ и другихъ. Да и въ языкѣ ихъ шоль мало разности, что приученый къ полмаченію Алеутскій мальчикъ можетъ исправлять сіе на многихъ отъчаспи и опдаленныхъ ошровахъ. Напрошивъ шого на другихъ, иногда и не очень дальнихъ ошровахъ, видно въ языкѣ, нравахъ и въ видѣ жителей гораздо больше опмѣннаго. Они сами дають себѣ разныя имена, кошорья бывають совокупно и названіями ихъ ошрововъ. Жители ошрова *Кадьяна* называются *Канагистами*; и сіе наименованіе сходствуетъ нѣсколько съ названіемъ Гренландцовъ и Екимоксовъ въ Лабрадорѣ, кои именуются *Каралитами*.

Острова же сіи по большой части *малорослы*, костью крѣпки, однакожъ тонки; лицо у нихъ нарочито плоское, кожа бѣлая, волосъ черной и прямой, борода жидкая, глаза, уши, носъ и ротъ обыкновенной величины, да и вообще они спашны, крѣпки, и совершенно сообразны своему климату и суровости обитаемыхъ ими ошрововъ. Они *одарены изряднымъ* природнымъ *разумомъ*, но оный нѣсколько коснишеленъ. Оказываютъ же они его природными понятіями о правдѣ и кривдѣ, удовлетвореніемъ своихъ нуждъ и при многихъ недостаткахъ своихъ ошрововъ, понятностью дѣшей въ изученіи чужихъ языковъ, и многими другими обстоятельствомъ,

довольно явственна. Они чрезвычайно скромны и безпристрастны: но ежели тихоснь ихъ нарушился подозрѣніемъ, обидами или инымъ чемъ, то бывающъ необузданны, дики. мстящъ наижесточайшимъ образомъ, не уважая ни оскорбленія, ни удовлетворенія, и прекращающъ часно жизнь свою и по причинѣ небольшихъ мученій, либо опасаясь какого ни есть несчастія, самоубійствомъ, при комъ бывающъ столько же безчувственны, какъ и Восточные Сибирскіе народы. Они правда дерзки, однакожъ не вѣроломны, не воровашы, и не любящъ ни грабежей не убійствъ. Хотя они и погубляющъ шакого иносстранца, кошорой приневоливашъ женъ ихъ къ прелюбодѣянню: однако спокойному чужому же человѣку вручающъ ихъ напротивъ того избъ одной учтивосши. Къ нимъ можно вкрадывашся вѣ любовь шакъ, что ошкроющъ совершенно и умыслы своей брашши.

Сіи суровые, и необузданные простаки, живутъ между собою вѣ совершенномъ равенствѣ, безъ предводителей и начальниковъ, безъ законовъ и наказаній, безъ уваженія прошедшаго и будущаго. Хищрой и удалой человѣкъ руководснвуешъ однакожъ нерѣдко цѣлыми аршелями, а особливо когда доидетъ дѣло до удовлетворенія или мщенія. При томъ и старѣйшина вѣ малой или большой хижинѣ, хотя и не видитъ къ себѣ почшенія, однакожъ и другимъ не уступаешъ. Вожда шакъ, какъ и родоначалика, называютъ они *Тоюноли* и *Туйгучоли*. Между собою хранящъ они союзъ по семействамъ и по родамъ, и шоящъ за себя какъ при защищеніяхъ, шакъ и вѣ случаѣ нападеній. Жители одного острова почитающъ себя всегда единокровными и думаящъ, что островъ общее рода ихъ имѣніе. Небольшія аршели чужихъ людей принимаютъ хорошо; многлюднымъ же шолнамъ сопронивляющъ, пока или ихъ не ишпрѣбашъ или сами не погибнушъ. Всякъ пользуется свободно шѣмъ, вѣ чемъ имѣетъ нужду; равно почитаешъ себя и хозяиномъ всего, что бы то ни было; а опъ сего производящъ споры, хотя они вѣ прочемъ и миролюбивы.

У нихъ нѣтъ ни какого ученія, ни грамати, ни заручительныхъ знаковъ, ни лѣпосчисленія, ни свѣденія о прежнихъ ихъ бышійяхъ; словомъ сказашъ, они не знаютъ ни чего другаго, кромѣ шого, что до житія ихъ касается. Они считающъ, какъ и мы, до десяти, и по томъ удвоивающъ. На Алеутскихъ островахъ считающъ шакъ: *Тагатакѣ*, одинъ; *алакѣ*, два; *каккучѣ*, три; *зети*, чешыре; *та*, пяшь; *ату*, шесть; *оулу*, семь; *калсе*; восемь; *шисетѣ*,

девять ; асокъ, десять ; и такъ далѣе. Солице называется *Агайя*, луна *Тугилагъ*, вода *Тана*, вѣтръ *Катикъ*, огонь *Кигенагъ*, чело-вѣкъ *Тайяха*, баба *Аягътъ*, дерево *Ага*, и проч.

Промыслы и дѣла свои производяшъ единственно во удовле-твореніе естественныхъ нуждъ для сохраненія жизни, безъ всякаго при томъ помышленія о удобности, чести, богатствѣ, буду-щемъ и проч. по чему они и не ошстаютъ отъ оныхъ ни по ка-кимъ обстоятельствамъ. По елику одни острова не имѣютъ съ другими сообщенія, то жишели каждого живушъ про себя ; а отъ сего производяшъ различіе въ житіи и въ разныхъ изобрѣшеніяхъ къ облегченію ихъ нуждъ, или въ заимствованіе пользы отъ того, что уже есть, и въ приведеніи онаго еще въ лучшее состояніе. У нихъ *нѣтъ* ни какого *скота*, ниже собакъ : по чему и спрѣляютъ козачьихъ собакъ такъ, какъ и другую дичь. Звѣриный промыселъ, также ловлю птицъ и рыбъ, производятъ только по нуждѣ, и во всемъ, не выключая ниже спроенія хижинъ и дѣланія домашнихъ надобностей, берутъ женъ на помощь. Дикихъ звѣрей убиваютъ спрѣлами или ловашъ. Рыбу запружаютъ въ ручьяхъ наноснымъ валежникомъ и ловашъ ее небольшими коробами или косяными вилами, либо и голыми руками ; употребляютъ такъ же и ко-сяныя уды на веревочкахъ изъ кочерыгъ морскаго капустника, кои бывають длиною сажень по осьмидесяти и вытягивающся. На морскихъ звѣрей нападаютъ обыкновенно, когда они спашъ, или убивають ихъ и спрѣлами въ водѣ, развѣзая на своихъ ладьяхъ. Женщины сушатъ мясо и рыбу, выдѣлываютъ пшичьи подбрю-шины по большой части черезъ выминанье, рыбы шкуры, мягкую рухлядь и кожи, подобныя замшѣ, шьюшъ одѣяніе, и проч. Въ выдѣлкѣ сей не столько они знающы, какъ всѣ почши Сиби-рячки; въ шитьѣ же и спроченьѣ вичуровъ весьма искусны. Еже-ли островъ избыточествуетъ какою нибудь надобностью, а дру-гою недоспачоченъ ; то островяне мѣняющся вещьми безъ даль-ныхъ рашеновъ. Иногда покушающся они выживать благополу-чѣйшихъ островянь; и дѣло сіе производятъ по большой части не иначе, какъ черезъ истребленіе оныхъ. Съ того времени, какъ спшали прѣзжающъ къ нимъ Рускіе люди, цѣна иныхъ вещей во всемъ у нихъ перемѣнилась. Сами носятъ они худшую мягкую рухлядь, лучшую же, а особливо морскихъ бобровъ и черныхъ лисицъ, про-мѣниваютъ на лоскушья машерій, также на нитки, иголки, и другія мѣлочи, а больше на бисеръ. Кто имѣетъ изрядную жи-

жину, много бабъ, хорошую лодку и пригожее по ихъ вкусу одѣяніе, пошъ считаешъ себя не меньше Князька.

Оружіе ихъ и домашній скарбъ со всемъ по мысли старинныхъ людей: сюда принадлежатъ лукъ, стрѣлы, дрошки, копыя, пращи, щипы и дубины, все безъ желѣза, коего не велѣно къ нимъ возить, дабы не сдѣлать чрезъ то сихъ людей опаснѣйшими: но они всѣ сіи орудія дѣлаютъ смертоносными посредствомъ заостренныхъ костей или камней. Изрядно опереные, фуша въ три длину, *дротики* могутъ они, какъ и Гренландцы, метать саженъ за тридцать. Когда попадаетъ имъ въ руки желѣзо, то покупаютъ холодное каменье и дѣлаютъ копейца, отъ которыхъ раны по причинѣ шероховатой и нечистой ошдѣлки, бывающъ крайне опасны. Байдары ихъ бывающъ длиной саженъ по шести, и могутъ поднимать инья человекъ до сорока; хотя въ прочемъ дѣлающа только изъ наноснаго дерева или изъ киповыхъ ребръ; работу производящъ заостренными каменьями съ великимъ трудомъ и не гладко; обшивающъ же моржовыми и шюленьими кожами. Обыкновенные Каноты или лодки располагаются только для одного или двухъ человекъ, и бывающъ въсомъ фунтовъ въ тридцать.

Жилища ихъ подобны Камчатскимъ, но по большей части обширнѣе. *Зимняя землянка* (Уллаа), которая походитъ также и на Гренландскую, гдѣ она называется *Иглолъ*, длиной бываетъ отъ 10 до 50 саженъ, шириною отъ 3 до 5 саженъ, а глубиною въ землю сажени на полторы; въ нуши раздѣлена жердями, въ верху решешчатая, и покрыта правою, сверхъ которой навалена земля. Решетки же таковыя дѣлаются изъ жердей, а сіи изъ наноснаго лѣсу. Въ такомъ пополокѣ для лазенья по лѣсницамъ, для проходу дыму, и для свѣту бываетъ отъ четырехъ до шести отверстій, а иногда и больше; въ нуши же по самой срединѣ видно одно либо и больше огнищъ промежъ столбовъ, которыя у всѣхъ въ употребленіи: однакожъ сколько можно въ меньшемъ количествѣ; по чему въ землянкахъ ихъ рѣдко водится огонь. *Нотлеги* покрыты правяными рогожами или и теплыми кожами. Для *освѣщенія* сей длинной могилы находяща у раздѣлишельныхъ столбовъ свѣшильники изъ выдолбленныхъ каменныхъ ошломковъ, въ коихъ огонь содержится рыбимъ жиромъ. Въ таковой хижинѣ живетъ малая или большая аршель, состоящая изъ родственныхъ семей, въ коихъ бываетъ вообще душъ 50, 100, 200, а иногда и 300. Она нарочито походитъ на преисподнюю; всего шутъ доволь-

но: шеплоша, дымъ, иногда несносный жаръ, пусклой отъ свѣ- шильника свѣшъ, нагя необузданныя человѣческія ошродія, гадина, пребѣдная и негодная пища, шумъ, несносныя мерзости, смрадъ несноснѣйшій еще шого, какой бываетъ отъ смолы и сѣры; вотъ все шо, что сыскашь шумъ можно. На нѣкоторыхъ островахъ ведущя отъ части по старинному обыкновенію, а отъ части и по причинѣ каменистой отъ земли обнаженной подошвы, малыя фуса въ шри глубиною *землячки* же, въ коихъ живущъ по одной шолько семьѣ. Большая половина ошпровянъ имѣшъ и *лѣтнія жилины* (Барабара), подобныя шакъ же Камчадалскимъ. Они огромнѣе, стояшъ поверхъ земли и преисполнены людей. Нѣкоторые ошпровскіе жишели укрѣпляютъ нѣсколько свои землянки наноснымъ лѣсомъ.

Домашній ихъ скарбъ соошвѣшшвуешъ жилищамъ. Оный сошпоишъ наипаче въ деревянныхъ корышакъ, дѣлаемыхъ изъ наноснаго или собшвеннаго лѣсу, въ раковинныхъ чашкахъ, въ выдолбленныхъ ошломкахъ камней, въ плешеныхъ кузовахъ, въ сосудахъ изъ коры и кожи, въ шравяныхъ рогожахъ, въ завострешныхъ камняхъ, кои служашъ имъ вмѣспо шопоровъ и ножей, въ костяной ремесленной снасти, а куда Рускіе люди приѣзжаютъ, шамъ водяшся у нихъ сверьхъ шого и котлы или чугуныя горшки. Легко можно разсудить, сколь великаго труда шакowymъ людямъ шпоишъ, ужижить шакое жилище, дѣлать домашнія подобности, лодки и проч. безъ долотъ, шопоровъ, ножей и сему подобнаго, одною каменною и костяною снастью: по чему они и живущъ въ вышеошсанной шѣсношѣ, а иногда и въ каменныхъ пещерахъ, которя ужиживающъ для жишья наноснымъ валежникомъ, кожами, рогожами и проч. и шумъ весь свой вѣкъ препроваждающъ.

Они не чающъ бышь усшроенными отъ природы шакъ чшобы надлежало имъ шшдышся: по чему не шолько дѣши, но и взрослые обоихъ половъ ходяшъ въ жаркихъ юртахъ, или когда одѣяніе мѣшаешъ имъ въ исправленіи своихъ дѣлъ, совсемъ нагяе. Многіе занавѣшивающъ срамной удѣ маленькимъ запономъ кожанымъ, или шубнымъ лоскутомъ, либо и лшшкомъ; мужчины же особливо носяшъ въ переди мошну, которой не ошсавляютъ пустой не шолько для прикрштя уда, сколько для шбереженія онаго. На многихъ, особливо Сѣверныхъ островахъ, выводяшъ оба пола, для мнимой прикрасы, на рукахъ и на лицѣ изображенія звѣрей, пшщъ, цвѣшовъ, либо и изъ своей головы вичуры, не нишками, какъ шо

Алутѣ.
Ein Alute.
Alütien.

дѣлаютъ Восточные Сибиряки, но кровавымъ накалываніемъ посредствомъ рыбьихъ костей; наколотыя же такимъ образомъ мѣста нашиваютъ черною или другою какою земляною краскою, и дѣлаютъ чрезъ по выводу свои незагладимыми. Въ *ушныхъ мочкахъ* дѣлаютъ иные по краямъ множество дырочекъ, въ которыя продѣваютъ пучки изъ мѣлкаго красиваго перья составленные, также корольки и другія мѣлочи: наибольше дѣлаютъ сіе женщины. Мужчинамъ кажется дурно, когда волосы скоро и густо растутъ: по чему и вышеревливаютъ у себя бороды иные и до чиста. Женщины обнажаютъ у себя отъ волосъ лобъ; а остальныя заплетаютъ на затылокъ въ одну косу. На нѣкоторыхъ островахъ очищаютъ мужчины отъ волосъ всю голову восприми каменьями, на другихъ же дѣлаютъ только лысину съ околышемъ, которой коротко подрѣзываютъ. Многіе совсемъ не умываются и по тому смуглы и дурны; иные же моются сперва своею мочою, а по томъ водою; и съ лица чисты, румяны, и здоровы кажутся. Наистраннѣйшимъ ихъ обыкновеніемъ можно безъ сомнѣнія почестъ то, что на всѣхъ почти островахъ многіе какъ мужчины, такъ и женщины въ ребячествѣ своемъ дѣлаютъ на нижней губѣ два глубокіе прорѣза, а въ носовомъ хрящѣ проверяютъ скважину. Въ губныя оныя прорѣзы вставляютъ они, когда вздумаютъ пощеголять, а сіе случается и часто, моржовые, до двухъ дюймовъ длиною, изогнутые и выглаженные зубы стоймя, такъ что держатся на челюсти, сквозь скважину же въ носовомъ хрящѣ продѣваютъ подобную перекладную небольшую пшичью кость, такъ что ноздри приподнимаютъ къ верху. Которые любятъ щеголять, шѣ дѣлаютъ по срединѣ нижней губы еще третій прорѣзъ, въ которой вставляютъ выкрашенную камышекъ.

Одѣжаніе ихъ теплое и щегольское состоитъ въ сорочкѣ (Парка) длиною по колѣна, подобной во всемъ Корякской. Мужскія Парки дѣлаются изъ подбрюшинъ гагаръ и разныхъ морскихъ пшичъ, а особливо изъ гагаръ; женскія же изъ морскихъ бобровъ, лисицъ и иной мягкой рухляди. Они всегда надѣваютъ ихъ на голое шѣло, и обращаютъ на ружу по пушистой, по гладкою стороною; а сію послѣднюю красятъ обыкновенно красною землею. Они носятъ въ дождливое время еще и другія сорочки (Камлаи), подолѣ первыхъ изъ сивучьихъ кишекъ или рыбьихъ шкурокъ сдѣланныя, и надѣваютъ ихъ сверхъ теплыхъ сорочекъ, а иногда и на голое шѣло. Халцевыя маперіи совсемъ имъ незнакомы, а штаны, рука-

Часть III.

Л

вицы и чулки не въ употребленіи: однакожъ нѣкоторыя запасаются на зиму кожаными шеплыми чулками. Ногамъ ихъ не бываетъ ни какого вреда отъ того, что ходятъ по снѣгу босикомъ. Лѣшомъ или ни чемъ головы не покрываютъ, или носятъ лѣшнія шляпы изъ дерева вырѣзанныя, кои походятъ съ виду на ушиной носъ, и которыхъ узкій или передній конецъ выдался надъ лбомъ въ передъ фуша на полшора, какъ навѣсная крышка. Они красятъ таковыя шляпы земляными красками своихъ острововъ, и огораживаютъ ихъ по краямъ перьями, а въ верху и около расщавливаютъ пучки, сдѣланные изъ крѣпкихъ, длиною въ пядень и больше, сивучьихъ и морскихъ кошовъ усоевъ, да сверхъ того украшаютъ пригожими пронизками и перяными пучками: по чему они на Римскіе шишаки не меньше походятъ, какъ и на лѣшнія шляпы, а особливо, когда они переднюю часть носа больше приподнимаютъ въ верхъ. Надъ самую же головою они помы; и на шаковомъ верхнемъ краю укрѣпляютъ они по большой части маленькаго, длиною въ дюймъ, идола костянаго, въ человѣческомъ подобіи сѣдящаго, и при томъ красивѣе вырѣзаннаго, нежели бы можно было ожидать отъ людей не имѣющихъ ни ножей, ниже иныхъ какихъ для шакой работы надобныхъ орудій. Мужчины носятъ также и кегелю подобныя кожаныя шапки, вышиною съ лишкомъ на пядень, которыхъ края и два супротивныя шва вичурами, а сіи и ошорочки ихъ волосяною бахрамою шириною въ ладонь, вершина же снурками и прицепленными къ нимъ улишками, украшены. На нѣкоторыхъ островахъ носятъ шапки и поплосчаѣ, нарочито похожія на наши скороходскія. Верхній шовъ у сихъ шапокъ выкладываютъ они такъ же долгою волосяною бахрамою; края же и бока украшаютъ вичурами и перьями. Женщины шьютъ себѣ лѣшнія шапки изъ кожи, рыбьихъ шкурокъ или изъ разпорохныхъ звѣриныхъ кишокъ. У шапокъ сихъ края прямые, шириною въ ладонь; при томъ они повсюду вышиною равны, и они имѣютъ плоскую или мѣлкую шулю. Края и шулю украшаютъ весьма пригожимъ шитьемъ, которое выводятъ жилами, волосами, а иногда и бисеромъ, когда могутъ оной достать; шулю же обводятъ по краямъ во кругъ волосяною бахрамою, длиною въ палецъ. Зимой носятъ шапки изъ шкурокъ пѣганокъ, которыя здируютъ и высушиваютъ такъ, что голова проходитъ въ брюхо пшицы; при чемъ ея шея, крылья и хвостъ остаются по прежнему на своихъ мѣстахъ. Найвеликолѣпнѣйшія ихъ перяныя шапки дѣлаются изъ пѣганокъ. Въ мѣсто шеи придѣлываютъ состоящую

Курилецъ.
Ein Kurill.
Kourilien.

изъ сложенной вдвое кожи, шириною пальца въ два, упругую полосу, которая въ низу и въ верху разпещрена мѣлкимъ шитьемъ, а по краямъ выложена волосяною бахрамою, длиною въ персть. Въ мѣсто пшичьей головы прикрѣпляютъ они къ шаковой кривулинѣ нижнюю пещовую челюсть. Полоса сѣя простирается черезъ всю спинку пшицы, и придаетъ шапкѣ упругость. Она и на спинкѣ вышита и бахрамою обложена. Нарядное ихъ одѣяніе дѣлается изъ пшичьихъ подбрюшинъ и разной мягкой рухляди, на подобіе сорочекъ, просторное, длиною по самыя пяты, съ чрезвычайно красиво вышитыми перста на два шириною закраинами, увѣшены повсюду полосками длиною въ пядень, изъ хорошей мягкой рухляди, а въ низу съ подзоромъ, длиною въ пядень, изъ однихъ кожаныхъ полосокъ. Одѣяніе свое шьютъ изъ того, чѣмъ сами они или ближайшіе островскіе жители избыточествуютъ. Многіе дѣлаютъ всегда оное изъ шюленыхъ, Сѣвернѣйшіе же изъ оленыхъ кожъ, а ближайшіе къ Востоку отъ части изъ шакой токмо мягкой рухляди, которую могутъ получать съ машерой Американской земли. Оба пола носятъ плащье одинакое съ шюю только разностию, что мужское шьется больше изъ пшичьихъ шкурокъ, женское же изъ хорошей мягкой рухляди, а лѣтнее изъ подобной замшѣ выдѣланной кожи. Кожевенная ихъ выдѣлка посредственная; напрошивъ того въ шитьѣ одѣянія и въ выводѣ на ономъ вичуровѣ, при чѣмъ въ мѣсто иголокъ и нитокъ употребляютъ рыбы кости и щипанья жилы, крайне искусны.

Въ разсужденіи *лицы* соображаются совершенно природѣ своей и качеству своихъ острововъ. Они *ѣдятъ* кишовъ, морскихъ бобровъ и кошовъ, сивучей, хищныхъ звѣрей и другую дичь, также всякихъ хищныхъ и другихъ пшиць, всякую рыбу, а особливо палтусовъ, изъ коихъ нѣкоторыя бываютъ вѣсомъ и выше 8 пудъ, разные роды кунжи, раковины, и всѣ вообще, выключая людей и насѣкомыхъ, водяныя, земныя и воздушныя животныя употребляющъ въ пищу, однако улитокъ только по нуждѣ; сверхъ того ѣдятъ разныя дикорастущія ягоды, сродныя островамъ ихъ обще съ другими ближайшими къ Сѣверу странами, какъ шо, чернику, голубицу, клкву, брусницу, рябину, водяницу, шолокнянку, морошку, сараву, макаршино коренье, Камчатскую сладкую праву, морской капустаникъ и другія не горькія коренья и правы. Охотно ѣдятъ также и издохшихъ морскихъ и полевыхъ звѣрей; да и сонную рыбу, хотя уже и съ душкомъ. *Соль* совсемъ имъ незнакома.

Больше *ѣдятъ* они все *сырое*, такъ что кровь печетъ при помѣ изъ роту по губнымъ прорѣзамъ: и по тому пища ихъ не требуетъ дальнихъ приготовленій. Зимю держашъ они мясо и рыбу на деревянныхъ рожнахъ надъ своими свѣшильниками, не для того, чтобы поджарить, но въ помѣ единственно намѣреніи, дабы разогрѣть. Если же зашѣютъ что варить, то паряшъ промежъ двухъ выдолбленныхъ и мискамъ подобныхъ камней, коихъ скважины замазаны глиною; а по помѣ ѣдятъ холодное.

При такой своей неразборчивости рѣдко претерпѣвають они недостатковъ на островахъ по большей части мало населенныхъ; однакожъ на иныхъ и бываетъ оной въ зимніе мѣсяцы. Для предупрежденія же такового недостатка, сушатъ ошальное мясо и рыбу на солнцѣ, или копшатъ въ дыму: и по тому сушеная рыба (Юкола), копорую они такъ, какъ и сушеное мясо, ѣдятъ безъ дальняго приготовленія, бываетъ обыкновенною ихъ зимнею пищею. Мясо и рыбу, копорую скоро думаютъ сѣсть, или что останется излишнее въ началѣ зимы, сохраняютъ они чрезъ опущеніе въ воду или зарыванье въ снѣгъ. Но они стольже беспечны, какъ и прожорливы: по чему рѣдко у кого бываетъ шакіе ошашки, копорые бы можно было сохранить въ прокъ.

Питье ихъ вода; они часто употребляютъ и соленую морскую, когда въ близи нѣтъ прѣсной. Въ праздничное время пьютъ киповой или иной какой рыбій жиръ, и шянутъ оной изрядно. Для *лодолою*, собственнаго не имѣютъ ни чего; да и не находятъ ни какой приятности ни въ мухоморахъ, ни въ шабакъ, ни въ хлѣбномъ или Камчатскомъ правяномъ винѣ: что все было къ нимъ привозимо: однакожъ нѣкошорые, подражая козакамъ, привыкли къ нюхальному шабаку.

Поелику морской берегъ въ разсужденіи выбрасываемыхъ на оной мершвыхъ жившныхъ, раковинъ, улипокъ и морскаго капустника, что все можно шамъ собирать во время ошлива, бываетъ въ случаѣ недостатка надежнѣйшимъ прибѣжищемъ; по всякая хижина или усадьба бережетъ свое на берегу мѣсто. Чужіе нуждающіеся люди не смѣютъ поднять на берегу ниже мершвой рыбы, но должны сперва просить оной какъ милосшыни; въ прошивномъ же случаѣ съ цѣлыми головами не уплешутся.

Сколь ни сообразно житіе ихъ простотѣ природы, однакожъ оно не въ честь ей служить, когда люди бываютъ чрезъ то шоліко подобны звѣрямъ. Въ *обхожденіи* они важны, въ разговорахъ весьма

опрѣзисты, между собою веселы, отъ чести и болпливы, по безвѣчности гостепрїимчивы и щедры, но грубы и неприступны. Не почитая родишелей и начальниковъ, не заобыкши къ повиновенію, и не зная что есть благочиніе и благоприсойность, слѣдуютъ всякъ своей прихоти. Они ѣдятъ, когда есть за что приняться, и когда проголодаются; при чемъ иногда и выпоражниваются. Въ случаѣ недоспашка постыаься безъ ропшанія и нѣсколько дней съ ряду. Жилыя ихъ ямины дѣшскими, а кровли, взрослыхъ людей кладами всплошь усажены: по чему несносно смердишь въ близи и въ нушри ихъ жилищъ. Они ходя часто нагїе, шворятъ и соише въ нушри и виѣ юрть безъ всякаго зазору, и при томъ, по великой горячности обѣихъ половъ, нарочито часто. Да и родяшъ, женьщины безъ всякаго же закрышїя или ушайки. Спятъ они на камышевыхъ рогожахъ а покрывающа плашьемъ. Всякій родъ или поколѣнне держишя правда одного острова: но они ѣдятъ временемъ и на другїе острова, и живутъ тамъ иногда долго. Необишаемые острова принадлежатъ всѣмъ равно; на населенныхъ же бывающъ или какъ гости, или какъ непрїатели. Когда они приѣзжаютъ и на короткое время, то дѣлаютъ немедленно для себя ямины. Огонь добывающъ по примѣру Камчадалъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ чрезъ шреніе одного дерева обѣ другое. Грѣюща справою, которую поджегши, становяшя надъ оною разтопыря ноги шакъ, чтообъ дымъ и шепло проходили подъ шубу (Шарка). Войны ихъ состояшъ больше въ нападєніяхъ; когда же идушъ приступомъ, то несущъ передъ собою деревянные щиты, которыми могутъ нѣсколько человекъ заслоняшя, и выходяшъ, когда надобно, изъ за оныхъ съ своимъ оружіемъ.

Женигбы ихъ, въ сравненїи съ употребительными у насъ, едва и названїя сего достойны. Мужчина, который можетъ исправлять звѣриной промыселъ и рыбную ловлю, принимаетъ къ себѣ одну или и нѣсколько женьщинъ, достаетъ при помощи ихъ себѣ и имъ надобное, и живетъ съ ними въ своей яминѣ или въ своемъ отдѣленїи по женатому; чему не предслѣдуютъ никогда ни купля, ни договоръ, ни празднесшва. Первыхъ бабъ выбираетъ мужъ обыкновенно самъ; если же онъ удалъ, и при томъ заводной промышленникъ и рыбоволь, то спекаетъ къ нему и больше дѣвокъ, вдовъ, оппущенныхъ или бѣглыхъ женъ и дѣшей малыхъ, которыхъ всѣхъ принимаетъ онъ и содержитъ добычами на звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. Сколь поспѣшно при щастїи семейство

возрастаетъ, столь скоро и разсѣвается оно при тщетныхъ стараніяхъ о снисканіи пропитанія; бѣглецы переходятъ къ другимъ, да и бабы разходяся и ищущъ себѣ другаго кормильца, къ ко-ему приволятъ иногда съ собою и дѣшей, если они сами не пожелають остаться у отца. Все сіе происходитъ безъ ссоръ, дракъ и шому подобнаго; по елику оба пола равную имѣютъ вольность. На нѣкоторыхъ островахъ больше союзы мужа съ женами, и родители съ дѣтями, по шому, что мужа больше имѣютъ власти: но шутъ и промѣниваютъ они женъ и дѣшей своихъ на нуж-ныя для пропитанія и на одѣяніе вещи. Бѣжавшія или промѣнен-ныя жены возвращаются иногда и по нѣскольку разъ къ прежнимъ своимъ мужьямъ. Въ естественномъ состояніи не могутъ быть слѣдствія отъ шаковой необузданности шoliko опасны, какъ при гражданскомъ устройствѣ общества. Островскіе жители ставятъ ни во что какъ попеременно владѣніе женами, шакъ и союзы род-ства, и женятся единственно для пропитанія и удовлетворенія похоти: при чемъ они не обрѣщаютъ препятствій, а по шому и неисповшвъ не дѣлають. Они всякому желаютъ добра и забавъ; и по елику шамъ, какъ въ Камчаткѣ, предпочитаютъ бабъ дѣв-камъ, шo сіи послѣднія возрастають и при всемъ своемъ безпущ-ствѣ безъ всякаго стыда. Ни какая мать не покидаетъ дѣшей своихъ до шѣхъ поръ, пока они не спанутъ помнишь ея имени; и шакowychъ дѣшей, при всеобщемъ чадолюбіи островскихъ жителей, принимаетъ охотно не шолько новоизбранный матерью ихъ мужъ, но и всякій посторонній человекъ.

Бабы, какъ слышно, родятъ очень легко. Малыхъ *дѣтей* купають весьма часто въ холодной морской водѣ, и когда разкри-чашся, окунають ихъ въ оную, не взирая и на зимнюю спужу, до шѣхъ поръ, пока не успокоятся. Грудью кормятъ ихъ не дол-го, но приваживаютъ ихъ вскорѣ къ суровой, по большой части сырой пищѣ. Дабы приучить ихъ сидѣть на цыпкахъ, связываютъ имъ ноги вмѣстѣ. Воспитанныхъ столь сурово дѣшей отпускають родители на свою волю какъ можно скорѣе; послѣ чего мальчики и дѣвочки безъ дальней отъ родителей своихъ помощи живутъ безъ нужды и становятся наослѣдокъ столь же добрыми людьми, какъ и ро-дители ихъ, коимъ они ни чего отпѣннаго не оказываютъ, и ко-шорыхъ иногда вовсе не знаютъ. Употребительныя шутъ имена суть слѣдующія: *Инаишъ*, *Бакутцъ*, *Алацтокъ*, *Тулила* и проч.

Они не столь суровы и безчувствительны, чтобы не старались *забывали* сдѣлать себѣ жизнь приятною. Женишбы, рожденія, да и самая вѣра не подають правда имъ поводу къ празднествамъ: но они почти весь Декабрь мѣсяцъ препровождаютъ въ посѣщеніяхъ сосѣдей или и другихъ оспровскихъ жипелей. Къ случайнымъ же увеселеніямъ подають имъ поводъ, найденные на берегу киты, щастливые звѣриныя промыслы, и печалиныя дружескія посѣщенія. Когда китъ осядетъ на мѣли, или море выброситъ на берегъ издохшаго, то принадлежитъ оный не набережнымъ, но всѣмъ вообще оспровскимъ жипелямъ. Всѣ стекаются съ великою радостію къ сей громадѣ, совершаютъ идолослужебные и волшебные обряды, раздѣваются до нага, а по томъ свѣжуютъ и дѣлають мясо, жиръ, кожу и кости. По томъ наряжаются въ самое лучшее плашье, вставляють кости въ щеки и носъ, и убирають все, что ѣсть можно, съ чрезвычайною радостію. Подобныя но не столь общія, празднества бывають и по случаю частныхъ щастливыхъ звѣриныхъ промысловъ и рыбныхъ ловель.

Увеселенія ихъ состояють, кромѣ неумѣреннаго употребленія мяса и жиру, въ бѣеніи въ бубны, въ пѣсняхъ, пляскахъ, сказкахъ и удовлетвореніи похоти. Кромѣ бубенъ не имѣють они ни какихъ музыкальныхъ инструментовъ. Съ оными выходятъ они на встрѣчу приѣзжимъ своимъ гостямъ щѣлыми аршелями; да и въ пляскѣ соображаются бѣенію въ бубны и пѣснямъ, коихъ содержаніе естъ мечшаемое ими щастіе и разныя басни. Они пляшутъ не кругомъ, но стѣна противъ стѣны, которыя по сближаются, по пакки раздаются: при чемъ и прыгають довольно. Иногда накладываютъ они на лица свои и деревянные хари, уподобляющія ихъ звѣрямъ, и при томъ крайне дурныя. Въ такомъ случаѣ мужчины раздѣваются, и оставляють только передъ удомъ передникъ или мошну; женщины же ошаются въ плашье. По окончаніи пляски разбивають они бубны и хари въ щены, и дѣлають послѣ новые. Гдѣ естъ волшебники, шамъ присовокупляють и они къ тому свои обмороки и предсказанія. На послѣдокъ удаляются прѣзжіе гости въ свои станы, а хозяева, имѣющіе женъ съ залишкомъ, надѣлають ими приѣхавшихъ безъ женъ гостей. При отѣздѣ не бываетъ ни чего опмѣннаго, ни провожанья, ни благодарности.

Они такъ, какъ и народы, обитающіе на восточномъ берегу Сибири, содержатъ *Шаманской* языческой законъ; прилѣплены столько же или еще и больше, къ чувшвенному, а невидимое и непоняш-

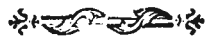
ное ни мало ихъ не прогаепъ. Они не имѣютъ ни какихъ точныхъ понятій о богахъ, ниже о ихъ соучаствованіи въ судьбахъ, и о будущей участи; нѣтъ у нихъ такъ же ни праздниковъ, ни моленій: однакожъ есть у нихъ *волшебники* или Шаманы, подобные Камчадалскимъ, похваляющіеся знакомствомъ своимъ съ богами и свѣденіемъ прошедшаго и будущаго, и состоящіе у народа въ пощеніи, но никакихъ подаяній отъ него не получающіе. Во время празднованій своихъ у выброшенныхъ на берегъ кишовъ, благодарятъ они въ пѣсняхъ своихъ боговъ за такую благодать: но соплешаютъ благодарносшь свою съ разными кощунствами. При яденіи шакowychъ благодатей бросаютъ нѣсколько кусковъ мяса въ огонь, яко жершву. Покойникамъ даютъ, какъ и всѣ язычники Шаманскаго полку, разную ушварь для употребленія на томъ свѣшѣ. У нихъ есть небольшіе деревянные *домашніе идолы*, которыхъ они мажутъ кровью и жиромъ, и думаютъ, что ихъ чрезъ то питаютъ. Огнедышущія или дымящіяся горы и нѣкоторыя знашныя пещеры, почитаютъ они жилищами боговъ и духовъ; къ нимъ обращаютъ и Шаманы или волшебники свои молишвы. Будущей же участи и боговъ, также милосши ихъ и гнѣва не ожидаютъ они и не боятся ни мало.

Здоровель они *крѣпки*, и до старыхъ лѣтъ бываютъ бодры. Цынга, короста, лихорадка и другія обыкновенныя болѣзни случаются у нихъ очень рѣдко. Оспа ни когда еще у нихъ не бывала. И у самыхъ старыхъ людей зубы пригожіе, чистые и крѣпкіе. Кто нездоровъ, шотъ по произволению своему воздерживается нѣсколько дней отъ пищи. Когда болитъ голова, то пускаютъ изъ одной головной жилы кровь воспрымъ кремешкомъ. На раны кладутъ нѣкоторой корешокъ, признанной ими врачевнымъ, и такъ далѣе. Въ прочемъ они столь мало нѣжашся, что когда понадобится имъ кровь на склеиваніе чего ни будь, то разбиваютъ себѣ носъ кулакомъ до крови.

Они боятся посѣщенія покойниковъ, и не охотно живутъ въ такихъ хижинахъ, гдѣ люди уже умирали: по чему они больныхъ изъ большихъ хижинъ выносятъ вонъ, въ маленькихъ же оставляютъ покойниковъ и заметываютъ ихъ землею. Скудныхъ покойниковъ завершываютъ въ ихъ одѣяніи совокупно съ домашнею ихъ ушварью и звѣроловною снастью въ рогожу и съ великимъ воплемъ предають погребенію; заживочнѣйшихъ же кладутъ такъ же въ плашь и съ домашними надобностями въ небольшую лодку, и въ-

шаютъ оную на висѣлицу, состоящую изъ двухъ утвержденныхъ въ землю вилъ, и положенной на оныя перекладины, дабы они, вися такимъ образомъ на открытомъ воздухѣ, превращались въ плѣнь.

Россійскимъ Козакамъ, промышленникамъ купцамъ крайне трудно жить на сихъ островахъ. Моремъ надобно шуда ѣхать изъ Камчатки съ лишкомъ годъ. Между шѣмъ заѣзжаютъ они и на другіе острова, собираютъ добровольную подашь, промѣниваютъ щепетные товары, а особливо пронизки, на мягкую рухлядь, да и сами ходятъ на звѣриныя промыслы. Ежели бы можно было отважиться, возить къ нимъ ножи и попоры, то обмѣнные торги великое бы получили чрезъ шо приращеніе: но какъ шѣмъ уготовляемы бы были себѣ опасности, шо надобно пособлять сему неудобству собственнымъ звѣринымъ промысломъ, кошорой производить какъ на берегахъ, такъ и въ дали оныхъ, островскіе жители не только не препятствуютъ Рускимъ людямъ, но и придаютъ имъ мальчиковъ, кошорые скоро привыкаютъ говорить по Руски, и бывають по шомъ толмачами и почти залогами. Пока ведутся привезенные съ собою свѣсные припасы, питаются оными промышленники: при недостаткѣ же ѣдятъ какъ и коренные островскіе жители мясо и рыбу безъ хлѣба и соли, и бывають при шомъ здоровы. Островяне поступаютъ правда съ чужими людьми грубо, однакожъ тихо; если же возмѣютъ подозрѣніе, шо стараются всѣхъ безъ всякаго изслѣдованія перебить: по чему промышленники должны всегда остерегаться, шѣмъ наипаче, что на островахъ не можно такъ, какъ въ Камчаткѣ, заводить шѣснаго знакомства съ женщинами, черезъ кошорыхъ всѣ злые умыслы шамъ открываются. Козаки остерегаются жить порознь или долго быть въ ихъ жилыхъ яминахъ; да и у собственныхъ своихъ хижинъ содержатъ по ночамъ караулъ. Ежели пушешествіе удачное, шо корабль, смотря по состоянію острововъ, у кошорыхъ былъ, и по изобилію шамошнихъ звѣрей, привозитъ до 2000 морскихъ бобровъ, столько же и больше морскихъ кошовъ, до 1000 кослоковъ, до 2000 черныхъ лисицъ, шолікое же число голубыхъ песцовъ, вдвое противъ шого или и больше бѣлыхъ песцовъ; однакожъ всегда одной кошорой нибудь рухляди больше, другой же мало или вовсе ничего: иногда же и ни кошорой не бываетъ въ вывозѣ вышепоказаннаго количества.

О ШАМАНСКОМЪ ЯЗЫЧЕСКОМЪ ЗАКОНѢ.

Многочисленные языческіе народы Россійскаго государства держатся отъ части *Шаманскаго*, отъ части *Ламайскаго*, Индійцы же, коихъ вообще не много. *Браминскаго толку*. *Шаманской* имѣетъ наибольше послѣдователей; къ оному принадлежишь суевѣріе поклоняющихся идоламъ *Финновъ*, *Татаровъ*, *Семояди*, *Отяковъ*, *Красноярскихъ*, *Манджурскихъ* и *Восточныхъ Сибирскихъ народовъ*, *островскихъ жителей Восточнаго моря* такъ, какъ и *Бурятъ* или *Брацкихъ Татаровъ*. О языческомъ законѣ Финновъ говорилъ я на своемъ мѣстѣ; и при описаніи же прочихъ народовъ преходилъ я сей предметъ молчаніемъ, дабы при великомъ сходствѣ въ обрядахъ и мнѣніяхъ не наскучить читателямъ повтореніемъ. Здѣсь же исполню мое обѣщаніе и о всемъ вообще Шаманскомъ идолослуженіи нашихъ народовъ сообщу краткое описаніе въ шакомъ союзѣ, какой могъ я въ ономъ открыть.

Шаманскій законъ принадлежишь въ число древнѣйшихъ вѣрѣ. Онъ всѣхъ сшарѣ на Востокъ, и почитается корнемъ Ламайскаго, Браминскаго и другихъ языческихъ шолковъ. Въ Индіи были священнослужители его отъ части и мудрецы: по чему и не было ему въ союзѣ недоспашка. У исповѣдниковъ сего закона между нашими народами, за недоспашкомъ грамати и школъ, такъ же по причинѣ воеваній, преселеній, непостояннаго житія, переименованныхъ преданій и переворошоу глупыхъ или обманчивыхъ священнослужителей, прешворился онъ по большой части въ противное идолослуженіе и слѣное суевѣріе. По сему надлежало бы въ разсужденіи шоль различныхъ народовъ, языковъ, странъ и житія, ожидать и наивеличайшей разности въ мнѣніяхъ и обрядахъ: однакожь главныя правила вѣры и важнѣйшіе обряды остались въ достопамятномъ единобразіи, и кажется, что чрезъ то больше шокмо забыто, нежели прибавлено. Здѣсь сыщутъ читатели отъ части дополненіе и къ шому, что при описаніи Финскихъ народовъ сказано о ихъ суевѣрїи.

У всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ почитается *женской полъ* гораздо *хуже* мужскаго, и существующимъ единственно для удовлетворенія похоти; для рожденія дѣшей и для исправленія домашнихъ дѣлъ: по чему они женъ презираютъ жестоко. Они присвояютъ женскому полу весьма мало правъ человечества, и почитаютъ

его опринушымъ отъ боговъ, вообще нечистымъ, во время же мѣсячнаго очищенія или родовъ мерзкимъ и какъ людямъ, такъ и скоту опаснымъ. Онъ къ богослуженію не допускаешся, и не смѣетъ въ юртахъ ходить около общаго огня, поелику оной почитается священнымъ. Понеже жены шѣломъ своимъ все оскверняютъ, то имѣютъ особыхъ верховыхъ лошадей, сѣдла, мѣста для сидѣнія, да обыкновенно и особливую посуду, изъ кошорой ѣдятъ, или должно по крайней мѣрѣ всѣ шакovyя вещи, прежде нежели спанешъ ихъ употреблять мужчина, окуришь и онъ нечистоты упразднишь. Они почитаются шакимъ шоваромъ, кошорый вымѣнивается на скотъ, одѣяніе и проч. и въ такомъ количествѣ, какое кому надобно для исправленія дѣлъ или похоти; кошорый почти продается, и шакъ далѣе. Когда баба родитъ двойни или безобразныхъ дѣтей, то обвиняетъ ее сошпѣмъ съ дѣаволомъ, и проч. Родители никогда дочерей не любяшъ; да они и сами, если бы знали свое состояніе, ошреклись бы онъ воспріятія бышя.

При всемъ шомъ есть у Шаманцовъ и священнослужительницы, кошорыя не меньше въ чести или столько же шальными почитаются, какъ и священнослужители. Они вѣряшъ, что люди сего состоянія избраны самими богами, и почитаютъ судорги, родимцы и другіе дѣтскіе припадки знаками шаковаго вышшаго избранія.

У *Тунгузъ*, *Бурятъ* и нѣкошорыхъ другихъ народовъ называющя священнослужители *Шалачили*; слово же сіе значитъ воздыхающаго пустытника и обладашеля всѣхъ спрасшей; у *Телеутовъ* и проч. *Камали* или *Хамали* т. е. владыками или пророками; у *Акутовъ* и проч. *Аюнали* и *Абысали*: оба сіи слова суть шиплы Ташарскихъ священнослужителей; у *Семояди* *Гадыбали*, и шакъ далѣе.

Шалачили и *Шалачики* люди просшые, и не разияшя отъ прочихъ ни одинакимъ состояніемъ, ниже особенными правилами или житіемъ: но опмѣнны шокмо по платью и лучшему знанію ученія и обрядовъ своей вѣры. Они содержатъ себя подаянїями и жертвами: однакожъ сверхъ шого употребляютъ обыкновенно себѣ въ помощь и главный народа промыселъ, сврѣчь, ловяшъ звѣрей и рыбу и проч. Старые люди учашъ молодыхъ всему до вѣры и обмана касающемуся. Поелику священнослужители одни владѣютъ, шакъ сказавъ, ученіемъ, то ихъ, яко *посредственниковъ* между народомъ и богами, коихъ они умиласшивляеш имѣюшъ, боятся и почитаютъ, но при шомъ не рѣдко и ненавидяшъ, когда кшо изъ нихъ

приличится въ злоупотребленіи своей должности. Отъ великаго напряженія силъ при колдовствахъ своихъ многіе лишаются зрѣнія: но сіе почитается шѣмъ большимъ знакомъ благоволенія къ нимъ духовъ. Поелику всшупленіе въ ихъ должность зависитъ отъ случайнаго въ оную позова; по Шамановъ и Шаманокъ иногда бываетъ много, а иногда и мало. Иные исправляютъ должность свою по смершь, другіе же здаютъ оную при жизни своей другимъ. Они отъ часпи обморачивають, а отъ часпи обманываютъ, а больше по и другое дѣлають вмѣстѣ.

Шаманы и Шаманки *разлещряютъ одѣяніе* свое въ помъ намѣреніи, чтобы богаиъ бышь угодными, а народу спрашными; для приобрѣшенія же въ помъ успѣха разныя употребляютъ средства. Тунгускѣе, да и всеъ почти Шаманы, носяиъ долгое Восточное, больше кожаное *латге* и сапоги чулкамъ подобные; одѣяніе сіе какъ будшо усыпано жестяными идолами, цепочками, колокольчиками, кольцами и другими брякушками, орлиными кохшями, змѣиными чучалами, вырѣзками изъ невыдѣланныхъ кожъ и проч. *Шалки*, которыя иногда клобукамъ, а иногда шишкамъ бывають подобны, обвѣшены змѣиными и другими чучалами, и украшены совиными перьями. Нарядъ шаковаго челоука и производящее отъ онаго бренчанье, приводитъ людей въ юршахъ, освѣщенныхъ однимъ только очажнымъ огнемъ, въ немалой ужасъ. Хитрые Шаманы надѣваютъ шаковое плашье у жертвеннаго огня съ содроганіемъ и проч. какъ будшо бы вселяется въ нихъ при помъ другой духъ. У нѣкошорыхъ народовъ Шаманское служебное плашье покороче, у другихъ же обвѣшивають они простое свое плашье кожаными лоскушьями, пряпицами, идолами и проч. и ушверждаютъ на шапкѣ перяную шишку.

Главнѣйшее *Шаманское орудіе* есть *барабанъ* или *бубенъ*. Съ виду онъ продолговато круглой, длиною до трехъ фушовъ, вышиною едва въ пядень. Ободъ изъ ракишника, съ одной только стороны обшянутъ кожей, а съ другой мѣсто полое, съ поперечною перекладинкою, кошорая служитъ рукояшкою. Кожа какъ будшо усыпана изображеніями идиловъ, звѣрей и заручишельныхъ знаковъ, въ нушри же висятъ идолы и брякушки. Для ударенія въ сей барабанъ употребляется одна только колошущка, нѣскольکو изогнутая и для глухаго звуку обшянушая заячею или иною какою невыдѣланною кожей, а иногда придѣлывающся къ ней еще и два рожка, дабы спрашнѣе казалась. Дѣйствіе и сила волшеб-

наго барабана по ихъ удословленію весьма велики ; нѣкоторые удары призываютъ , а другіе прогоняютъ духовъ. Въ такихъ мѣстахъ , гдѣ и священнослужители ходили въ старыя времена въ походъ , вошли можетъ быть оныя ихъ въ употребленіе и у салдавъ барабаны. Шаманы не имѣющіе барабановъ употребляютъ въ мѣсто оныхъ по двѣ *палцы* , длиною въ три фута , обвѣшенныя идолами. Бурятскіе Шаманы при моленіи своемъ повертываютъ небольшой *знатекъ* , состоящій изъ листовичной вѣтви и шряпички. Якуты употребляютъ въ мѣсто онаго *канской хвостъ*.

Сибирскіе Шаманы не имѣютъ надобности ни въ храминахъ , ни въ керемешахъ. Они отправляютъ служеніе свое у нѣкоторыхъ народовъ на чистомъ мѣстѣ , на холмахъ или возлѣ рѣкъ , у другихъ въ юртахъ , у разныхъ народовъ днемъ не разбирая поры , у прочихъ же больше ночью при огнѣ.

Касающіяся *до вѣры лоятія* нашихъ язычниковъ всѣ вообще неопредѣленны , темны , отъ части перемѣшаны и прекословны ; въ разсужденіи же главныхъ предметовъ почти все клонится къ одному.

Всѣ вѣруютъ въ общаго Бога и Создателя всѣхъ вещей , котораго называютъ на Тунгузскомъ языкѣ *Боа* , на Бурятскомъ *Тингири Бурханъ* , ш. е. Богъ небесный , на Телеутскомъ *Жудай* , на Камчадалскомъ *Кутка* , на Остякскомъ и Вогульскомъ *Троронъ* , ш. е. свѣтъ , на Семейдскомъ *Нулъ* и *Нолъ* , и такъ далѣе. Они думаютъ , что Богъ шварь свою любитъ , всевѣдущъ и всемогущъ : но не уважаетъ частныхъ дѣлъ человеческихъ. Бога , по ихъ разсудку , не можно ни оскорбить , ни къ себѣ умилоштивить. Онъ не наказуетъ и не награждаетъ , и слѣдовательно не для чего его ни бояться ни любить. Камчадалы отличаютъ предосудительными своими о Высочайшемъ Существѣ понятіями. Все , что въ свѣтѣ не по ихъ мысли , такъ какъ и бѣдствія въ жизни , почитаютъ они доказательствами недоспапочнога могущества и свѣленія Промысла , и надъ онымъ издѣваются.

Большая половина сихъ язычниковъ воображаетъ себѣ Бога невидимымъ , обитающимъ на небѣ или въ солнцѣ , и имѣющимъ образъ человеческой ; иные же почитаютъ и солнце за самаго Бога. Телеушы и Алтайскіе Татара думаютъ , что явленія и откровенія Всевышняго бывающъ въ сновидѣніяхъ ; и что съ виду онъ ходитъ на пресшарѣлаго бороною обросшаго человѣка , а одѣяніе его подобно мундиру драгунскаго офицера (великолѣпнѣйшаго одѣ-

янiя не могутъ они себѣ и вообразить). Въ прочемъ мечшаютъ, что онѣ имѣютъ великолѣпной придворной шпашѣ и множество лошадей; когда онѣ ѣздятъ верхомъ, то производятъ громъ отъ конскаго попошу, а молнiя отъ искръ издаваемыхъ подковами отъ ударенiя объ камни на небѣ находящiеся, и такъ далѣе.

Правленiе мiра и судебъ человѣческихъ раздѣлено отъ Высочайшаго Существа между многими *божками*, копорые правда ему подвластны, однакожъ по большой части поступаютъ своевольно: по чему благоволенiе ихъ необходимо людямъ нужно. Восображенiя ихъ о божкахъ перепушаны, прекословны, а отъ части и безполковы. Разные народы чинутъ и разныя божества, и приписываютъ имъ такъ же различныя соучастствованiя и упражненiя. Когда сообразить по возможности ихъ понятiя, то выходитъ слѣдующее. Боги вообще добрые и злые, то есть благодѣшествоуютъ или противоборствуютъ людямъ. Понятiя о существенности и качествахъ сихъ божковъ грубы, тѣлесны, и нерѣдко всемъ нелѣпы. Они перемѣшиваютъ такъ же многократно имена и дѣйствiя добрыхъ и злыхъ божковъ.

Всякое доброе божество имѣетъ по одному или по нѣскольку дѣлъ въ правленiи мiра. Они охотно благодѣшествоуютъ, часто бывають пристрастны, будучи оскорблены наказываютъ, поступаютъ по своевольству своему жестоко, и при томъ мстительны. Всѣ *качества божii* претворяютъ они въ лица, причисляютъ ихъ къ мужескому и женскому полу, но не думаютъ, какъ Финскiе язычники, чтобы они вступали между собою въ бракъ. Всѣ небесныя и спрашныя или знатныя земныя тѣла и естественныя явленiя, отъ коихъ производятъ имъ добро или зло, суть божества, коихъ они поимянно чтутъ: солнце, луна, звѣзды, облака, радуга, громъ, буря, огонь, вода, земля, знатныя горы и рѣки. Иныя почитаютъ горы и воду шокмо жилищами божковъ, а огонь жертвою. Тунгузы, содержащiе законъ свой и управляющiе по оному идолослуженiю съ великою ревностiю, имѣютъ обще съ нѣкоторыми другими народами и бога здравiя, звѣринаго промыслу, путешествiй, женъ и женскихъ припадковъ и добродѣтелей, дѣшей, оленей и многихъ другихъ.

Соборъ *нелриязненныхъ божковъ* или *бѣсовъ* не меньше великъ. Они вѣруютъ въ одного *верховнаго Сатану* и обладающаго прочихъ, и называютъ его по большой части *Шайтаномъ*, Тунгузы *Бучомъ*, Буряты *Окодиломъ*, Камчадалы *Канною*, и проч. По все-

общемъ божествѣ онѣ наисильнѣйшій. Въ немъ ни на волосъ нѣтъ ни чего добраго: однакожъ онѣ можеть быть укрощаемъ и удостоиваешъ Шамановѣ своего благоволенія. *Сатаны нижшаго стелени* или злые духи раздѣляются на чиненіе зла и споспѣшествуваніе всякимъ нещасствіямъ. Подъ Сашанами разумѣюшъ они естѣ части обращенныя въ лица наказанія Божіи, а ошѣ часши и самое нещасствіе и зло въ свѣшѣ приключающесея, кошерое воображаюшъ они себѣ самосуществующимъ, и называюшъ оное великимъ множествомъ именъ: но все при шомъ перемѣшиваюшъ и запутываюшъ. *Сатаны живутъ* по ихъ мнѣнію въ водѣ, въ преисподней, въ огнедышущихъ горахъ и въ лѣсахъ: по чему и есть у нихъ *русалки, земные бѣсы, горные духи, лѣшіе, богъ насѣкомыхъ*, и многіе другіе.

Кромѣ сихъ *тутъ* они покойныхъ *родоначальниковъ, богатыхъ* и всѣхъ *Шамановъ* и *Шаманокъ*, яко *лолубожковъ* или свяшыхъ, коихъ боги при правленіи міра употребляютъ такъ, какъ совѣтниковъ или помощниковъ, копорые имѣюшъ свѣденіе о преисподней, умѣюшъ призывать духовъ, и могушъ подавать помощь и надѣлать щасствіемъ. Безчисленное же множество сихъ свяшыхъ причиною шому, что они ихъ смѣшиваюшъ съ божками и сашанами, и моленія свои возсылаюшъ совсемъ не къ шѣмъ лицамъ, къ какимъ бы надлежало. Живущіе по близости Россіянь, приписываютъ благосостояніе ихъ св. Николаю, почитаемому Грекороссійскою церковью, и по шому моляшъ его и о своемъ благополучіи. Божки и свяшые, по ихъ мнѣнію, живутъ по примѣру людей, шокмо великолѣпнѣе и удовлетворяюшъ нуждамъ своимъ шо одною волею, шо трудами. Когда мѣсто жилища своего перемѣняюшъ, шо или пѣшкомъ идушъ или ѣдушъ верхомъ либо въ повозкахъ. Камчадалы думаютъ, что богъ ихъ *Туй* ѣздитъ на шестернѣхъ неизрядныхъ собакъ, копорыя, ешли встрепенушся, причиняюшъ землетрясеніе; когда во время грозы идешъ дождь, шо громовой ихъ богъ *Белута* выпускаешъ свою мочу. Шалаши, копорые богатые скотомъ Буряшы строяшъ въ степяхъ для покрова божкамъ, и выгонъ лошадей на паству у многихъ скотоводствующихъ народовъ, о коихъ буду говорить послѣ, относятся къ симъ понятіямъ. Нѣкошорые вѣряшъ такъ же, что божки ихъ, въ ушоленіе голода, производяшъ звѣриной промыселъ, ловяшъ рыбу, вырываютъ коренье, и такъ далѣе, не упоминая о многихъ другихъ ихъ безуміяхъ.

Божки являются Шаманамъ, по ихъ мнѣнію, наибольше въ видѣ медвѣдей, змѣй и совѣ: по чему они и воздають животнымъ симъ честь. *Пища*, нѣкоторый родъ *лолыню*, который у Качинцовъ и другихъ народовъ называется Ирвенемъ, особая права на Камчашкѣ, и иныя растѣнія у разныхъ народовъ посвящены божкамъ и почитаются любимымъ ихъ куревомъ: по чему идолы и жершвы оными украшаются, поганяя вещи окуриваются, и проч. Нечислыми и въ жершву негодными почитаются свиньи, лягушки, насѣкомые и черви.

Возраженіе ихъ о мірѣ пресѣкается по большой часпи на ихъ пустыняхъ. Сложеніе міра почитаютъ они безконечнымъ, а о состояніи людей и звѣрей думаютъ, что они по смерти будутъ жить такъ же, какъ и нынѣ: по чему говорятъ съ медвѣжьими, киповыми и другими смервами такъ, какъ съ живыми людьми.

Живой человекъ состоитъ изъ тѣла и жизни или души. Онъ поступаетъ произвольно; успѣхъ, щастіе и неблагополучіе зависятъ отъ боговъ, бѣсовъ и дѣйствій другихъ людей: по чему иные гнѣва боговъ бояться, а другіе ни чего не уважаютъ. Боги любятъ и награждаютъ оказываемое имъ почтеніе, также честность и человеколюбіе; ненавидятъ же и наказуютъ нечестіе, плутовство и жестокость. Въ другихъ обстоятельствѣхъ не скоро человекъ, по ихъ мнѣнію, согрѣшитъ можетъ. Боги не заботятся о томъ, лѣнивъ ли человекъ или прилѣженъ, съ своею ли или съ чужою спитъ женою, много или мало ѣстъ и пьетъ, украденною или самимъ имъ убитою дичиною питается, и такъ далѣе. Саманы вредятъ людямъ во всякомъ дѣлѣ: по чему и должно ихъ отвращать отъ себя посредствомъ Шамановъ, жершвами, подарками, ласковыми словами, угрозами и сему подобнымъ. *Благополучіе* состоитъ въ здоровьѣ, изобиліи скота и дѣшей, прибыточномъ звѣриномъ промыслѣ, рыбной ловлѣ и плотоугодіи: *нечастіе* же въ прошивномъ вышеписанному, а особливо въ смерти.

Всѣ Шаманскіе язычники крѣпко увѣрены въ томъ, что и послѣ смерти будутъ жить: но жизнь сію воображаютъ они себѣ бѣдною и печальною; и по тому смерть кажется имъ по большой часпи мерзоснѣе и спрашиѣе всего, и они ее больше всего опасаются и убѣгаютъ. И самые покойники ихъ ужасаютъ. Они боятся ихъ возвращенія и явленій; по чему многіе идучи обратно съ похоронъ, стараются разными суевѣрными кривленіями лица отвратить смерть и покойника отъ послѣдованія за ними. Они

скачутъ черезъ огонь, лазаютъ промежъ жердей, при чемъ Шаманъ угрожаетъ смерти жезломъ, дабы ее шѣмъ воздержать; по томъ окуриваютъ себя и хижины, либо покидаютъ она, и боясь воспоминанія умершихъ, ни когда ихъ по именамъ не называютъ; родственники же покойниковъ, дабы не назывались шѣмъ именемъ, перемѣняютъ свое наименованіе къ немалому ущербу бытійственныхъ свѣденій. Кончину почитаютъ они превращеніемъ нынѣшней жизни въ подземную, подобную ѣ прочемъ нынѣшней: но больше считаютъ ее горесною и ни мало желанія недостойною. Тамъ живутъ одни только духи да души, кошорыя присвоятъ они и погребеннымъ вмѣстѣ съ покойниками живошнымъ и вещамъ, и по тому почитаютъ ихъ полезными для умершихъ, хотя въ прочемъ они такъ же, какъ и покойники, исплѣваютъ. Въ преисподней владычествуютъ земные духи, спарающіеся причинишь умершимъ много зла: по чему Телеупскіе и Корякскіе Шаманы при похоронахъ ихъ заклинаятъ и секирными размахами удержашъ спарающіеся; многіе же, а особливо въ опдаленнѣйшихъ пустыняхъ обитающіе спавятъ покойниковъ своихъ на дерева или оставляютъ ихъ для исплѣнія поверьхъ земли, либо и сожигаютъ, единственно для избѣжанія отъ земныхъ духовъ. Спада ихъ остаются на семъ свѣтѣ, а что дается покойникамъ при похоронахъ изъ плашья, домашняго скарбу, оружія, и убишыхъ звѣрей, то служитъ имъ только на раззаводъ въ будущемъ подземномъ или преисподнемъ хозяйствѣ. Всякая скотина по окончаніи ея жизни явишя въ преисподней почно такъ, какъ и ея хозяева: но она умираетъ исподоволь и доставшись другимъ хозяевамъ. Будутъ ли тамъ для звѣринаго промыслу и рыбной ловли такія угоды, какія есть поверьхъ земли, весьма еще сомнительно; за мужьями послѣдуютъ туда ушарѣлыя жены, и такъ далѣе. Обитающіе ближе къ Востоку Сибирскіе народы и островскіе жители почитаютъ *будущую жизнь исправленнымъ продолженіемъ нынѣшней*, и ожидаютъ тамъ сугубаго удовольствовенія своихъ прихошей, спадъ, пригожихъ цуговъ собакъ, удачныхъ звѣриныхъ промысловъ, проворныхъ бабъ или мужей, и всего того, что бываетъ здѣсь предметами ихъ желаній, хотя и никогда не исполняющихся. И по тому они смерти не страшатся, но еще и сами себя нерѣдко и съ великою холодностію духа оной предають, поднимая сами на себя руки. Поелику Христіана чаютъ себѣ послѣ смерти царствія небеснаго безъ всѣхъ шаковыхъ благостей, то сожальютъ они обѣ нихъ и ра-

Часть III.

Н

дуются своему блаженству. *Шаманы* умирають по большой части великодушно. По елику они при жизни упражняются въ умилоствленіи боговъ и злыхъ духовъ, почитають свои волшебства за нужныя, и причисляются по смерти къ святымъ, имѣющимъ участіе въ судьбахъ живыхъ людей и приносимыхъ ими жертвахъ; по ожидаютъ себя впредь благой участи. Для избѣжанія искушеній земныхъ духовъ и для собсвеннаго своего очищенія, приказываютъ по большой части тѣла свои по смерти сжигать.

Всѣ Шаманскіе язычники стараются снискать себѣ благоволеніе боговъ и ихъ умилоствившия идолами, моленіями и жертвами: большая ихъ половина считаетъ дѣло сіе шоль важнымъ, что нынѣшнее свое уничтоженіе, а ошѣ часши и бѣдность, приписываютъ нераченію своихъ прародителей о ихъ служеніи.

Идолы, которыя по понятіямъ разумѣйшихъ суть подобія божковъ, а по мнѣніямъ глупыхъ самыя божки, дѣлаются по большой части Шаманами изъ спранныхъ опросшковъ деревъ и изъ каменныхъ опломковъ, которыя покажутся подобными нѣсколько человѣческому виду. Не рѣдко и цѣлыя каменные горы, ради необыкновеннаго ихъ вида, почитаются идолами, какъ н. п. Шаманская гора въ Восточной споронѣ ошѣ Байкала, и другія. Дѣлаемые идолы бываютъ и большіе и мадые, рѣзные, набивные или спранныя вида куклы. *Деревянные кукольные идолы*, которыя у Тунгузъ *Шовокали* у Камчадалъ *Камулали*, у Буряшъ *Онгонали* называются, длиною бываютъ въ пядень и больше, и одѣваются по примѣру Шамановъ. У нѣкоторыхъ покрываютъ лицо красною листовою мѣдью. Буряшской *божокъ боргозы* (Имегнальшинъ) шаковая же кукла, окруженная кольцомъ, шириною въ два пальца, изъ ракишнику, на подобіе бубеннаго обода. Курильцы составляютъ идоловъ своихъ изъ щепокъ нарочито красиво. *Сугельные* или *набивные идолы* употребляются у Якушъ, Чулымцовъ, Телеушъ, Алтайскихъ Татаръ и у другихъ. Чулымцы называютъ ихъ *Шайтанали*; Телеушы же дѣлають и поменѣе, длиною дюймовъ въ 8, шириною въ половину шюфячекъ, съ одного конца разписанный по подобію человѣческаго лица, въ мѣсто же глазъ вставлены бисеры или дробинки; въ прочемъ они украшаютъ ихъ совиными перьями и называютъ *Салусами*. Буряшской *баранковой идолъ* есть не иное что, какъ шкурка съ барашка съ ногами и хвостомъ; а лицо рѣзное человѣческое. *Жестяные идолы* въ упошребленіи у всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ; они привѣшиваютъ

ся больше къ Шаманскому плашью, къ барабанамъ, колыбелямъ и прочему. Они вырѣзаны изъ жести и кое какъ изображаютъ людей, медвѣдей, оленей, птицъ, рыбъ, змѣй, звѣздъ и стихіи. Человѣческое лицо значить солнце, полукругъ луну, суденышко воду, треугольникъ огонь, решетка землю и шакъ далѣе. *Войлошные идолы*, или куклы изъ войлока вырѣзанныя, длиною въ пядень, въ употребленіи у Бурятъ и Якутъ. Бурятской *Иргескиль* есть не иное что, какъ подобная гребню, часто надрѣзанная кожа, въ длину и въ ширину на пядень; ремешки ея представляютъ цѣлой соборъ божковъ. *Малеванные идолы*, называемые у Бурятъ *Ногатали*, и употребляемые многими народами, суть начертанія нагихъ людей, выводимыя кровью изъ сердца приносимой въ жертву швари, или и краснымъ карандашомъ; длиною они въ пядень; въ мѣсто глазъ вставлены драбинки или бисеръ, а голова украшена совиными перьями.

Камчадалы ставящъ въ пустыняхъ своихъ небольшіе столбы, которые обвивающъ особою шравою и почиаштъ ихъ божественными. Они дѣлающъ также изъ разныхъ шравъ чучелы подобныя волкамъ, и ставящъ ихъ въ хижинахъ своихъ какъ будто идоловъ; чучелы сіи называются у нихъ *Хайту*. *Тилгилкаль* лѣсныхъ Тунгузъ не другое что, какъ небольшія ворошны изъ ельнику, въ коихъ вѣшаются принесенныя въ жертву птицы. *Дой* ихъ есть стоячій крестъ съ ряспашою птицею. Сдѣланное по подобію человѣческому чучело изъ ельнику называютъ они *Богг*. *Тисъ* Качинской есть подобная вилкъ шычина, промежъ зубцовъ которой вѣшаютъ лисью голову или двухъ рѣзныхъ птицъ. Легко можно разсудить, что всѣ сіи свяшосши при недостаткѣ вкуса, искусства и ремесленной снасти, весьма неуклюжи, безобразны, ошъ части не примѣшны, и не годящся ниже дѣшамъ нашимъ игрушкою.

По елику идолопоклонники при всякомъ почши жертвоприношеніи получающъ новаго идола, по въ иной юршѣ великое ихъ множество. Телеуты ставящъ всѣхъ идоловъ вмѣстѣ въ одномъ углу избы; у Бурятъ виситъ въ юршѣ на лѣвой сторонѣ, а въ лѣпнее время передъ юршою на столбѣ, мѣшокъ съ идолами; Тунгузы вѣшаютъ ихъ на распорѣ, сосшощемъ изъ трехъ колышковъ (*Шонанъ*); Качинской *Тисъ* ставится на кровлѣ; идоламъ и божкамъ Бурятскихъ снадъ или шабуновъ строящя хижины (*Обо*) на горахъ; нѣкошорыхъ идоловъ кладущъ они въ ящички, и проч.

У идоловъ висятъ всегда шкурки съ лассточекъ, горностаевъ, и другихъ звѣрковъ, также косши принесенныхъ въ жершву жившихъ, пучки волосу отъ священныхъ коней, и другія небольшія жершвы. Почти всѣ язычники воздають идоламъ своимъ почтеніе, поклоняюся имъ, творя при томъ молишву, берушь ихъ съ собою, когда идушь на звѣриной промыселъ, пишають или мажушь ихъ кровью и жиромъ, окуривають ихъ саломъ, мясомъ, кровью, ельникомъ, ирвнемъ и проч. Другіе, когда имъ что не пощасливится, ругають ихъ, попрекають почестями, какія имъ воздаются, бросають ихъ объ землю или въ воду, а иногда и колошатъ.

Моленія божкамъ и идоламъ приносятся обще и шоржественно, либо и особенно въ каждой хижинѣ. Когда молятся съ пустыми руками, то не надѣются много себя добра получить: и по тому шоржественныя мольбы приносятъ съ жершвами. Всѣ Шаманскіе язычники празднуютъ въ году три праздника, а именно: *веснній*, *лѣтній* и *осенній*. Веснній праздникъ есть новый ихъ годъ, и они жершвуютъ въ сіе время первую траву и первенцовъ отъ скоша, а особливо молоко, и просятъ при томъ о низпосланіи на весь годъ благословенія. Лѣтній или осенній праздникъ не вездѣ празднуется ежегодно: однакожь разполагается всегда такъ, что бы всякому можно было ежегодно имѣть въ ономъ участіе.

Въ *жертву* или пищу божкамъ годятся, выключая свиней, всякіе звѣри, рыба, пшцы, мягкая рухлядь, черепы, кровь, жиръ и сало, волосъ, рога, молоко, шварогъ и сыръ, подожженой хлѣбъ (Курмачь), пиво, вино, машеріи, деньги и почши все вообще. Восшочные Сибиряки приносятъ въ жершву и собакъ. *Пихтовья* вѣшви жершвуютъ особливо горамъ и водамъ.

Обряды торжественнаго богослуженія не только у разныхъ народовъ, но отъ части и у частныхъ Шамановъ, нѣсколько опмѣнены. Но у всѣхъ главная важность состоитъ въ сущихъ моленіяхъ къ добрымъ богамъ возсылаемыхъ, въ жертвахъ, и въ похожихъ на волшебство заклинаніяхъ бѣсовъ и колдовствахъ. Нѣкоторые Шаманы дѣлають сіе особенно, другіе всѣ вмѣстѣ, и приносятъ жершвы свои совокупно какъ для умилосшивленія боговъ, такъ и для укрощенія бѣсовъ.

Когда *Телецты* празднуютъ *веснній* свой *праздникъ*, то міряне обокъ половъ, прибравшись чистенько, собираются въ полъ око-

до Кама, который бьетъ въ бубенъ, по шомъ молился, и въ продолженіе молитвы брызгаетъ молоко и ливо, и насыпаетъ Курмачъ; послѣ чего ѣстъ самъ нѣсколько ошъ онаго и надѣляетъ по немногу мірянъ, которые ѣдятъ даръ егѳ сѣ благоговѣніемъ. На послѣдокъ бросаетъ онъ молошную чашу прочь, и по паденію ея судитъ, какова показалась богамъ жершва: ежели чаша упадетъ сшоймя, то почитаетъ жершву угодною, а ежели опрокинешся, неугодною. Праздникъ сей оканчивается веселымъ разпиваньемъ оспальнаго пива и молока. У *Катинцовъ* разводитъ *Камне* для вешняго праздника (Урысѣ) на рѣчномъ берегу или на казистомъ высокомъ мѣстѣ огонь, приносишь моленіе повершывая небольшой значекъ, и брызжетъ по немногу кислаго молока къ солнцу, лунѣ, рѣкамъ и горамъ ихъ области, а на конецъ то же самое дѣлаетъ и на долю Сашаны. Остаткомъ освященнаго молока кропитъ всякъ въ своей юршѣ все; а что за шѣмъ останется, выпиваютъ обще. У *Якутъ* приносятъ Аюнь въ жершву перваго удою молоко во всякой юршѣ, швора при шомъ молитву и повершывая небольшимъ значкомъ или конскимъ хвостомъ. Онъ называетъ всѣхъ божковъ, бѣсовъ и свяшихъ, выплескиваетъ при всякомъ имени одну ложку молока на воздухъ, въ шомъ мѣннѣ, чшобы ихъ онымъ поношчивать: сіе дѣлаетъ онъ шроекратно. Изъ оспальнаго въ чашѣ молока беретъ онъ одинъ глотокъ; всѣмъ же собравшимся мірянамъ, которые ошъ части стояшъ на колѣняхъ, подносишь онаго же молока мальчикъ. Паденіе брошенной ложки извѣщаетъ имъ мѣннѣ божковъ. *Тунгузы* и *Буряты* празднуютъ вешній свой праздникъ какъ и Телеушы, сѣ шюю шолько разношнѣю, чшо оба сіи народы, свержъ молока, приносятъ еще въ жершву и свѣжую шраву. То же дѣлають и прочіе народы сѣ небольшою шѣкмо ошнѣною.

Осенній праздникъ бываетъ у *Телеутъ* въ Окшябрѣ. Жишелд деревни принесятъ всемъ міромъ на выборномъ жершвенномъ мѣстѣ (Таушга) молодую лошадь въ жершву. Міряне спановятся кругомъ около мѣста, на которомъ сдѣланъ жершвенной срубъ или жершвенникъ (Ташкашъ) изъ сполбовъ и хворосу. Камъ барабанитъ и молился; послѣ чего убиваютъ лошадь и сдираютъ сѣ нее шкуру шакъ, чшо копыша, голова и хвостъ остаются при кожѣ, обѣзываютъ мясо около костей, варятъ вмѣстѣ сѣ нутренностію, и спавятъ богамъ на жершвенникъ, гдѣ оно и спѣитъ до шѣхъ поръ, пока продолжается возобновляемое моленіе. На послѣдокъ сѣдятъ

сами жертвенное мясо, а шкуру вѣшаютъ на шестѣ головою къ Востоку; возлѣ же оной прицепляютъ на веревочкѣ зайчы шкурки и другія небольшія жертвы. Ближайшія деревни принимаютъ въ шомѣ участіе. *Буряты* приводятъ на жертвенное мѣсто для осенняго праздника (Санге Гаара т. е. бѣлый мѣсяцѣ) лошадей, рогатой скотъ, овецъ и козъ. Тушъ приносятся у нихъ, какъ и у *Телеушъ*, въ жертву всѣ оныя животноя по порядку, и по шомѣ сѣдаются. Они убиваютъ шаковыхъ животнохъ пораженіемъ въ грудь и изпорженіемъ большой жилы. Молишвы свои обращаютъ они къ пряпичнымъ идоламъ (*Нугипъ* и *Ногатъ*), копорыхъ прикрѣпляютъ къ небольшой палашкѣ. Они спавятъ также березовые кусты, и привѣшиваютъ къ нимъ пряпицы какъ будто значки, копорыхъ движеніе почитаютъ они, по примѣру *Ламайскихъ* язычниковъ, молишвами. Нечислому изъ нупренности и все, чего не ѣдятъ, сожигаютъ, дабы собакамъ ни что не досталось. Кожи жертвенныхъ животнохъ вѣшаютъ около ихъ костей, и разпяливаютъ ихъ на ушвержденныхъ стоймя шестахъ: послѣ чего, пока споятъ, дѣлаютъ имъ всегда, когда бы ни увидѣли, поклоны. При семъ случаѣ освящаютъ они и вожжи для привязыванія жеребенковъ и шеляшъ: они привѣшиваютъ ихъ въ шаковомъ намѣреніи къ разпянутому канату, къ коему прикрѣпляютъ свиныя перья и молишвенные значки. *Якутскіе* и другихъ народовъ праздники сими подобны.

Случайныя жертвоприношенія болѣе ошмѣнны. О питаніи и окуриваніи идоловъ сказано уже выше. *Курилцы* послѣ всякаго звѣринаго промысла приносятъ въ жертву шкуру съ первоубитаго звѣря и вѣшаютъ ее передъ юршою. *Камгадалы* при нещасствіяхъ кидаютъ въ огонь по нѣскольку кусковъ рыбы. *Коряки* взопкнувъ собачью или оленью голову на колѣ, обращаютъ оную къ рѣкѣ или огнедышущей горѣ, и шворяшъ у оной при спукѣ въ волшебные барабаны молишвы. *Телеуты* въ случаѣ домашнихъ нуждъ приносятъ въ жертву зайца, копорого шкуру съ головою и ногами вѣшаютъ передъ дверьми на березкѣ и часто оной поклоняются. Обыкновенныя домашнія жертвы состояшъ вообще въ шкурахъ съ ласшочекъ и малыхъ животнохъ. При великихъ заботахъ приносятъ въ жертву и большихъ животнохъ съ вышеописанными праздничными обрядами, и разпяливаютъ кожи передъ хижинами; по чему около иныхъ шочно такъ, какъ на живодерныхъ мѣстахъ. Въ пушешествіяхъ приносятъ въ жертву горилъ и рѣкалѣ, черезъ

которыя переправляются, больше ельникъ, нѣсколько кусковъ мяса, рыбы или сырѣ, пучки волосъ изъ конской гривы, небольшія кожи, шубные и суконные лоскуты, и проч. Принесенное въ жершву горѣ вѣшаютъ на вершинѣ на дерево, кошорое *Тунгузы* называютъ *Малахитомъ*. Огню при всякомъ случаѣ приносятъ такія же малыя жершвы, равно сало или кровь, кошорую въ огонь бросаютъ. У *локойниковъ* приносятъ въ жершву обыкновенно большую жившину, какъ ихъ приданое, дабы души ихъ могли пользоваться душами животныхъ; но же самое дѣлаютъ они обыкновенно и на нѣкошорыхъ поминкахъ, при чемъ многіе кожи принесенныхъ въ жершву животныхъ развѣшиваютъ.

Къ жершвамъ же принадлежишь конечно и *посвященіе дворовой скотины*. Скотоводствующіе народы дѣлаютъ сіе въ шомѣ намѣреніи, дабы предохранить стада свои отъ бѣдъ или привлечь на оныя благословеніе и размноженіе. Въ первомъ случаѣ посвящаютъ они богамъ нѣкошорыхъ животныхъ, а особливо жеребцовъ и быковъ навсегда, въ послѣднемъ же и все стадо на одинъ или на нѣсколько мѣсяцовъ. Они вѣрятъ, что боги звѣрей и животныхъ для охраненія ихъ отъ бѣдъ ѣздятъ ночью верхомъ на посвященныхъ имъ скошинахъ; и при шомѣ утверждаютъ, что часто видятъ ихъ по ушрамъ въ поту. Въ разсужденіи жеребцовъ исполняется ихъ намѣреніе, по тому что оныя въ необузданномъ своемъ состояніи защищаютъ и непосвященныхъ кобылицъ отъ хищныхъ звѣрей, и въ нѣгѣ становятся еще бодрѣе. На посвященную лошадь опиюль не должно класть подержаного сѣдла, не садиться на нее женьщинѣ, не продавать оной и не убивать. Хозяинъ посвященнаго богамъ стада можетъ свободно онымъ пользоваться, но не долженъ такъ же въ продолженіе того времени, на кошорое оно богамъ посвящено, ни чего ни убивать, ни продавать, ниже дарить.

Когда *Буряты* посвящаютъ лошадь, то не разбираютъ при шомѣ ни шерсти, ни роду. Шаманъ приноситъ въ жершву у огня по немногу молока, сыру или шворогу, и молошное вино. Посвящаемую богамъ лошадь окачиваетъ онъ молокомъ. Онъ молишь повершывая небольшимъ значкомъ, кошорой на огнѣ поджигаешь и дымъ пускаешь лошади въ ноздри. По немногу волосу изъ гривы и хвоста кидаетъ въ южную спорону и привязываетъ къ гривѣ красной лоскутъ. На послѣдокъ ставишь онъ лошади на спину молошную чашу и пускаешь ее въ шпель. По паденію чаши узнаешь онъ,

угодна ли или пропивна богамъ сія живая жертва. *Стелные Тунгузы* поступающъ съ своими божьими лошадьми (Гангамъ) совершенно сходно, а *Телеуты* со своими (Іекъ) почти такъ же. *Кайсы* окуривающъ при семъ случаѣ животнохъ ирвнемъ.

При праздничныхъ и другихъ *моленіяхъ* оказывающъ къ божкамъ страхъ, а ошъ части и благоговѣніе. Всѣ ихъ *молитвы* опривисшы, и у просшаго челоука состояшъ единшвенно во вздохохъ ошносящихся къ его нуждамъ и желаніямъ. Творя молишвы сшановяшся лицомъ къ солнцу, горамъ, рѣкамъ, идоламъ или къ посшавленнымъ жертвамъ. Моленія свои обращающъ они прямо къ извъсшнымъ имъ именно божесшвамъ, сашанамъ и свяшымъ совокупно, ошъ части черезъ перебивку ихъ именъ, а ошъ части и умышленно, или и всѣхъ вмѣстѣ призывающъ. На примѣръ: *Богъ*, иня рекъ, или *боги и святыя! надѣлите меня* или моихъ домоводцовъ *здоровьемъ, размноженіемъ скота, удачнымъ звѣринымъ промысломъ*, и проч. Когда приносяшъ жертву, шо просяшъ о воздаяніи. *Боги!* и проч. *жертву сію приношу вамъ!* или питаю васъ оною; *надѣлите и вы меня взаимно дѣтьми, скотомъ, долголетствіемъ, отворотите смерть отъ моей жены, дѣтей, меня* и проч. Смершныхъ страховъ сіи холонокровныя просшакы ни какъ сноситъ не могушъ, и для отвращенія смерти готовы все сдѣлать. Боговъ укоряющъ, поламывая у себя руки, а иногда и безчинно: *гемъ я васъ огортилъ, боги! сатаны!* (*Шайшаны*) *святыя! что вы меня съ земли лохищаете? въ темъ согрѣшилъ мой мужъ, жена, дитя, пріятель* и проч. *что вы его умерщвляете, что предаете ихъ богамъ преисподней* и проч. Въ случаѣ же нещасшій ропщущъ такъ: *въ темъ я провинился, что скотину мою терзаютъ хищныя звѣри, что стрѣлы мои не поражаютъ звѣрей*. Шаманы имѣющъ нѣкошорыя при жертвоприношеніи и въ праздники чшшаемыя порядочныя молишвы, кошорыя они единшвенно по обшояшельсшвамъ перемѣняющъ. Они содержатъ въ себѣ призыванія боговъ и свяшыхъ, такъ же заклинанія, угрозы и обѣшы сашанамъ: при чемъ однакожъ перепушывающъ они имена, понятія и самыя дѣла. Главнѣйшая н. п. Телеутская молишва гласшъ въ переводъ такъ: *Боже! Царю неба* (*Кудай Кайра Камъ*)! *воззри на нашу жертву! соблюди Императрицу! даруй намъ здравіе, долголетствіе, дѣтей, скотъ, хлѣбъ и щастіе*. Молишвы *Шаманскія* у *Тунгузъ, Бурятъ*, и проч. походятъ на наши екшенія. Молишвы свои они выпѣвающъ, называющъ поимянно одно божесшво за другимъ, и просяшъ у каждаго шого,

что отъ него зависить, какъ на примѣрѣ у солнца ведра, у бога женѣ дѣшей, у бога звѣрей дичины, и шакъ далѣе, а у святыхъ или умершихъ Шамановъ предшательства. И они перемѣшиваютъ многократно боговъ, бѣсовъ, святыхъ, могущество ихъ и дѣла. Шаманы пробивъ въ барабанъ, чемъ думаютъ они возбудить въ богахъ и проч. вниманіе и ихъ созвать вмѣстѣ, поютъ у жертвеннаго огня слѣдующее: *Боже! даруй здравіе! не допусти звѣрять меня разтерзать, предохрани меня отъ ладенія съ горы, отъ лотолленія въ водѣ! надѣли дѣтями, скотомъ, дичью, рыбами!* (и другими надобностями, копорыя у всѣхъ въ разсужденіи простаго и единообразнаго житія почти одинаковы). *Мы приносимъ тебѣ въ жертву оленя, птицу, рысу, поставляемъ тебѣ идола* и проч. Міряне провозглашаютъ на всякомъ ошрывѣ рѣчи попеременно: *услыши!* (Го!) *услыши насъ!* (Гега!) *помоги!* *ули-лосердись!* что они часто по два и по три раза восклицаютъ. Шаманы называютъ напоследокъ только боговъ и святыхъ поимянно, и не прерываютъ возглашенія народа: *услыши, умилосердись, пособи!*

Похожія на волшебство дѣла идолослужителей, копорыя принимаютъ они собственно для укрощенія идоловъ, и почитая ихъ не меньше нужными, какъ и приносимыя богамъ и святымъ моленія непосредственно производятъ ихъ послѣ молитвъ, столь безшолковы, а отъ части и столь явно на обманѣ основаны, что опнюдь не достойны той пошлости и сожалѣнія, какихъ могутъ требовать сіи язычники, при добромъ намѣреніи своего богослуженія руководствуемые незнающихъ и заблуждающихся священнослужителей нелѣпыми преданіями и собственными своими чувствами и нуждами. Поступки идолослужителей съ бѣсами глупы, безшолковы, противны здравому разсудку, обаятельны, презрѣнія и сожалѣнія достойны.

Сколь ни мало связи между обаяніями Шамановъ и волшебниковъ: однакожь, при почтѣйшемъ разсмащиваніи оныхъ оказывается, что всѣ они одинакую имѣютъ цѣль. Шаманское суевѣріе присвоитъ бѣсамъ великое могущество и власть въ естественныхъ явленіяхъ и судьбахъ человѣческихъ, разпускаетъ злыхъ духовъ по всему свѣту, и присвоитъ имъ способность, наблюдать все и роду человѣческому вредить. Священнослужители и волшебники хвасаютъ, будто они имѣютъ знакомство съ духами, будто обходяща съ діаволами по дружески, будто имѣютъ

Часть III.

0

надъ ними власть и знаютъ средство ихъ выпрашивать, усмиряшь, а иногда и получаютъ чрезъ нихъ добро. Они разговаривающъ съ ними посредствомъ бубна. Отъ вѣрныхъ имъ злыхъ духовъ узнающъ они причины благоволенія, гнѣва и ненависти боговъ, событія къ ихъ умилосердивленію, знаніе прошедшихъ и будущихъ судебъ; получающъ также черезъ нихъ извѣстія изъ дальнихъ мѣстъ, могущество въ щастіи и нещастіи дѣлашь великія перемѣны, дарованіе толковать сны, предсказывать, и шакъ далѣе. Шаманское язычество, а еще больше почтеніе къ священнослужителямъ, утверждающа на семъ заблужденіи: и по тому сіи послѣдніе какъ неистовые обаятели, а отъ части какъ обманушыя бродяги, почитающіе самое существо дѣла истиннымъ, ревностно его подкрѣпляютъ; отъ чего производящъ въ обрядахъ волшебства нарочитая, однакожъ не весьма важная, разность.

Подробное описаніе разныхъ волшебныхъ и *заклинательныхъ хитростей* по причинѣ очевиднаго дурачества и сходственности: возбудило бы во многихъ негодованіе, и для того предложу здѣсь вкратцѣ шокмо то, что поважнѣе. Когда Шаманы, Камы, Хамы, и иные священнослужители, хошящъ узнать о чемъ нибудь прошедшемъ или будущемъ отъ Шайтановъ, Бунисовъ, Окодилоевъ и всего преисподняго собора духовъ, шакже освѣдомиться о своихъ и постороннихъ судьбахъ навѣдаются о причинахъ болѣзней и нещастій, всступя въ переговоры съ огорченными богами, или укропши и заклася бѣсовъ; то производящъ, предпріявъ шакое дѣло, свойственныя сумасшедшимъ шалости, и кажутся отъ части свирѣпѣющими. Надѣвъ на себя Шаманское платье и разведши огонь, курящъ обыкновенно съ ужасомъ табакъ, часто вздрогивающъ, и напоследокъ всшающъ для созыванія злыхъ духовъ посредствомъ бѣненія въ волшебной бубенъ. Они дѣлающъ при томъ крайне спранные скачки около огня и черезъ оной, кривящъ ротъ, размахивающъ руками, кричащъ и ревущъ безполковщину, и зовущъ духовъ поимянно; видѣщъ и слушащъ все сіе въ темнотѣ при глухомъ спукѣ въ барабанъ и бренчанъ навѣшанныхъ на Шаманское платье вещей, спршно. Спусся съ полчаса притворяюща они какъ будто бы явились уже бѣсы, и какъ будто бы они съ ними сражающа. Они спрашивающъ, грозятъ, просятъ, обѣщаютъ, наказываютъ имъ кое что, и шакъ далѣе. Когда хошящъ узнать ихъ отвѣтъ, то бросаютъ въ верхъ барабанную колотушку, или иное что изъ вещей, ношенныхъ шѣмъ, до кого отвѣтъ касаться бу-

дешѢ, на примѣръ шапку и проч. какъ будто бы съ паденіемъ шаковой вещи получается и ошвѣщѣ, и по шомъ ясовываютъ голову въ бубенѣ, слушающѣ со вниманіемъ, дрожатъ, встрепешываютъ и ношьюшѣ. Якутскіе, Чулымскіе и другіе Шаманы, предъавляютъ, будто при шаковомъ волшебномъ дѣйствіи душа ихъ различается съ шѣломъ. Рассказавъ предварительно нѣкоторыя безтолковыя выдумки, падаютъ замертво на земь, по шому, что будто душа ошѣ шѣла ихъ оплучается, посѣщаетъ преисподнихъ божковъ въ ихъ жилищахъ, горахъ, лѣсахъ, пропашяхъ и проч. и тамъ съ ними переговариваетъ. Души путешествуютъ туда на медвѣдяхъ, свиньяхъ, орлахъ и другихъ животныхъ. По шомъ утверждаютъ всѣ, что видѣли злыхъ духовъ во образѣ медвѣдей, львовъ, совъ, орловъ, лебедей, жуковъ, пауковъ, и проч. какъ будто бы свѣшѣ какой или шѣнь. *Отвѣты* даваемые ими, бываютъ, смотря по вопросамъ, прорицаніями, преисполненными въ прочемъ красками и сомнѣніями; по чему почти всегда сбываются: часто болтающѣ они много и о состояніи отсутствующихъ или о будущей людей участи. Не лзя бы и ожидать ошѣ шоліко непросвѣщенныхъ людей столь замысловатыхъ толкованій, какія они подаютъ часно не думавши и не взявши хорошенько въ толкъ вопроса.

Кромѣ сего вышшаго волшебства есть у всѣхъ язычниковъ еще и простое колдовство, производимое священнослужителями, а иногда и прослоюдимами, и сходное съ чародѣйствами Киргизскихъ мѣсяцословщиковъ, Цыганъ и нашихъ карточныхъ и кофейныхъ предсказательницъ. *Красноярскіе волшебники* (Едачи) и многіе другіе бросаютъ въ огонь овечью лопатку, и узнаютъ по шрещинамъ и пяпинамъ, какія на ней окажутся, какъ будто бы на письмѣ, что было и будетъ съ каждымъ вопрошающимъ. *Тувузскии* и другимъ предсказателямъ извиваніе пущенной стрѣлы или шрясеніе нашіянушой пешивы служитъ ошвѣшомъ на всѣ вопросы на удобопоняшномъ языкѣ. *Телецтскіе*, *Заянскіе* и *Аблицкскіе* мудрецы все уразумѣваютъ по шѣмъ изображеніямъ волшебнаго барабана, на которыя лягутъ сорокъ брошенныхъ въ верхъ палочекъ. *Якутскіе* Аюны вручаютъ шому, кто хочетъ знать будущую свою судьбу, монету или першень, и узнаютъ по шомъ по рукъ вѣрующаго все совершенно явственно. Для возбужденія *вѣтру*, привѣшиваютъ они пузыряной камень какого ни есть животноао вмѣстѣ съ палочкою и конскимъ волосомъ къ дереву, и говорятъ при шомъ съ несомнѣнною надеждою: *я отрицаюсь отъ отца и отъ матери, дабы видѣть твою силу*; не упоминая о многихъ другихъ безуміяхъ.

При всей темнотѣ и нестройности Шаманскаго язычества, а особливо толкованія о богахъ, не лзя не признашь въ немъ общихъ *понятій естественной вѣры*, и нѣкоторыхъ обрядовъ изъ *Моисеева* закона; жертвенные огни, жертвоприношенія и постановленія жертвъ, моленія, мнѣнія о оскверненіяхъ женъ чрезъ естественныя перемѣны, и много другаго, взято конечно изъ Иудейскаго Закона. Просвѣщенію ихъ противуборствуетъ во первыхъ то, что всѣ ихъ понятія относяща къ чувственнымъ предметамъ, а во вторыхъ ихъ обстоятельства, и соотвѣтственное ихъ пустынямъ суровое, отъ части и бѣдное, житіе, которое совсемъ препятствуетъ обучашь дѣшей и порядочно воспитывать. По разрушеніи же таковыхъ препятствій, можно бы сихъ, по большей части добрыхъ, народовъ, чуждающихся предразсужденій и ненависти относительно къ иновѣрцамъ, легко возбудить удобопонятными поученіями и добрыми примѣрами къ отверженію своихъ суемыслий и къ принятію основаннаго на благоразуміи Богослуженія.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

